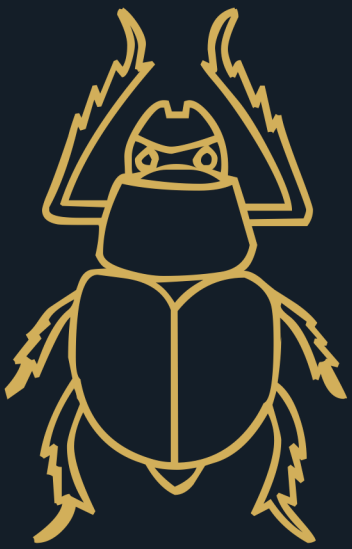
ГОВАРД КАРТЕР

ГРОБНИЦА ТУТАНХАМОНА

ТОМ II

ГОВАРД КАРТЕР

ГРОБНИЦА ТУТАНХАМОНА

Том II. Погребальная камера

Об этой книге

Второй том Говарда Картера охватывает сезоны 1923–1926 годов: разборку четырех позолоченных ковчегов в погребальной камере, вскрытие каменного саркофага и трех вложенных друг в друга гробов — последний из чистого золота, — и исследование мумии царя.

Картер рассказывает о Тутанхамоне и его эпохе, о египетском искусстве, о парадных колесницах и о погребальных обычаях. В приложениях — отчет анатома Дугласа Дерри о мумии, «Химия гробницы» Альфреда Лукаса, исследования венков, тканей и образцов и описание предметов к таблицам снимков Гарри Бертона.

Содержание

Предисловие	5
Введение. Заметки о египетском искусстве	24
Глава I. Тутанхамон	33
Глава II. Гробница и погребальная камера	47
Глава III. Расчистка погребальной камеры и вскрытие саркофага	70
Глава IV. Парадные колесницы	95
Глава V. Вскрытие трех гробов (сезон 1925–1926 годов)	108
Глава VI. Некоторые черты египетского погребального обряда	149
Глава VII. Исследование царской мумии	167
Приложение I. Отчет об исследовании мумии Тутанхамона	203
Приложение II. Химия гробницы	220
Приложение III. Отчет о цветочных венках из гробов Тутанхамона	245
Приложение IV. Заметки о предметах из гробницы	253
Приложение V. Отчет об исследовании образцов из гробницы	270
Приложение VI. Описание предметов	273

ПРЕДИСЛОВИЕ

✦

Поскольку этот том посвящен нашей работе над гробницей Тутанхамона во втором, третьем и четвертом сезонах, я не стану утомлять читателя повторением драматических событий, сделавших памятной первую часть открытия, — разве лишь настолько, насколько это нужно для общего представления.

Читатель, без сомнения, помнит по первому тому и по сообщениям, обошедшим весь мир, как после многих лет труда мы наконец достигли цели, найдя в скальном основании под входом в гробницу Рамсеса VI вырубленную ступень, которая оказалась началом лестницы, ведущей вниз, в гробницу Тутанхамона.

Велико было наше благоговейное волнение, когда мы сделали это открытие, расчистили лестницу и круто уходящий вниз коридор и вошли в переднюю камеру, когда впервые увидели в этом подземном покое великолепие эпохи Египетской империи — за четырнадцать веков до Рождества Христова. Пышность этого зрелища, его роскошный блеск делали его больше похожим на беспорядочное великолепие поддельных сокровищ, сваленных вместе в реквизиторской какого-нибудь нынешнего театра, чем на подлинную действительность, дошедшую до нас из древности.

Впечатление было ошеломляющим, почти подавляющим. К тому же размах открытия застал нас врасплох.

Правда, мы ожидали найти гробницу Тутанхамона в Фиванской долине — по причинам, уже изложенным в первом томе, — но величайшей неожиданностью для нас было найти ее, по существу, нетронутой. В отличие от других царских гробниц Долины,

которые все были дочиста разграблены, так что от их убранства остались лишь немногие обломки, эта гробница была практически цела, если не считать давнего посещения нескольких похитителей металла. Этому обстоятельству мы и обязаны были и великим удивлением, и великой удачей. Будь гробницы великих фараонов Фиванской державы найдены в подобном же состоянии, гробница Тутанхамона показалась бы сравнительно незначительной, хотя искусство его времени и тогда осталось бы явлением выдающимся.

Однако мы скоро поняли, что первый наш долг — описать, расчистить и сохранить содержимое передней камеры, прежде чем браться за что-либо другое. Предметы в этой камере так опасно соприкасались друг с другом, что вынести их, ничего не повредив, было, как мы видели, задачей нелегкой. Большая часть первого сезона ушла на то, чтобы перенести их в лабораторию, где в конце концов и были выполнены их описание, укрепление и упаковка. Лишь когда эта камера была расчищена, мы смогли проникнуть за внутреннюю запечатанную дверь и разгадать ее тайну.

Хотя проницательная догадка и подсказывала, что может находиться за этой таинственной запечатанной дверью, охраняемой двумя внушительными статуями-часовыми царя, черными с золотом, вооруженными булавой и посохом, мы никак не ожидали того величественного зрелища, что открылось нам, когда камень за камнем разбирали закладку прохода. Сначала взгляд наш встретила, по всему виду, стена из золота, ничем не выдававшая своего смысла, пока, по мере того как отверстие становилось больше, мы не поняли, что вид нам загораживает огромный позолоченный ковчег и что мы стоим у входа в собственно погребальную камеру царя.

Почти несообразное смешение предметов и утвари — ларцы и ложа, кресла, скамеечки для ног, колесницы и статуи — наполняло переднюю камеру. Все это было довольно разнородно, но во многих случаях являло доброе искусство, полное домашней нежности, так что мы невольно задумывались, не нашли ли мы, разыскивая гробницу фараона, гробницу мальчика. От странных обрядовых лож, сделанных в виде диковинных зверей, — божеств-демонов, сравнимых с греческими сатирами: Таурт, «Великой», любимицы народа, отчасти гиппопотама, отчасти крокодила, отчасти кошки, олицетворяющей «Защиту»; Хатхор, «Обители Гора», в образе коровы, богини радости и любви, кормилицы смертных и бессмертных; и «Грозной богини войны», а может быть, «охоты», сделанной в виде льва или, если быть точнее, гепарда, — от них мы перешли в строгую и простую погребальную камеру, почти целиком занятую ее великим погребальным ковчегом, синим с золотом.

Трудно описать наши чувства, когда свет наших мощных электрических ламп впервые залил погребальную камеру — «тихую обитель владыки Запада», осветив стены, на которых были написаны божества Аментит, погребальный балдахин, который везут на санях первые вельможи страны, царь Эйе перед Тутанхамоном в образе Осириса, и озарив огромный ковчег, покрытый золотом и выложенный блестящими синими фаянсовыми плитками, заполнявший почти всю площадь камеры: от стен со всех четырех сторон его отделяли лишь один-два фута, а его большая кровля почти достигала потолка.

Когда мы нашли первую ступень; когда вскрыли переднюю камеру и впервые увидели ее теснящиеся чудеса; когда был пробит этот запечатанный проход в погребальную камеру и когда мы впервые в истории археологии увидели один из великих

погребальных ковчегов, под которыми покоились фараоны Египта, — таковы, если не изменяет мне память, были волнующие мгновения первой части открытия.

Бывают мгновения, обычно редкие и всегда краткие, когда жизнь сильно всколыхнут череда впечатляющих событий, встающих перед нами одно за другим. На них мы оглядываемся с удовольствием, и память любит сравнивать, какое впечатление каждое из них произвело на ум. Такие переживания порой выпадают археологу, чтобы облегчить его труды и вознаградить за усилия; и, оглядываясь теперь на работу второго сезона, я думаю, что никогда наш интерес не был так глубоко захвачен, как в то время, когда все наше внимание сосредоточилось на содержимом той простой гробницы. Задача, как ни была она трудна, стала тогда увлекательной. Первым нашим делом было убрать различные предметы, стоявшие вокруг ковчега, а затем разобрать и его самого вместе с вложенными друг в друга ковчегами, укрывавшими в середине великий саркофаг из желтого кварцита.

Над эмблемами, символами, утварью и памятниками, связанными с египетским погребением, особенно когда видишь их впервые, всегда витает дух тайны и благоговения; и когда крышку благородного саркофага медленно подняли и под ней открылся великолепный внешний гроб царя, нам снова выпало одно из этих высших, потрясающих душу мгновений. Но жизнь полна горьких разочарований, и именно здесь трудам нашим той зимы суждено было преждевременно оборваться.

Мы возобновили работу осенью 1923 года так рано, как только позволила жара, чтобы иметь как можно больше времени для работы в прохладную пору зимы и весны, но расчет наш не оправдался: замысел был расстроен досадным недоразумением,

вернее, целой чередой недоразумений, о которых теперь необходимо коротко сказать.

Как хорошо известно, покойный лорд Карнарвон глубоко интересовался египетской археологией — труд его никогда не будет забыт, — и в течение многих лет он поручал мне руководство своими раскопками в Египте. И, желая повторить те чувства, что я выразил в посвящении первого тома моему любимому другу и покойному товарищу по работе, я должен здесь прибавить и свою благодарность Альмине, графине Карнарвон, за ее великодушное содействие в продолжении этой работы, посвященной его памяти.

В 1914 году мы получили от египетского правительства концессию на раскопки в Долине царских гробниц. Эта концессия, как обычно бывает в таких случаях, выдавалась лишь на один год с ежегодным продлением, и в ноябре 1922 года, когда была открыта гробница, она еще оставалась в силе.

Здесь можно сказать, что хотя концессия и давала ее держателю права, они не были четко определены, и этой неполной ясности можно приписать по меньшей мере часть возникших затруднений.

В соответствии с концессией (особенно с ее пунктом 12 b) лорд Карнарвон с полным основанием полагал, что все права на публикацию результатов предприятия обеспечены за ним. Поэтому, а также ради того, чтобы упростить распространение новостей, на которые у печати был огромный спрос, он заключил соглашение с «Таймс»: волнение, вызванное первым известием об открытии, было так велико и так широко разошлось, что почти сразу стало ясно — чтобы избежать постоянных помех и вытекающей из них опасности для работы, надо найти способ

выпускать новости для мировой печати через одну-единственную организацию.

Договор не был доходным делом ни для одной из сторон: для «Таймс» сделка обернулась денежным убытком, а деньги, полученные экспедицией, пошли на очень тяжелые расходы по работе.

Но, к несчастью, соглашение с «Таймс» вызвало немалые трения и с печатью, и с египетским правительством.

После прискорбной кончины лорда Карнарвона в апреле 1923 года было решено продолжать расчистку гробницы в память о нем, и по желанию семьи было условлено, что работы буду вести я. В итоге переговоров со Службой древностей Альмине, графине Карнарвон, было разрешено продолжать предприятие лорда Карнарвона до 1 ноября 1924 года.

Поэтому, когда я приехал в Каир 8 октября 1923 года, передо мной стоял вопрос, как вести захватившую меня работу, по возможности избегая трений. Однако, к несчастью, ни печать, ни публика не понимали, сколько времени и сосредоточенного труда требует расчистка гробницы. Мало-помалу начались затруднения. Газеты соперничали из-за материала, туристы не жалели никаких усилий, чтобы добыть разрешение на осмотр гробницы; пробудилось бесконечное соперничество; дни, которые следовало посвятить научной работе, уходили на переговоры, слишком часто бесплодные, а нужды археологии отодвигались на задний план. Но здесь не место взвешивать доводы сторон в споре, ныне законченном, и не принесло бы никакой пользы подробно рассказывать о долгой череде неприятных случаев, мешавших нашей работе. Все мы люди. Никто не бывает мудр всегда — и, быть может, меньше всех археолог, видящий, как его старания выполнить всепоглощающую задачу расстраивают тысячи мелких

уколов и нескончаемых помех. Не мне возлагать на кого-либо вину за то, что произошло, и не мне нести ответственность за спор, в котором в какую-то минуту, казалось, оказались под угрозой интересы археологии в Египте.

Как поднимаются такие бури, никогда не бывает вполне ясно. В подобных столкновениях всегда участвуют причины неуловимые, а дух раздора деятелен в большинстве человеческих дел. Ожидать в такое время полной справедливости и беспристрастия — значит требовать слишком многого. К тому же человек может унаследовать обязательства, выполнять которые — его прямой долг, хотя сам он их на себя не брал, и уж конечно он не отвечает за ту резкость, которую могут внести в дело различные чувства, политические и иные.

Из сказанного легко понять, что много драгоценного времени было потеряно в споре, необычайно далеком от того спокойного духа, которым должно руководствоваться исследование.

Из дальнейшего будет видно, что работать в новых условиях стало легче, особенно когда права обеих сторон были тщательно определены, а давние первоначальные притязания были оставлены ради доброго дела.

В самую трудную пору этого тягостного положения, сложившегося между египетским правительством и мною, профессор Брестед и сэр Джон Максвелл, а еще позднее мистер Г. Э. Уинлок любезно выступили в мою защиту. Но дело оставалось столь трудным, что их дружеские усилия почти не принесли плода. Однако после длинной череды лекций, начавшейся в Америке и закончившейся в Мадриде, я в декабре 1924 года вернулся в Египет, где меня самым сердечным образом принял новый премьер-министр Зивар-паша и его кабинет. Его превосходительство Зивар-паша выразил желание, чтобы я

продолжил свою работу и вновь открыл гробницу. Разумеется, обрадованный, я ответил, что очень хочу этого и что Альмина, графиня Карнарвон, столь же желает возобновления нашей работы, но, прибавил я, как ее представитель, я должен прежде всего хранить верность ей и делу. Было высказано предложение, что справедливое решение можно найти, если предложить возобновить концессию на основе той, что прежде была составлена благодаря любезному посредничеству мистера Уинлока и мэтра Жоржа Мерцбах-бея (действовавшего от моего имени) в переговорах с его превосходительством Абд эль-Хамид-пашой Бедави, королевским советником, и генеральным директором Службы древностей.

После нескольких совещаний между этими представителями египетского правительства, с одной стороны, и мэтром Мерцбахом и мною — с другой, решение было найдено и составлен окончательный текст концессии, с которым согласились их превосходительства министр общественных работ и премьер-министр.

Но было очевидно, что такие вопросы требуют самого бережного и осторожного обращения, поскольку приходилось принимать во внимание несколько важных и отчасти противоречащих друг другу притязаний. Вопрос о разделе части найденного материала нельзя было обойти ни с общемировой, ни с национальной точки зрения, и он стал чрезвычайно острым, когда нам пришлось иметь дело со столь обширным, столь важным и столь разнообразным материалом, как содержимое гробницы Тутанхамона. В вопросе о национальной значимости мы были единодушны; но теперь возник другой вопрос — о тяжелом труде и расходах, понесенных наследниками Карнарвона, и о пользе, которую в итоге получил весь Египет. Должны ли были

эти притязания получить признание? Я с благодарностью могу сказать, что по этому именно вопросу было достигнуто взаимопонимание. Помимо самой новой концессии, в которой мы отказались от всех подобных притязаний, между его превосходительством министром и мною по этому вопросу были написаны два следующих письма:

Каир, 13 января 1925 года.

Ваше превосходительство,

имею честь сообщить Вам, что 29 декабря 1924 года я направил его превосходительству председателю Совета министров письмо, в котором предложил возобновить работу в гробнице Тутанхамона на основе общих условий, установленных проектом разрешения, сообщенным Альмине, графине Карнарвон, в июне прошлого года, и вместе с тем просил, чтобы вопрос о собственности на предметы, указанные в статье 12 названного разрешения, был оставлен открытым до того дня, когда работа будет окончена и все предметы, находящиеся в гробнице, будут переданы в Каирский музей. В прошлую среду состоялась встреча г-на Лако и Бадауи-паши, с одной стороны, и Мерцбах-бея и меня — с другой, во время которой я имел возможность уточнить свою мысль относительно этого разрешения.

Пользуясь желанием видеть возобновление названных работ, которое соизволили выразить как его превосходительство председатель Совета, так и Ваше превосходительство, позволяю себе довести до Вашего сведения, что Альмина, графиня Карнарвон, была бы признательна Вашему превосходительству, если бы Вы соблаговолили дать ей разрешение возобновить их на условиях, которые уже были ей сообщены, с теми уточнениями, которые Юридический отдел Министерства общественных работ и Служба древностей согласились включить в названное разрешение.

Получив от Вашего превосходительства заверение в том, что Вы не возражаете против выдачи разрешения на этих условиях, Альмина, графиня Карнарвон, сочтет своим долгом отказаться сама и добиться отказа душеприказчиков от всякого иска, требования или притязания как в отношении гробницы Тутанхамона и происходящих из нее предметов, так и по поводу отмены разрешения и мер, принятых правительством вслед за этой отменой.

В уверенности, что Ваше превосходительство в духе благожелательности соизволит дать названное разрешение, прошу Вас принять уверения в моем глубоком уважении.

(Подпись) Говард Картер.

Его превосходительству министру общественных работ, Каир.

Каир, 13 января 1925 года.

Министерство общественных работ,
Кабинет министра,
№ 133-2/4.

Милостивый государь,

имею честь подтвердить получение Вашего письма от сего числа, которым Вы уведомляете меня, что Альмина, графиня Карнарвон, просит разрешения возобновить работы в гробнице Тутанхамона на условиях, сообщенных ей в июне прошлого года, с теми уточнениями, которые мой Юридический отдел и Служба древностей согласились включить в названное разрешение.

Искренне желая видеть эти работы возобновленными, я не возражаю против выдачи разрешения на вышеуказанных условиях, при том что Альмина, графиня Карнарвон, откажется сама и добьется отказа душеприказчиков от всякого иска, требования или притязания как в отношении гробницы Тутанхамона и происходящих из нее предметов, так и по поводу

отмены разрешения и мер, принятых правительством вслед за его отменой.

Желая выразить свою признательность за это замечательное открытие, правительство, не считая себя связанным каким-либо обязательством в отношении предметов, найденных в гробнице, предполагает, следуя предложению, сделанному г-ном Лако на другой день после открытия, передать по своему усмотрению Альмине, графине Карнарвон, подборку дубликатов, возможно более полно представляющую открытие, при условии, что эти дубликаты можно будет изъять из общего собрания без ущерба для науки.

Кроме того, чтобы избавить руководителя раскопок от всяких неприятных толков, перевозку мумии царя в Каир, если в ней возникнет необходимость, возьмет на себя и примет за нее ответственность одна лишь Служба древностей.

Примите, милостивый государь, уверения в моем совершенном уважении.

Министр общественных работ
(Подпись) М. Сидки.

Господину Говарду Картеру, «Континенталь-Савой», Каир.

Именно на этой основе и при добром расположении обеих сторон гробница была вновь открыта, и 25 января 1925 года работа возобновилась.

Таким образом, как видно, работа третьего сезона по необходимости была короткой. Она началась в самый разгар туристического сезона, и поэтому ни о какой серьезной работе в гробнице не могло быть и речи. Интерес публики был велик. Луксор был переполнен приезжими, и немало из них живо и со знанием дела интересовалось нашими исследованиями и желало увидеть гробницу. Но, хотя делалось все возможное, чтобы

исполнить их желание, по меньшей мере одна часть нашей работы продолжалась: с 1 февраля по 31 марта той зимы мы смогли подготовить к перевозке в Каирский музей различные предметы, найденные в погребальной камере в предыдущем сезоне, и там их сразу же выставили.

У меня нет желания уклоняться от критики, и все же я считаю себя обязанным коснуться одного небольшого вопроса. Меня довольно строго упрекали за медлительность в работе. На такую критику, думаю, вправе ответить, что, имея дело с хрупкими предметами разной степени сохранности и всемирного значения, легко за минуту погубить то, что могут спасти несколько дней, а то и недель бережной и терпеливой обработки. Кроме того, древности, которые предстоит перевезти в музей, должны быть как следует укреплены, чтобы выдержать опасности пути. В спешке нередко таится большая опасность.

По правде говоря, нам выпала редкая удача в большей части наших работ по сохранению предметов. Доктор Александр Скотт, приехавший в Египет (зимой 1923–1924 годов) по нашей просьбе как химик-консультант, оказал ценную помощь в решении многих сложных задач, вставших перед нами, и особенно задачи с очень хрупким льняным покровом. Его надо было снять с древних деревянных распорок (см. ниже) и перенести к входу в лабораторию, где опытные руки профессора Ньюберри и миссис Ньюберри должны были подложить его новой тканью. Когда в трудную пору работа вышла из-под моего надзора, должностные лица, принявшие ее на себя, оставили этот любопытнейший памятник под открытым небом без достаточной защиты, и в итоге он почти совсем погиб, так что наши усилия спасти его оказались напрасными.

Когда открытие было только что сделано, лорд Карнарвон и я оказались перед работой подавляющего размаха, и в эту решающую минуту попечители и директор музея Метрополитен в Нью-Йорке самым великодушным образом пришли нам на помощь и, в ущерб себе, предоставили в наше распоряжение мистера Артура Мейса и мистера Гарри Бертона. До последних двух сезонов значительной частью успеха в описании древностей и обращении с ними мы были обязаны мастерству, большому опыту и щедрой помощи мистера Мейса. К несчастью, здоровье его, давно подорванное тяжелым трудом, летом 1924 года изменило ему, и потому мы лишились его неоценимой помощи и поддержки как в наших трудах в Египте, так и в составлении этого тома.

Что касается четвертого сезона, прежний опыт научил нас, что лучше всего возобновить работу в гробнице Тутанхамона, как только спадет сильная летняя жара. Нашей целью было вести работу с должной научной последовательностью, как можно меньше прерываясь, и, отвечая желанию египетского правительства, как можно раньше в течение туристического сезона открыть гробницу для публики. Поэтому я выехал из Лондона в сентябре и начал работу в начале октября.

Программа, в научной последовательности, была такова: сначала поднять вложенные друг в друга гробы, находившиеся в саркофаге, вскрыть и осмотреть их, а затем исследовать мумию царя — задача, занявшая у нас почти восемь месяцев, то есть до конца мая 1926 года.

На протяжении всего исследования царской мумии мне посчастливилось пользоваться неоценимой помощью доктора Дугласа Дерри, профессора анатомии медицинского факультета Египетского университета, и доктора Салех-бея Хамди, директора

санитарной службы Александрии. Им мы обязаны заметкой о мумии царя, помещенной в этом томе. В химической и охранной части работы я по-прежнему пользовался советами и ценной помощью мистера А. Лукаса, правительственного химика при Каирском музее; музей Метрополитен в Нью-Йорке все так же великодушно позволял мне сохранить при себе мистера Бертона для его превосходной фотографической съемки. Весьма искусные снимки, сделанные им, необыкновенно красивы и вместе с тем имеют большую археологическую ценность.

Что до туристической стороны дела, то с января по март гробницу посетили более 12 300 человек, а лабораторию — около 270 групп.

В археологической работе почти всегда случается обратное тому, чего ожидаешь. Вскрыть эти сложные гробы, не причинив им вреда, оказалось делом запутанным. Порядок, которому нам пришлось следовать при исследовании мумии царя, был, мягко говоря, удручающим.

Судя по внешнему виду внешнего гроба Тутанхамона, по сохранности царских мумий, найденных прежде и находящихся ныне в Каирском музее, несмотря на все, что им довелось претерпеть от грабителей, можно было ожидать, что этот нетронутый царь окажется почти в совершенном состоянии. К несчастью, этого не случилось. Мы нашли его в ужасном состоянии. Все говорило о том, что бальзамировали его с великим тщанием; он был спеленут множеством тончайших пелен, подобных батисту; он был буквально усыпан всевозможными украшениями и амулетами; он был заключен в гроб из чистого золота; но сам обычай последних погребальных обрядов и стал причиной его гибели.

И мумию, и золотой гроб облили в большом количестве освященными умащениями. Эти умащения состояли из жировых веществ, смолы и, возможно, древесной смолки и первоначально были жидкими или полужидкими. С течением времени разложение умащений разрушительно подействовало на содержимое гроба. Отвердевший остаток умащений образовал к тому же твердую черную массу, похожую на смолу, которая накрепко приклеила и мумию, и ее маску ко дну гроба, и никакое допустимое усилие не могло их сдвинуть. Мумию пришлось исследовать там, где она лежала, прямо в гробу. Тем самым всякое последовательное снятие пелен, на которое мы надеялись, стало невозможным. Обуглившиеся льняные бинты, рассыпавшиеся в прах от прикосновения, приходилось снимать по кусочку. Кроме того, из-за этих условий нельзя было применить рентгеновские лучи.

Тем не менее, хотя работа и не была выполнена так чисто, как хотелось бы, я рад сказать, что почти никакие сведения, если вообще какие-либо, не были утрачены, и все предметы в конце концов удалось сохранить. Сохранение этих украшений и амулетов потребовало многих месяцев работы. Здесь понадобился опыт не только химика, но и ювелира. Если бы не умащения, Тутанхамон, его пелены и украшения в золотом гробу были бы почти так же совершенны, как в тот день, когда их туда положили.

Еще одна трудность состояла в том, чтобы извлечь золотой гроб из оболочки второго гроба. Умащения, вылитые на них, совершенно заполнили и сцементировали пространство между двумя гробами, накрепко склеив их. В конце концов и эта задача была решена, и теперь у нас есть два совершенно целых гроба, чудеснее которых еще не находили.

Для археологии важно отметить, что все три гроба не только имели облик Осириса, но и были украшены узором из перьев. Мумию царя мы нашли аккуратно убранной и оформленной так, чтобы она изображала Осириса. Голову и плечи покрывала великолепная маска из кованого золота. Наружные пелены были украшены тяжелым золотым убором, несколько пострадавшим от действия умащений. В пеленах было заключено 143 предмета: диадема, кинжалы, пояса, личные украшения и амулеты. Три из этих предметов оказались поразительной находкой. Они были из железа — это, по-моему, первое достоверное намеренное появление этого металла в египетской цивилизации. Оно приходится приблизительно на то время, когда в Сирии железо начало вытеснять бронзу. Еще один чрезвычайно важный исторический факт открыла мумия царя — его возраст в час смерти и его замечательное сходство в строении тела с тестем, Эхнатоном, что проливает свет на его вероятное происхождение. Любопытно также, что на теле не оказалось настоящего сердечного скарабея и что мы пока не нашли никаких следов письменных документов вроде папирусов, ни религиозных, ни литературных.

Материал, найденный в этом последнем сезоне, перевезен в Каирский музей, где большая его часть уже выставлена. Мумия царя, вновь спеленутая, останется в его гробнице, заключенная в его саркофаг.

Много волнующих переживаний принесла работа последнего сезона, но теперь, оглядываясь назад, мне кажется, что вершины этих трогательных впечатлений мы достигли тогда, когда были сняты последние истлевшие бинты и впервые открылись черты юного царя. Молодой фараон был наконец перед нами: безвестный и недолгий правитель, перестав быть лишь тенью

имени, после более чем трех тысяч лет вновь вошел в мир действительности и истории! Вот она, вершина наших долгих изысканий! Гробница отдала свою тайну; весть прошлого дошла до настоящего, несмотря на тяжесть времени и разрушительную работу стольких лет.

Сокровищница погребальной камеры и боковая камера при передней камере еще ждут исследования.

Хотя в нашем себялюбивом мире легче, может быть, помнить, чем мы обязаны другим, нежели дать им почувствовать нашу признательность, я считаю, что должен здесь выразить, пусть и недостаточно, мою благодарность многим друзьям, поддерживавшим меня помощью и участием. Их слишком много, чтобы всех перечислить. Есть один старый друг многих лет — мистер Перси Уайт, который настаивает, что любая помощь, какую он был в силах мне оказать, уже вознаграждена сама собою, как труд любви. Я все же должен смутить его самой горячей благодарностью за помощь в составлении этого тома, хотя ради него больше ничего не скажу.

Должен, однако, упомянуть, что и доктор Алан Гардинер, и профессор Ньюберри оказали мне всяческую помощь в переводе различных найденных нами текстов и что определением ботанических образцов я всецело обязан моему старому другу и коллеге профессору Ньюберри.

И наконец, мои египетские помощники и рейсы, служившие мне в зной и тяготы многих долгих дней; их верную службу я всегда буду вспоминать с уважением и благодарностью, и я привожу здесь их имена: Ахмед Гургар, Хусейн Ахмед Саид, Гад Хасан и Хусейн Абу Авад.

Прежде чем закончить это предисловие, я считаю своим долгом коснуться еще одного предмета. Можно сказать, что, как

общее правило, там, где кончается знание, основанное на доказательствах, начинается тайна. Исследователь сознает это, в какую бы сторону ни вели его занятия. Многое в жизни древних египтян неизбежно остается темным и неясным — отчасти потому, что главной мыслью культов, через которые они нам открываются, было разъяснить живым, что следует за смертью. Чувство египтолога, однако, — не страх, а уважение и благоговение. Оно совершенно противоположно тем нелепым суевериям, что слишком распространены среди впечатлительных людей, ищущих «психических» волнений.

Я не намерен пересказывать вымышленные истории об опасностях, будто бы подстерегающих в засаде в этой гробнице, чтобы погубить того, кто в нее войдет. Подобные рассказы уже много лет обычны в беллетристике; большей частью это разновидности обычной истории о привидениях, и как законный род литературного развлечения их можно принять. Но у этого вопроса есть и другая, серьезная сторона, против которой приходится возразить. В разных местах утверждалось, что в гробнице Тутанхамона таятся действительные телесные опасности — таинственные силы, вызванные к жизни какой-то зловредной властью, чтобы отомстить всякому, кто дерзнет переступить ее порог. Пожалуй, не было на свете места, более свободного от опасностей, чем эта гробница. Когда ее вскрыли, научное исследование показало, что она стерильна. Какие бы посторонние микробы ни находились в ней сегодня, они занесены извне; и все же иные люди приписывали многие смерти, болезни и несчастья мнимым таинственным и вредоносным влияниям. Недопустимые и ложные утверждения такого рода печатались и повторялись в разных местах с каким-то недобрым удовлетворением. Право, трудно говорить спокойно об этой

«призрачной» клевете. Если это и не прямая клевета в судебном смысле, то нечто весьма к ней близкое, и всякий здравомыслящий человек должен решительно отвергнуть подобные выдумки. Что касается живых, проклятиям такого рода нет места в египетском ритуале. Напротив, нам благочестиво предписано выражать умершим наши добрые пожелания. А то, что подобного духа мудрого милосердия недостает упомянутым любителям пересудов, наводит на мысль, что в некоторых отношениях наш нравственный прогресс не так очевиден, как обычно полагают добрые люди.

Ноябрь 1926 года.

Говард Картер.

ВВЕДЕНИЕ. ЗАМЕТКИ О ЕГИПЕТСКОМ ИСКУССТВЕ

✦

Спор, разгоревшийся вокруг искусства древних египтян, яснее, чем когда-либо прежде, показал, что целью всякой достойной критики должно быть правдивое суждение, не подвластное требованиям преходящей моды и не скованное привычкой к грубым сравнениям. Искусство, у которого есть своя собственная мерка, нельзя справедливо мерить ценностями другого искусства, порожденного иными народными условиями и иными религиозными влияниями. Часть критики, вызванной художественной деятельностью этого древнего народа, была по своему характеру пренебрежительной и несправедливой, и пусть это послужит мне оправданием для следующих предварительных и, как может показаться, уводящих в сторону замечаний.

Рассматривая этот вопрос во всех его видах, я надеюсь, что, если я говорю о нем с благоговением, меня не поймут так, будто я считаю, что это искусство в своем развитии не допускало дальнейшего совершенствования: я имею в виду не это. Я имею в виду вот что. Хотя ему, быть может, и нужны кое-какие добавления, в подлинном смысле его едва ли можно улучшить. При всех его недостатках и кажущихся нам несообразностях подлинная весть его открыта всякому, кто способен ее воспринять, и, быть может, тем сильнее, что это искусство держалось в своих пределах и никогда не было чисто подражательным.

Люди, никогда как следует не вникавшие в предмет или, быть может, утомленные им, утверждали — вероятно, потому, что их суждение искажено отсутствием перспективы или явной удаленностью этого искусства от наших условностей, которая непривычному глазу может придать ему вид однообразия, — что по этой причине египетское искусство отталкивает. Такой довод — или да простится мне, если я назову его уловкой, — следует считать недостойным здравой критики. У всякого искусства свой язык. С тем же основанием можно было бы возражать против французского слова *homme* потому, что это не английское слово *man*. Незнакомство с предметом — слепой и опаснейший проводник. Бывало, что такие критики восклицали: «Какая великолепная женщина!» — глядя на прекрасно сложенного молодого бишарина; ошибка простительная для всякого, кто не знаком с телосложением этого народа.

Далее, когда сетуют на будто бы отсутствующее движение, — так ли уж его в самом деле нет? Нет; движение всякого рода можно найти в египетских рельефах и росписях, в целом движение не преувеличенное, но сдержанное и строгое. Можно ли сказать, что в нем нет изящества линии? Простое изящество линии — одна из его черт. Быть может, некоторые критики на самом деле хотят сказать, что из-за отсутствия перспективы не выражены такие качества, как перспективное сокращение линий, которого они ждут. Если искать движения как такового, то любой современный моментальный снимок даст нежелательный и тягостный результат. С нашей точки зрения недостаток, если это недостаток, состоит просто в отсутствии сокращения линий, вызванного зрительной перспективой; но раз его нет в египетской условности — искусстве, во всех прочих отношениях

законченном, — зачем его искать? Добавьте к нему перспективу, и египетского искусства у нас больше не будет.

Нет сомнения, что огромное количество египетских изделий, именуемых «искусством», было изготовлено для нужд религиозных обрядов и поверий. Этот спрос, естественно, породил массу работ малой художественной ценности, которые не только перестают привлекать, но во многих отношениях могут даже отталкивать. Но когда научишься различать и отбирать более благородные образцы, видишь, как они полны достоинства и ясного покоя. В сущности, мы находим в шедеврах особое чувство и тонкость в пределах простоты — простоты, возвышающейся до поразительной степени, — которые никогда не были превзойдены.

Никогда не следует забывать, что у египетского художника каждый предмет, изображенный в его сюжете, показан со своей собственной точки зрения и что предметы трактуются каждый сам по себе, а не в соотношении друг с другом. Поэтому подлинное назначение лучей зрения в линейной перспективе отпадает, и введение ее в такую условность, как древнеегипетская, дало бы еще более ложное впечатление.

Применять к искусству столь уравновешенному и законченному в себе — пусть у него есть свои особенности, пусть в нем даже встречаются несообразности и недостает некоторых качеств его более полно развившегося европейского потомства — те же приемы критики, какими судят современное искусство, значит отступать от начала, которым должна руководствоваться всякая полезная критика.

Есть, однако, оправдания по крайней мере для части той небрежной критики, на которую я сейчас позволяю себе жаловаться. Египетские росписи и барельефы с каждым днем все

чаще копируют для археологических и египтологических целей. Можно было бы предположить, что многие из этих копий воплощают их начала, но, будучи лишь археологической записью, они, к сожалению, служат только точными документами для египтологического изучения. С художественной точки зрения искусство унижено, когда из него вынута душа. Поэтому явно несправедливо судить о египетском орнаменте по таким образцам. Если критика хочет иметь цену, эти произведения надо изучать по подлинникам.

Говоря о египетском орнаменте, Рескин, явно имея в виду студента-художника, красноречиво и справедливо восклицает: «Вся его масса состоит из бесчисленных человеческих фигур во всевозможном движении — и движении великолепном: их цари натягивают луки на колесницах, и связки стрел гремят у них за плечами; сраженные падают под ними, как от мора; пленников гонят перед ними изумленными толпами; и вы надеетесь подражать египетскому орнаменту, не умея рисовать фигуру?»

Часто спрашивают, почему египетское искусство никогда не развивалось так, как европейское, впитавшее его основы, — вопрос, на который попутно отвечает другой: почему жители долины Нила так и не стали людьми западного склада? Здесь выступает один главенствующий факт. Культуру можно ввезти в долину Нила, но она никогда не пропитает долину Нила, которая, как показывает история, окрашивает все, к чему прикасается. Ваш ввоз пропитается духом этой Долины. Любопытно заметить, как во время греческого владычества в Египте Птолемеи скорее приняли египетскую традицию, чем повлияли на нее, — и не только в искусстве, но и в религии.

Но можно указать и другую причину отсутствия развития. Быть может, оттого, что это искусство было занято главным

образом загробной жизнью, возможность роста его зародыша и была сведена к наименьшей мере. Оно предназначалось не столько для того, чтобы с ним жить, сколько для того, чтобы лежать сокрытым в подземных покоях души, и потому оказалось в большей зависимости от обрядовых предписаний. Освободись египетское искусство от влияния жрецов и подчинись оно чистому и более естественному изучению великой природы, оно, вероятно, вырвалось бы на более широкие просторы.

Третья и, возможно, более верная причина его приверженности преданию состояла в том, что древние копировали и повторяли самих себя, а такая привычка неизбежно ведет скорее вниз, чем вверх. И можно заметить, что лишь когда возникали новые школы или средоточия, дававшие искусству новую жизнь тем, что возвращали его к природе, оно освобождалось от условности, подвластной жрецам. Леонардо да Винчи говорит: «Живописец будет создавать картины малого достоинства, если возьмет за образец чужие работы; но если он станет учиться у предметов природы, он достигнет хороших плодов. Так, мы видим, было с живописцами, пришедшими после римлян: они постоянно подражали друг другу, и от века к веку их искусство неуклонно приходило в упадок». Или снова процитируем Рескина о том же предмете: «…достигнув таким образом редкостного совершенства, оно начинает созерцать это совершенство, подражать ему, выводить из него правила и тем забывает свой долг и служение истолкователя и открывателя истины. И в то самое мгновение, когда происходит это отклонение от цели и это забвение своего назначения, — в то самое мгновение, говорю я, начинается его настоящая катастрофа; и своим падением, насколько оно обладает влиянием, оно ускоряет гибель народа, который его породил».

Четвертую причину можно увидеть, сравнивая египетское и греческое искусство: греческое искусство и религия составляют один художественный идеал. У египетской религии и египетского искусства одно служит побуждением для другого. «Возьмите греческое произведение — Венеру Милосскую. Она ни в каком смысле не символ, не намек на что-либо за пределами ее собственной победоносной красоты». Но возьмите такой египетский образец, прекрасный пример которого — карнакская статуя Хонсу: она в известном смысле символ некоего представления или даже поверья. Одно — любовь к красоте существа; другое — выражение неких приписанных ему сил, которые, будучи отвлеченными, не имеют образцом чистую природу.

Древние египтяне, несомненно, были великими наблюдателями природы — и ее явлений, и ее живых форм. На ней, бесспорно, были основаны их религия, искусство и зодчество. Но следует заметить, что, хотя они явно изучали природу, изображая ее, они тем не менее создавали заученные, принятые типы, а не прямые копии. Этим, я думаю, и объясняются принятые характерные формы, которых они держались по установленным правилам. Такая привычка, по-видимому составлявшая обычай этого народа, скорее ведет к большей условности, чем к безусловному или прямому истолкованию природы, и она не может не влиять на соответствующее искусство. Но здесь уместно вспомнить слова Уолтера Пейтера: «Художник — дитя своего времени» и «всякое создание ума надо судить с точки зрения века и народа, в которых оно возникло».

Очень важный вопрос — каковы великие достоинства египетского искусства? Это чувство чистоты, рождающее начало ясного достоинства, — в этом его высшая сущность, — и

необычайная мера правды, формы и характера, переданных в такой совершенно простой и скупой линии, чем оно и стоит особняком.

Найдя в египетском искусстве, с одной стороны, степени совершенства, а с другой — известные недостатки, мы должны теперь, чтобы оценить их, постараться понять его назначение. Прежде всего надо помнить, что это декоративное идеографическое искусство — искусство ограниченное. Оно создавалось как часть часовни, гробницы или храма, где его находят; оно приспособлено к определенной цели и месту и в цели, и в месте своем составляет часть великого гармонического целого. Поэтому его условность подчинена цели. Большая ошибка — считать это искусство изобразительно-подражательным, тогда как в действительности оно чисто декоративно и несет религиозный идеографический смысл; и если бы этой мысли не держались и в статуях, то, как бы хорошо они ни были исполнены, вышла бы несообразность.

Это искусство было для того, чтобы на него смотрели бог и умерший, — чтобы показать, что они не забыты, и навеки сохранить их память.

Многие его изображения были символами идеи, предметом их веры, принятым и соблюдаемым. Изменить их было бы все равно что нам теперь изменить принятые образы Господа и Богоматери. Такие изображения по общему согласию считались естественным воплощением Существа — в действительности или в мысли; и если повторение кажется утомительным или отталкивающим — как, например, частые изображения царя перед многочисленными божествами или умершего перед многими богами мертвых, когда он обращает к ним свои молитвы и оправдание своей земной жизни, — надо помнить, что для народа, верившего в это сложное

богословское искусство, эти картины были полны значения и что они, по меньшей мере, были вдумчивыми изображениями, имевшими свое назначение. Чтобы вполне понять это, нужно уметь забыть собственный ход мыслей и иметь некоторое знание о внутреннем складе ума этих древних.

Геродот говорит нам, что «египтяне благочестивы гораздо более всех прочих людей», — черта, явно выраженная во всех их памятниках. Они верили в загробную жизнь, и к этой загробной жизни главным образом и были обращены их мысли. «Если таков был склад ума, — говорит Лейтон, — и таков обычай народа с сильным стремлением к ваянию и строительству, какого же искусства следует нам у него искать? Не следует ли нам искать искусства, в котором храмы богов и обители мертвых были бы самыми выдающимися чертами? И не должны ли мы далее ожидать от такого народа, что все, связанное с прославлением этих богов, или с возвеличением земных владык, едва ли менее божественных, или со служением усопшим, станет вдохновляющим побуждением его изобразительного и пластического искусства, равно как и его зодчества? И если это искусство было совершенно непосредственным и искренним выражением народного духа, не должно ли оно передавать нам чувство силы, достоинства, устойчивости и покоя?» Таково было «намерение». «Случайностью», далекой от «намерения», была необходимость почти безграничного производства, и потому художник или ваятель часто страдал от того, что становился скорее изготовителем и поставщиком, чем служителем пристального и вдумчивого изучения природы.

Когда Египет был господствующей державой века меди и бронзы, его великие периоды, как обычно их называют, — это Древнее царство, Среднее царство и Новое царство; и эти периоды

так же различимы в его искусстве, как и в его истории. В искусстве это были классический век, переходный век и новый век. Никогда скульптура и живопись Египта не были так современны, как в пору Нового царства. Но во все эти века существовала одна единая условность, условность благородная, а не ложная. Возьмем, например, прекрасную маску Тутанхамона из кованого и полированного золота, найденную в этой гробнице на его голове (фронтиспис и таблица LXXIII). Хотя она сохраняет все древние условности, стоит нам свыкнуться с ними — со странностью головного убора, с условной бородой, которая на снимке снята, — и перед нами совершенный портрет юного царя в том возрасте, в каком он умер. Такое свидетельство сразу показывает, что, будь эти условности менее чужды нам, мы лучше могли бы распознавать своеобразие личности — и не только в этом одном выдающемся примере, но во всех.

Что господствовавшие в Египте условности были благородны, нельзя выразить лучше, чем словами самого Рескина, написанными полвека назад: «Два самых благородных и самых правдивых изваянных льва, каких я когда-либо видел, — это два гранитных льва в Египетском зале Британского музея, а между тем гривы и бороды этих львов переданы кольцами сплошного камня, гладкими, как зеркало!»

ГЛАВА I. ТУТАНХАМОН

✦

Всякий раз, когда археологическая находка открывает следы далекой эпохи и исчезнувших жизней, которые она взрастила, мы невольно и прежде всего обращаемся к тем открывшимся нам фактам, которые ближе всего нашему сердцу. А они неизменно оказываются человеческими. Засохший цветок лотоса, какой-нибудь знак нежной привязанности, простая черточка домашней жизни вернут нам прошлое с его человеческой стороны куда живее, чем это сделают строгие летописи или пышные официальные надписи, похваляющиеся тем, как некий смутно различимый «царь царей» сокрушил своих врагов и попрал их гордость. Отчасти это верно и для открытия гробницы Тутанхамона. О юном царе мы знаем очень мало, но о его вкусах и нраве теперь можем строить довольно меткие догадки. Как жреческое орудие, через которое божественная сила передавалась фиванскому миру, как земной представитель Ра — великого бога Солнца, — юный царь едва ли обретает для нас ясный и постижимый облик; но как существо с обыкновенными человеческими склонностями, любитель охоты, страстный охотник, он становится понятным легко и приятно. Здесь перед нами то «прикосновение природы, что роднит весь мир».

Религиозные взгляды большинства народов меняются под действием времени, обстоятельств и воспитания. В иных случаях их отношение к смерти и ее тайнам становится тоньше и одухотвореннее. С ростом культуры любовь, жалость, скорбь, привязанность находят более нежные способы выразить себя.

Свидетельство тому — греческие эпитафии и латинские надгробные надписи. Но если у древних египтян более тонкие оттенки скорби проявлены не столь явно, то скорее оттого, что мягкие человеческие чувства словно придавлены тяжестью их сложных погребальных обычаев, чем оттого, что этих чувств не было. Вера в непрерывность жизни человеческой души — вот мысль, из которой выросли эти обычаи. Чтобы укрепить это убеждение и утвердить его в мире, никакая жертва не казалась чрезмерной. Загробная жизнь, по-видимому, была в их глазах важнее земного существования, и даже самый поверхностный исследователь их обычаев может лишь дивиться той щедрости, с какой этот древний народ снаряжал своих умерших в их последний таинственный путь.

Однако если погребальным обрядом древних египтян и правили предание и жреческий обычай, как подсказывает содержимое гробницы Тутанхамона, то в их ритуале оставалось место и для личного — того, что отвечало горю скорбящих, тогда как сам обряд стремился ободрить умершего на его пути сквозь опасности подземного мира. Это человеческое чувство не скрыто таинственной символикой сложного вероучения. Оно открывается наблюдателю постепенно, по мере того как он продвигается в своих исследованиях. Пожалуй, впечатление личной скорби передает нам гробница Тутанхамона отчетливее, чем большинство других открытий. Оно встречает нас как чувство, которое мы привыкли считать сравнительно новым. Крошечный венок на величественном гробе, прекрасная алебастровая чаша желаний (т. I, таблица XLVI) с ее трогательной надписью, бережно сохраненная тростинка, пробуждающая воспоминания, — срезанная самим юным царем на берегу озера,

— эти и другие предметы помогают донести весть — весть живых, оплакивающих умершего.

Гробницу едва уловимо наполняет чувство преждевременной утраты. Царственный юноша, явно полный жизни и умевший ею наслаждаться, отправился в самом начале возмужания — кто знает, при каких трагических обстоятельствах? — в свой последний путь из-под сияющего египетского неба во мрак грозного подземного мира. Как лучше всего было выразить горе? В его гробнице мы ощущаем это старание, и чувство, проявленное здесь так мягко и изящно, есть выражение той человеческой печали, которая связывает наше сочувствие со скорбью более чем трехтысячелетней давности.

Как уже говорилось в первом томе, мы можем заключить, что в политическом отношении короткое царствование и жизнь царя были на редкость неспокойными. Возможно, он был орудием неведомых нам политических сил, действовавших за троном. По крайней мере, при тех скудных данных, что у нас есть, это разумное предположение. Но каким бы орудием политических и религиозных движений ни был Тутанхамон, каким бы политическим влиянием ни обладал юный царь и каковы бы ни были его собственные религиозные чувства, если они вообще у него были, — а это должно остаться неизвестным, — о его вкусах и наклонностях мы узнаем немало из бесчисленных сцен на погребальной утвари его гробницы. Именно в них мы находим самые живые указания на нежные домашние отношения Тутанхамона с юной царицей и свидетельства его любви к спорту, царственной юношеской страсти к охоте, — то, что делает его таким человечески близким нам после стольких темных веков.

Что, например, может быть прелестнее картины на троне (т. I, таблица II), изображенной так трогательно? Такие впечатления на

мгновение словно переносят нас через пропасть лет и уничтожают чувство времени. Анхесенамон, очаровательная юная жена, добавляет каплю благовония на ожерелье юного царя или наводит последние штрихи на его наряд перед тем, как он выйдет на какое-нибудь большое дворцовое торжество. Не забудем и тот маленький венок из цветов, еще сохранивших оттенок своей окраски, — прощальное приношение, возложенное на чело изображения юного царя, когда он покоился в своем кварцитовом саркофаге.

Другие изображенные события наводят даже на мысль о юморе. Среди сцен повседневной частной жизни царя и царицы на маленьком золотом *наосе* (т. I, таблица LXVIII) мы видим Тутанхамона вместе с его львенком: он стреляет из лука диких уток, а у его ног сидит на корточках юная царица (таблица I, б). Одной рукой она подает ему стрелу, а другой указывает на жирную утку. На том же *наосе* юная супруга изображена подносящей ему священные возлияния, цветы и ожерелья или повязывающей ему на шею подвеску. Здесь юная чета предстает перед нами в разных простых и милых положениях. Царица сопровождает царя и в другой раз, на птичьей охоте в тростниковом челне. Мы видим, как она ласково поддерживает его руку, словно он утомлен государственными делами, а затем — и в этих мимолетных картинах их частной жизни есть оттенок игривости — видим, как он льет душистое благовоние ей на руку, когда они отдыхают в своих покоях (таблица I, а). Это прелестные сцены, полные той сердечности, которую нам приятно считать принадлежностью нового времени.

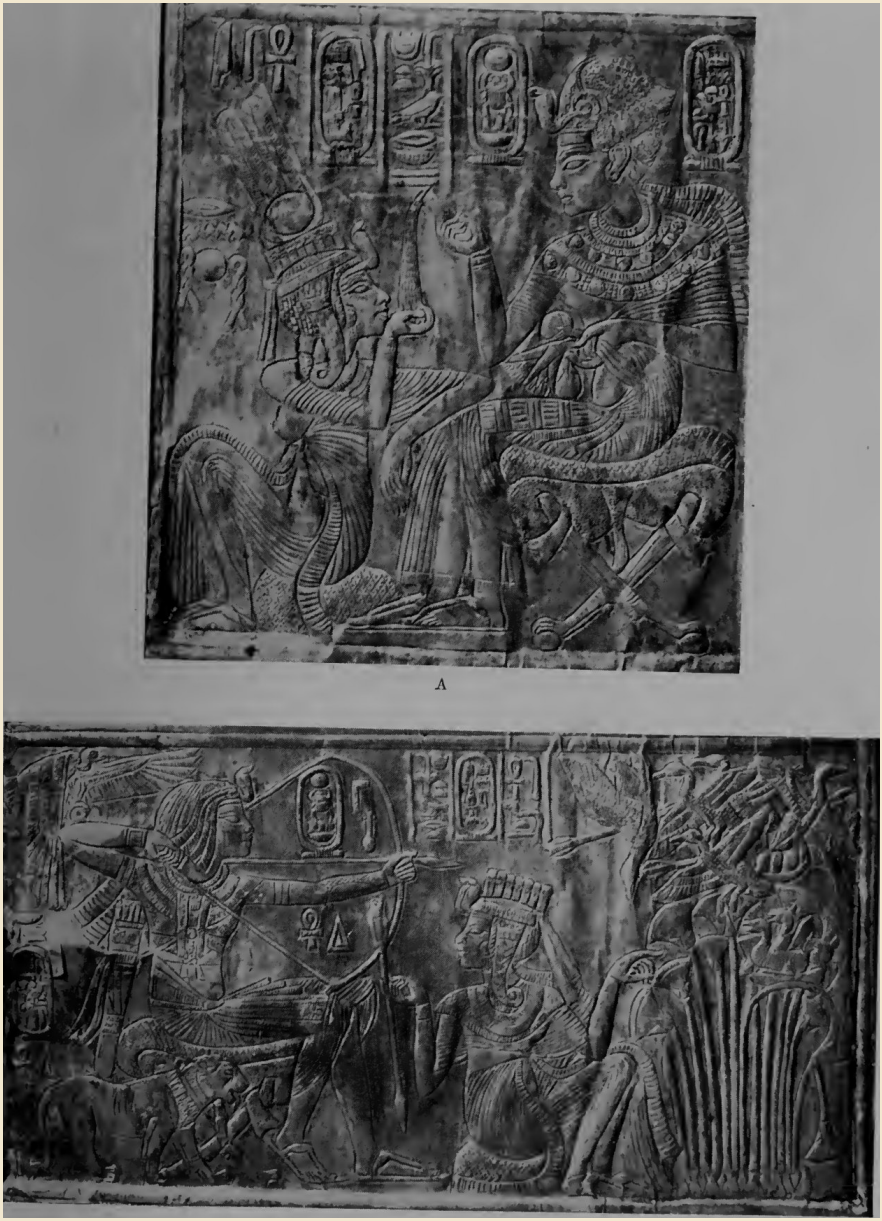
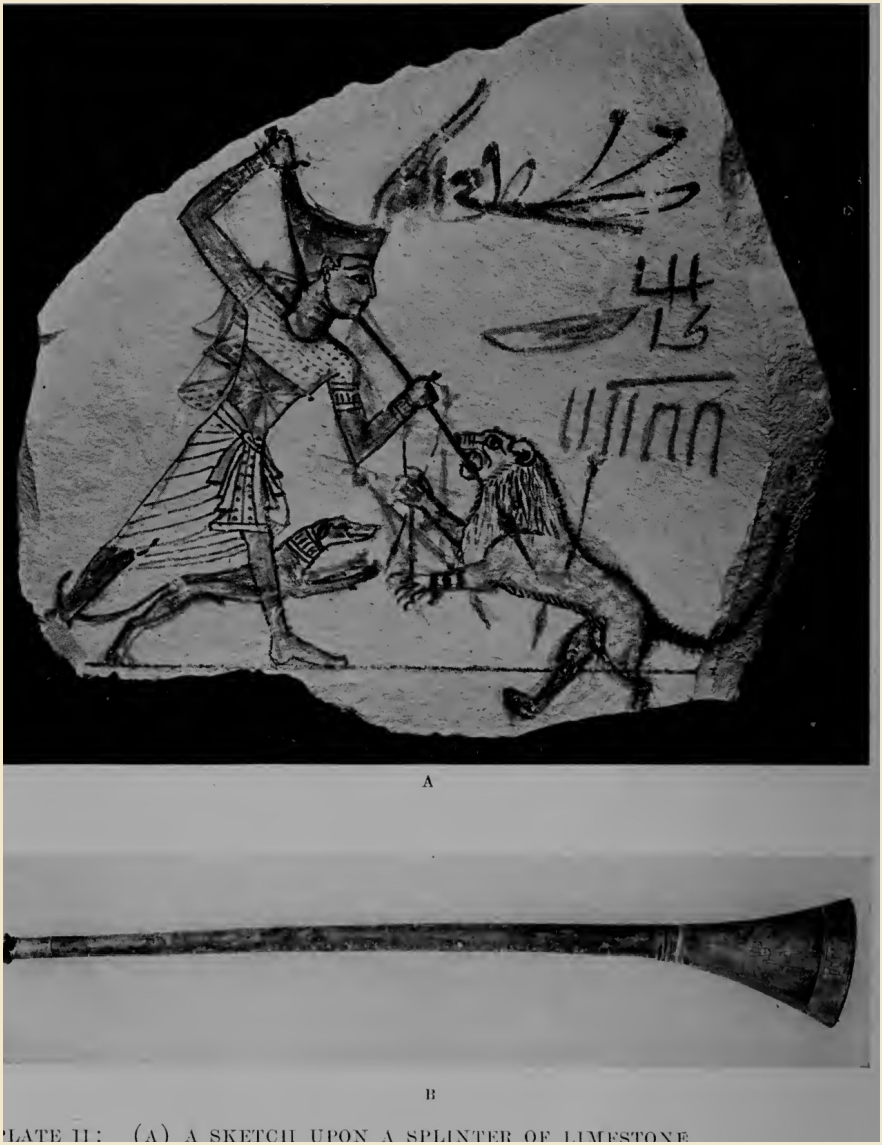

Таблица I. (а) Царь, сидящий в своих покоях, льет благовоние на руку царицы. В левой руке он держит цветок лотоса и плоды мандрагоры. (б) Царь

вместе с царицей и львенком стреляет диких уток

LATE II.: (A) A SKETCH UPON A SPLINTER OF LIMESTONE

Таблица II. (а) Рисунок на осколке известняка: царь с помощью своей собаки-салюки поражает льва копьем. (б) Серебряная труба, украшенная золотом и посвященная войскам Ра, Амона и Птаха

На золотом опахале (таблица LXII), найденном между погребальными ковчегами, которые накрывали и охраняли его саркофаг, — опахале вроде тех, что мы видим на изображениях римского времени и какие доныне в ходу в Ватикане, — прекрасно выбито и прочеканено изображение Тутанхамона, охотящегося на страусов ради перьев для этого самого опахала. На оборотной стороне он возвращается домой с победой: слуги несут его добычу — двух убитых страусов, а вожделенные перья он держит под мышкой.

Сцены, где юный охотник занят своим делом, встречаются нам постоянно. На уборе колесничной упряжи он показан упражняющимся в стрельбе из лука. Мы узнаем также, что, подобно некоторым из наших прежних королей, он любил лук. И как доказательство его искусства в стрельбе в гробнице хранился среди бумерангов и других метательных орудий охоты великолепный почетный лук (т. I, таблица LXXVI), обтянутый листовым золотом, украшенный тонкой золотой зернью и сканью и богато убранный полудрагоценными камнями и цветным стеклом. В длинном ящике в передней камере (т. I, таблица LXXVII) его гробницы лежало несколько луков разного рода тончайшей работы — составные луки, украшенные узорной корой, и искусно сделанные стрелы, а ближе всего к нему, под золотыми ковчегами, укрывавшими его саркофаг, лежали другие луки и стрелы. На ножнах красивого золотого кинжала, найденного у него на поясе среди пелен мумии, тоже выбиты дикие звери (таблица LXXXVIII). Даже его сосуд для притираний свидетельствует о его любимом занятии. На нем изображены быки, львы, собаки, газели и заяц — излюбленная дичь охотника (таблицы L, LI). Его собаки-салюки особо включены в сцены,

говорящие о любви к полевой охоте и к жизни под открытым небом.

Едва ли можно сомневаться, что в окрестностях Фив в те времена обширные болота привлекали и укрывали множество дичи. Дичь водилась в изобилии и на краю пустыни, и в зарослях пустынных вади. На болотах юный царь бил всевозможную водяную птицу. В обширных угодьях пустыня давала разнообразное поприще для искусства царственного охотника, который охотился на колеснице, а придворные следовали за ним на повозках, слуги же бежали пешими. В этих угодьях, по-видимому, было в обычае собирать всякую дичь. На охоте юный Тутанхамон стрелял из лука, а его собак-салюки поочередно спускали на дичь, как только ее завидят.

Яркое свидетельство того, как его занимала охота, мы видим в прелестном и полном силы рисунке, найденном у самого входа в его гробницу и, возможно, сделанном кем-то из мастеровых, строивших усыпальницу: он нанесен на осколок известняка и изображает юного царя, который с помощью своей собаки-салюки поражает льва копьем (таблица II, а). Если простой мастеровой способен на столь сильную работу, то от высокообученных мастеров, служивших правителям Египта, которые, по-видимому, обычно знали толк в искусстве, мы, естественно, ждем искусства исключительной красоты. Сокровища гробницы Тутанхамона показали, насколько полно оправдалось это ожидание.

Одно из великих сокровищ искусства — расписной деревянный ларец, найденный в передней камере (т. I, таблица XXI). Его наружная поверхность, целиком покрытая гипсовым грунтом, несет на этой подготовленной основе ряд ярко раскрашенных и изысканно написанных изображений: сцены охоты на выпуклой крышке, сцены сражений на боках, где

Тутанхамон и его свита действуют с великой энергией, а на торцах ларца царь изображен в облике льва, попирающим чужеземных врагов (т. I, таблицы L–LIV). Сила, воображение и драматическая мощь этих сцен необычайны и не имеют равных в египетском искусстве. В военных сценах юный, но всепобеждающий государь попирает своих африканских и азиатских врагов. Как ни прекрасны эти сцены, приходится признать, что в них есть и дух похвальбы. Могучий государь, ради впечатления уже не стройный юноша, поражает врагов стрелами со своей колесницы, перед ним смятение, у ног его павшие. Такие изображения египетских царей, разумеется, традиционны. Здесь они, вероятно, лишь обычная дань придворного живописца. Что он сам выходил на поле брани, тем более в его возрасте, маловероятно, но к такому учтивому вымыслу цари и завоеватели Востока всегда относились на редкость снисходительно. Росписи на крышке ларца удивительно живы. Здесь перед нами сцены охоты, полные ощущения скорости и движения. Событий и действий множество, и во всех Тутанхамона сопровождают его собаки-салюки. Даже в батальных сценах видно, как его собаки нападают на побежденного врага. Царь на колеснице, запряженной гарцующими конями в пышном уборе, преследует обитателей пустыни. Перед ним бегут антилопа и страус, дикий осел и гиена — все звери пустыни, и среди них львы и львицы. Между фигурами убегающих животных и ногами его спутников прелестно намечены пучки яркой пустынной растительности — заросли вади. Тутанхамон, окруженный своими собаками-салюки, — спутники держатся на почтительном расстоянии, — мчится по руслу вади, а охваченная страхом добыча разбегается во все стороны. Раненые звери переданы с величайшей правдивостью. Есть мгновения — например, в группе преследуемых львов

(таблица III), — когда художник достигает почти трагической силы. Израненные, пронзенные стрелами звери изображены с великолепной мощью. Один из них — царь зверей, — пораженный в сердце, взвился в воздух в последней предсмертной судороге и падает наземь. Другой хватается лапой за стрелу, которая вошла ему в открытую пасть и обломилась у него в челюстях, а тем временем подросший львенок, поджав хвост, крадется прочь, и раненые сородичи лежат в позах, исполненных страдания. Но если в исторической достоверности этой прекрасной работы и можно сомневаться, то двух мнений быть не может о ее достоинствах как отражения истинной страсти и наклонностей царя. Эти изысканные картины тонкой миниатюрной живописи — по сути, идеализированные сцены охоты, в которых уловлены и переданы вкусы и нрав юноши, а также сам дух охоты.

Таблица III. Тутанхамон на охоте на львов. Юный царь на колеснице, запряженной гарцующими конями в пышном уборе, в сопровождении собаки-салюки, изображен здесь поражающим львов и львиц. Эта сцена миниатюрной живописи, где израненные, пронзенные стрелами звери изображены с великолепной мощью, — с расписного ларца (№ 21), найденного в передней камере

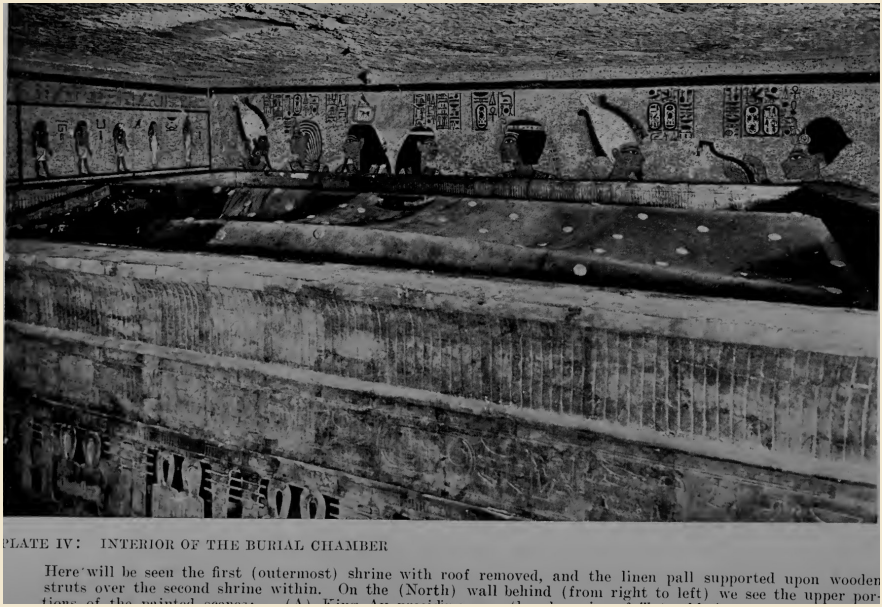

Таблица IV. Внутренний вид погребальной камеры. Здесь виден первый (внешний) ковчег со снятой кровлей и льняной покров на деревянных подпорках над вторым ковчегом внутри. На (северной) стене позади (справа налево) видны верхние части росписей: (а) царь Эйе совершает похоронный обряд над Тутанхамоном; (б) Тутанхамон перед богиней Нут; (в) Тутанхамон, за которым следует его ка, обнимает Осириса; (г) на западной стене (слева) — верхняя часть виньеток, выбранных из глав книги Амдуат

Свидетельства более мягких привязанностей — черты, которые мы едва ли ожидаем найти среди вещей фараона. Его предшественники оставили слишком мало памяти о нежных чувствах; но вести археологии не всегда таковы, каких мы больше всего ждем, и мы удивлены и тронуты тем, как прелестно выражены простые человеческие чувства на погребальной утвари Тутанхамона. Из нее мы узнаем, что он был благородным и приветливым юношей, любившим коня и собаку, охоту и воинские смотры. Но у этой картины есть и другая сторона. Традиционный

орнамент, исполненный золотом на колесницах, прекрасная резьба с африканскими и азиатскими пленниками, связанными на царских посохах (т. I, таблицы LXIX, LXX), и на его утвари — все это говорит о грозном фараоне, стремящемся, по крайней мере иносказательно, «положить врагов своих в подножие ног своих» (т. I), и воплощает дух похвальбы, связанный с обликом древних правителей Египта, хотя здесь он выражен не так подавляюще, как в других гробницах.

Серебряные трубы (таблица II, б), посвященные легионам, или отрядам египетского войска, найденные в передней и погребальной камерах, волнуют воображение. Военный опыт Тутанхамона был, должно быть, совсем невелик, и все же мы можем представить его в окружении военачальников, государственных сановников и придворных принимающим смотр, когда мимо в торжественном шествии проходят сомкнутые ряды войск.

Его мумия, как и его статуи, показывает, что он был стройным юношей с большой головой, по строению сходным с мечтателем Эхнатоном, который, по всей вероятности, был не только его тестем, но и отцом.

Так шаг за шагом заступ раскопщика в разных областях археологии открывает нам мир прошлого, и чем шире наши знания, тем сильнее наше удивление — а может быть, и сожаление, — что человеческая природа так мало изменилась за те несколько тысяч лет, о которых у нас есть какие-то исторические сведения. Особенно прикован наш взгляд к Древнему Египту, давшему нам столь живые проблески чудесного прошлого. На расписном ларце, на украшенном кресле, на ковчеге, на стенах гробничной часовни или храма его древняя жизнь проходит перед нами странным и волнующим шествием. Во

многом наши чувства сходятся, но ближе всего к его чувству нас подводит прежде всего его искусство, и именно благодаря ему мы узнаем в царственном охотнике, любителе собак, юном муже и стройной жене существ, по вкусам, чувствам и привязанностям очень похожих на нас самих.

Так мы учимся не переоценивать настоящее, и наш современный взгляд становится менее самодовольным и более философским. Есть, хочется нам верить, черты, ставшие врожденными в человеке в те смутные века, которых археологические исследования пока едва коснулись. Есть мерцающие отзвуки древнего наследия, которых мы почти не сознаем, и, быть может, именно они пробуждают в нас сочувствие к юному Тутанхамону, к его царице и ко всей той жизни, о которой говорит его погребальная утварь. Быть может, именно эти инстинкты заставляют нас так жаждать разгадать тайну тех смутных политических интриг, которые, как мы подозреваем, окружали его даже тогда, когда он следовал за своими собаками-салюки по болотам и пустыне или стрелял уток в тростниках вместе со своей улыбающейся царицей. Тайна его жизни все еще ускользает от нас — тени движутся, но тьма никогда не рассеивается до конца.

ГЛАВА II. ГРОБНИЦА И ПОГРЕБАЛЬНАЯ КАМЕРА

✦

Страх и благоговение перед смертью были укоренены в умах древнего мира по меньшей мере так же глубоко, как и в умах нового. Эти чувства дошли до нас смутными путями от предков, окрашивая сменявшие друг друга мифологии, направляя поступки людей, и не обошли стороной даже христианское богословие. Во все времена и для всех народов смерть вставала как величайшая тайна и последняя неизбежность, с которой предстоит встретиться неведомой судьбе человека, — и трогательны были его усилия пролить свет на мрак, окутывающий его будущее. Некогда его жизнь и искусство были заняты главным образом этой неразрешимой задачей. Человеческий разум всегда пытался успокоить человеческие страхи; ум человека, тоскующий и деятельный, невольно стремился найти в своей вере утешение от них — вызвать какую-то защиту от опасностей, наполняющих темную бездну Неведомого. Но сквозь мрак всегда пробивался один трогательный проблеск надежды. На пороге смерти человек искал утешения в любви и привязанности, которые, как он надеялся, свяжут его с живыми, — естественное стремление, которое открывают древние погребальные обряды. Оно видно в высказанном желании — как в просьбе Иакова к сыну, — чтобы его кости покоились среди родных, в любимом краю родной земли, и данные научных исследований говорят о том, что этот инстинкт уходит корнями в глубочайшую древность. Но с самых

ранних времен средства обрести утешение в этой великой загадке менялись, тогда как основное предание оставалось неизменным. В долине Нила простая неглубокая могила разрослась в огромную гробницу-пирамиду с поминальным храмом. От самого грандиозного и внушительного из всех погребальных усилий сохранить память об умершем перемена за переменой изменяли обычай, пока не была достигнута такая простота, что те огромные древние приготовления сократились до короткой эпитафии и венка из цветов. Однако из всех этих разнообразных переходов, составивших эпохи, мы рассмотрим здесь только один — переход египетского Нового царства.

Многие погребальные обычаи более древних периодов Египта широко соблюдались и в фиванском Новом царстве; а там, где некоторые из них исчезают, то лишь для того, чтобы уступить место более сложным представлениям, которые должны были принести умершему не меньшую пользу. Одним из нововведений было увеличение количества домашней утвари и личных вещей, которые клали в гробницу. Другим было то, что в Новом царстве поминальный храм царя и его усыпальница уже не стояли рядом: царские мумии хоронили в сложных подземных гробницах, высеченных в скалах далеко от их поминальных построек. Эти гробницы были украшены так же роскошно, как и их храмы. Но в XVIII династии сначала украшали только погребальную камеру текстами, которые считались самыми необходимыми для умершего. Позднее, в XIX и XX династиях, предшествующие коридоры, проходы и передние камеры, которые вели к погребальной камере, называвшейся «Золотым чертогом», покрывали из конца в конец сложными текстами и сценами, взятыми главным образом из священных книг о царстве мертвых,

таких как книги «Амдуат», «Врата», «Пещеры» и «Гимны богу Солнца».

Таблица V. Внутренний вид погребальной камеры. Здесь, между первым (внешним) ковчегом и северной стеной, лежат (183–192) десять магических

весел, чтобы переправить ладью царя через воды загробного мира; в дальнем конце (193) — два маленьких черных киоска из дерева, покрытого черной смолой, а в северо-восточном углу (194) — эмблема Анубиса, висящая на шесте и покрытая льном

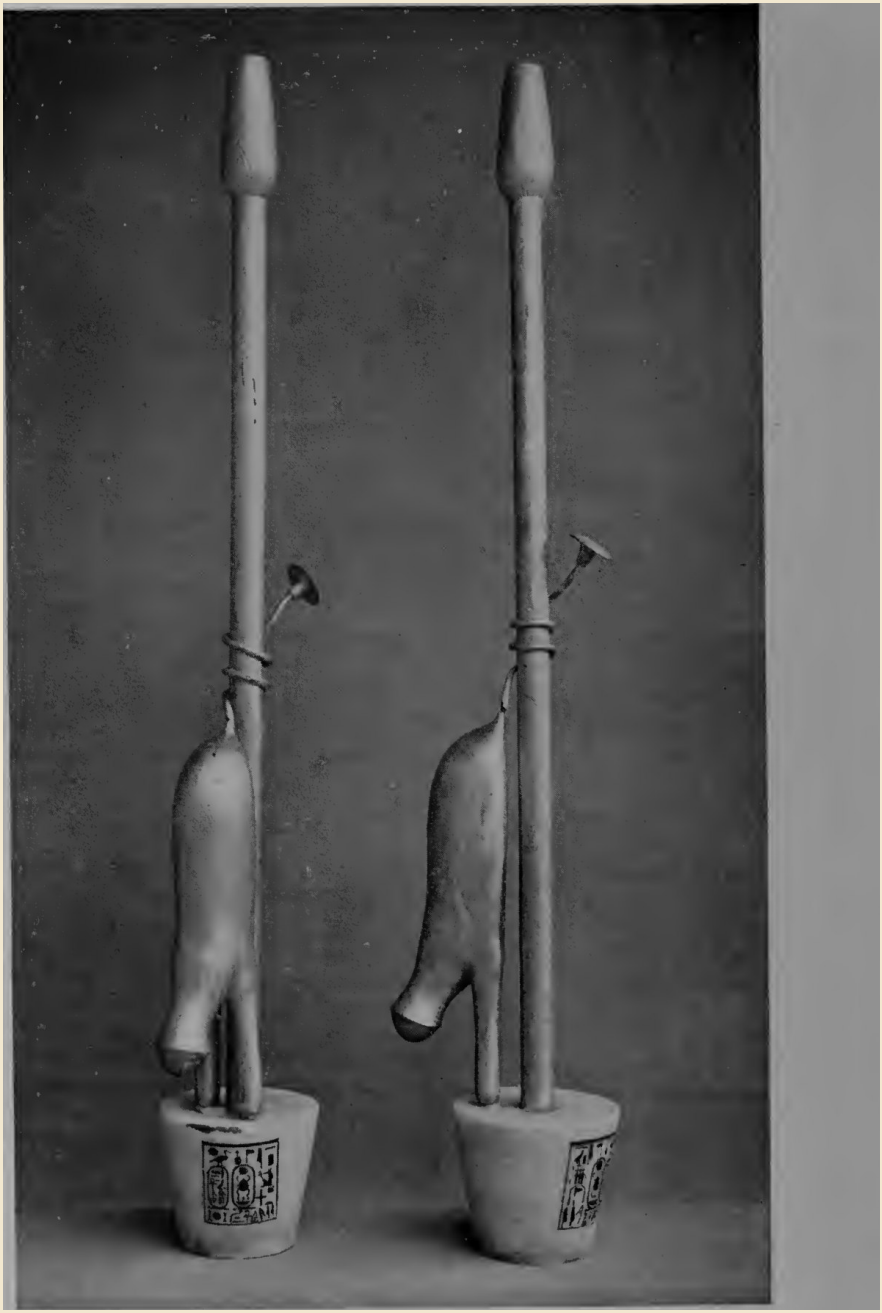

Таблица VI. Две эмблемы Анубиса. Две любопытные эмблемы бога Анубиса в виде звериных шкур, подвешенных на шестах в форме лотоса, стояли в алебастровых (кальцитовых) подставках в северо-западном и юго-западном углах погребальной камеры. Высота их около 5–6 футов; они вырезаны из дерева и покрыты позолотой по гипсовому грунту

Большинство этих высеченных в скале подземных гробниц было устроено в пустынной Долине царей — всего их там около двадцати восьми, — а их поминальные храмы, многие из которых по размерам не уступали большим храмам, строились на пустынной равнине по краю возделанной земли. Именно в этих зданиях совершались обряды и приношения умершим царям, тогда как «Осирис» (то есть умерший) покоился в уединении, далеко в Долине, запечатанный в своем «Безмолвном жилище» — гробнице.

В поминальных храмах на равнине мы находим, кроме религиозных сцен, записи о событиях того царствования, к которому они относятся; в гробницах же Долины, в подземных усыпальницах, встречаются только тексты о царстве мертвых и приветственные пожелания богов Запада.

Начиная с первых дней Империи эти высеченные в скале гробницы проходят ступени развития: они постепенно становятся все значительнее и достигают вершины во времена Тутмоса IV; начиная с этого царствования, хотя мы и находим некоторые добавления, эти добавления исчезают, и план гробницы постепенно приходит в упадок. Только в гробницах царей, которых называют еретиками, — приверженцев «атоновской», единобожной веры — не соблюдался принятый образец Нового царства. Поэтому не удивительно, что гробница Тутанхамона необычна по типу, хотя он и вернулся к прежней вере — почитанию Амона. В отличие от Тутанхамона и царя Эйе,

Хоремхеб, захвативший престол и основавший XIX династию, устраивая свою гробницу в Долине, вернул принятый план во всех его составных частях. И в гробнице Хоремхеба прямо виден переход от изогнутой гробницы XVIII династии к выпрямленной форме гробниц его династии и последующих.

Вместо сложного ряда коридоров, углубленных лестниц, защитного колодца и преддверия, дальнейших нисходящих коридоров, передней камеры, погребального зала, склепа и ряда из четырех кладовых, как в принятом фиванском плане, гробница Тутанхамона состоит лишь из углубленной входной лестницы, нисходящего коридора, передней камеры с боковой камерой, погребальной камеры и одной сокровищницы — все маленькие и самого простого вида (см. план в т. I). По сути, она соответствует фиванскому образцу царской гробницы Нового царства только ориентацией, тем, что лишь ее погребальная камера расписана в золотистый цвет, отвечающий «Золотому чертогу», и тем, что в ее стенах есть ниши для магических фигур четырех сторон света.

Сюжеты, написанные на стенах этой камеры, хотя во многом и похожи на сюжеты гробницы его преемника, царя Эйе, отличаются от тех, что найдены в любой другой погребальной камере Долины. И стиль росписи не фиванский: в нем явственно видны черты искусства Телль-эль-Амарны. В противоположность этому убранство гробницы Хоремхеба явно родственно искусству всех прочих царских гробниц Долины — настолько, что покойный сэр Гастон Масперо даже предположил, что это работа тех же художников, что трудились в гробнице Сети, построенной лет на двадцать пять позже.

Погребальная камера, а также вложенные один в другой четыре ковчега, саркофаг, гробы и мумия ориентированы с востока на запад, с точностью до четырех градусов по магнитному

северу (ноябрь 1925 года). Двери ковчегов, судя по разметке на них, должны были смотреть на запад, но по причинам, не вполне ясным, ковчеги в действительности поставлены дверями на восток: быть может, если бы ковчеги поставили в правильном и задуманном направлении, подойти к их створчатым дверям было бы очень трудно и их назначение было бы стеснено в этой очень маленькой камере, так как было бы почти невозможно поместить туда такие предметы, какие были найдены между первым и вторым ковчегами. В следующей главе высказаны и другие предположения о причинах этой неверной ориентации.

По форме погребальная камера прямоугольна; ее длинная ось (с востока на запад) перпендикулярна оси передней камеры. Если не считать разницы в уровне пола примерно в 3 фута, передняя и погребальная камеры первоначально составляли одно целое, но затем были разделены перегородкой из сухой кладки, в которой оставили проход, охраняемый двумя статуями-часовыми царя, описанными в другом месте (т. I).

Стены погребальной камеры были покрыты гипсовой штукатуркой и окрашены в желтый цвет, за исключением нижней панели, окрашенной в белый. Скальный потолок оставлен гладким, в грубом, необработанном виде. Любопытно отметить, что в северо-восточном углу на потолке видны следы копоти, как от масляного светильника или факела.

Сооружение перегородки (таблица X), отделяющей переднюю камеру от погребальной, а также оштукатуривание и роспись самой камеры должны были произойти после погребения царя, закрытия саркофага и установки четырех ковчегов. Это доказывают следующие факты: внести саркофаг, совершить погребение и поставить ковчеги после того, как перегородка была возведена, было невозможно, так как проход в ней недостаточно

велик. Кроме того, штукатурка и роспись, покрывавшие внутреннюю сторону перегородки, были одинаковы с остальным убранством камеры. Таким образом, штукатурить и расписывать камеру неизбежно пришлось после установки ковчегов, в исключительно трудных условиях и в очень тесном пространстве, чем, возможно, и объясняется некоторая грубость исполнения. Поверхность стен покрыта мелкими бурыми пятнами грибка, зародыши которого, возможно, попали туда со штукатуркой или с клеем красок и питались замкнутой влагой, выступавшей из штукатурки после того, как камеру запечатали.

Сюжеты росписей на стенах имеют погребальное и религиозное значение. Одна сцена не имеет прецедентов — это фигура царствующего царя Эйе, совершающего похоронный обряд над своим умершим предшественником или соправителем.

На восточной стене изображена погребальная процессия: придворные тянут к гробнице на санях умершего Тутанхамона. Мумия покоится на ложе в виде льва внутри ковчега, стоящего на ладье, а ладья — на санях. Ложе, изображенное здесь, похоже на то, что действительно найдено в саркофаге под гробами, а ковчег сходен по рисунку с тем, что заключает канопический ларец и канопы в сокровищнице этой гробницы. Над умершим царем висят гирлянды; на ладье перед ковчегом — сфинкс, вставший на дыбы; впереди и позади ковчега — скорбящие богини Нефтида и Исида; а на носу и корме ладьи, как и по обе стороны ковчега, прикреплены красные и белые флажки. Придворные и высокие сановники, составляющие шествие, разделены в таком порядке: группа из пяти вельмож, затем две группы по двое вельмож, двое сановников в одеяниях, какими отличались визири, и, наконец, один придворный. Каждый из них носит на парике или на бритой голове, смотря по случаю, белую льняную повязку, какую обычно

видят в погребальных процессиях, изображенных в частных гробничных часовнях, и подобную тем, какими и нынешние египтяне в таких случаях отличают родственников и домочадцев умершего. Надпись над процессией гласит: «Придворные царского дома идут шествием с Осирисом царем Тутанхамоном на Запад. Они „возглашают“: О царь! Приди с миром! О бог! Защитник Земли».

Это пожелание напоминает нередкий обычай, до сих пор живущий в долине Нила: носильщики часто обносят умершего вокруг могилы, чтобы заручиться согласием; а сама сцена живо напоминает (Бытие, гл. 50, ст. 4–7) погребение Иосифом его отца Иакова: «Когда же прошли дни плача по нем, Иосиф сказал придворным фараона, говоря: если я обрел благоволение в очах ваших, то скажите фараону так: отец мой заклял меня, сказав: вот, я умираю; во гробе моем, который я выкопал себе в земле Ханаанской, там похорони меня. И теперь хотел бы я пойти и похоронить отца моего и возвратиться. И сказал фараон: пойди и похорони отца твоего, как он заклял тебя. И пошел Иосиф хоронить отца своего. И пошли с ним все слуги фараоновы, старейшины дома его и все старейшины земли Египетской».

На северной стене, в восточном углу, мы видим исторически важную сцену: Эйе как царь, с царскими знаками власти, облаченный в леопардовую шкуру жреца *сем* (таблица LIV). Здесь царь Эйе совершает погребальный обряд «отверзания уст» над умершим Тутанхамоном, представленным в облике Осириса (таблица IV, а). Между живым и умершим царями на столе разложены предметы, относящиеся к обряду: тесло, человеческий палец, задняя нога быка, опахало из одного страусового пера и двойной предмет, похожий на перья; над ними стоит ряд из пяти

золотых и серебряных чаш, в которых, возможно, лежат шарики благовоний, подобные тем, что мы нашли в передней камере.

В середине северной стены Тутанхамон в парике, с повязкой на голове и в белой набедренной одежде стоит перед богиней Нут, «Владычицей неба, Госпожой богов», которая дает «здоровье и жизнь его ноздрям» (таблица IV, б).

Третья сцена, у западного конца стены, относится скорее к духовному, чем к телесному облику царя: она изображает Тутанхамона, за которым следует его ка (дух), обнимающего Осириса (таблица IV, в).

На западной стене — виньетки, выбранные из некоторых глав книги Амдуат («То, что в подземном мире»), которые повторяются среди росписей гробницы царя Эйе в Вадиейне; главное здесь — собрание священных павианов-киноцефалов, «Ладья Хепера — Ра» и шествие божеств по именам Маа, Небт-уба, Херу, Ка-шу и Нехес (таблица IV, г).

Южная стена, где был запечатанный проход в камеру, состояла отчасти из сложенной перегородки, отчасти из самой скалы. На ней изображены сцены, где царь стоит перед некоторыми божествами. У западного конца царь Тутанхамон изображен между Анубисом и Исидой. На нем головной платок *хат*. Богиня Исида повторяет здесь те же пожелания, что и Нут на северной стене, — слова их я уже привел. За Анубисом снова изображена богиня Исида, она держит в обеих руках знаки воды. Ее сопровождают три «Великих бога, Владыки Дуата» (то есть подземного мира).

Эти росписи, грубоватые, условные и строго простые, лишены того величавого характера, что отличает более сложные тексты и виньетки других царских гробниц Фив; нет в их исполнении и того родства, что свойственно искусству тех гробниц. По сути, их

можно назвать почти переходными — между стилем Телль-эль-Амарны и фиванским, — а сами сюжеты сокращены до последней возможной степени. Те же художественные черты так же заметны и в искусстве погребальной утвари, найденной в гробнице.

Остальная часть гробницы, то есть передняя камера, боковая камера и сокровищница, совсем проста, и, как и в нисходящем коридоре, их хорошо высеченные скальные поверхности оставлены незаглаженными.

Теперь обратимся к содержимому погребальной камеры. Войдя в нее, мы нашли возле небольшого отверстия, проделанного грабителями в кладке прохода и впоследствии снова заделанного древнеегипетскими чиновниками, части двух ожерелий, оброненные вором. Вокруг всех четырех сторон огромного ковчега, занимавшего почти всю площадь камеры, стояли разные предметы и эмблемы. Беглый осмотр ковчега и окружавших его предметов показал, что грабители, проникшие сюда, причинили этой камере мало вреда, если не считать того, что створчатые двери большого ковчега были открыты, чтобы заглянуть внутрь, и что печати на винных кувшинах, стоявших между ковчегом и стенами камеры, были сломаны. Но хотя погребальная камера мало пострадала от грабителей, из маленькой сокровищницы за ней было похищено много вещей. В юго-восточном углу стоял светильник на решетчатой подставке, вырезанный из чистого просвечивающего кальцита (таблица XLV). Этот светильник в форме чаши, по бокам которого стоит ажурный орнамент, означающий «Единство» и «Вечность», — один из самых любопытных предметов, найденных нами до тех пор. Его чашеобразный сосуд, в который наливали масло и опускали плавающий фитиль, не был расписан ни снаружи, ни изнутри, но когда светильник зажигали, в толще его просвечивающего камня

проступали в ярких красках царь и царица (таблица XLVI). Сначала мы недоумевали, как достигнут этот хитроумный эффект. Объяснение, по-видимому, таково: было выточено две чаши, вставленные одна в другую, и на наружной стенке внутренней чаши полупрозрачными красками написана картина, видимая сквозь просвечивающий кальцит только тогда, когда светильник зажжен.

Таблица VII. Золотой жезл. Один из пары парадных жезлов, золотого и серебряного, показанный с трех сторон. Статуэтки из литого металла, высотой около 3½ дюймов, на трубчатых древках длиной около 4 футов, изображают Тутанхамона примерно двенадцати лет, когда он взошел на престол

Таблица VIII. Парадные жезлы. (а) Красное дерево, богато украшенное тончайшей мозаикой из разноцветной коры, радужных надкрылий жуков, широких полос полированного золота и накладной золотой проволоки. (б) Красное дерево, облицованное замысловатыми геометрическими узорами из слоновой кости и черного дерева, с резными наконечниками из слоновой кости на концах

Под этим единственным в своем роде светильником, завернутая в тростник, лежала серебряная труба (таблица II, б), которая, хотя и потускнела от времени, если бы в нее подуть, и теперь наполнила бы Долину звучным гулом. На ней тонко выгравированы венчик из чашелистиков и лепестков, тронное и личное имена Тутанхамона и изображения богов Ра, Амона и Птаха. Не исключено, что эти боги были как-то связаны с делением полевого войска на три корпуса, или отряда, — каждый легион под особым покровительством одного из этих божеств, — такие войсковые деления, как нам хорошо известно, существовали в царствование Рамсеса Великого. У Собачьей реки в Финикии стоят три военные стелы того царствования, по одной каждому из этих богов, которые, вероятно, были поставлены соответствующими корпусами войска. Те же деления, или корпуса, упоминаются и на стеле, недавно найденной в Бейсане в Палестине. Поэтому мы можем предположить, что эта серебряная труба с золотыми оправами имела военное значение и что три легиона под покровительством Ра, Амона и Птаха в устройстве имперского войска существовали уже при XVIII династии и, вероятно, еще до царствования Тутанхамона.

На восточном конце ковчега были две массивные створчатые двери, закрытые засовами из черного дерева, задвинутыми в медные скобы; их панели были украшены странными фигурами — безголовыми демонами-стражами пещер подземного мира. Перед этими дверями стоял изысканный тройной светильник (таблица XLVII) в форме цветка, вырезанный из цельной глыбы просвечивающего кальцита: три чаши в форме лотосов со стеблями и листьями, вырастающими из одного круглого основания, — странным образом напоминающий символ Фиванской триады и похожий на трикирий, трехсвечник, который знаменует Святую Троицу христианской эпохи. Впереди, вдоль восточной стены, стоял священный гусь Амона (*Chenalopex Aegyptiacus*, Linn.) из дерева, покрытого черным лаком, и завернутый в лен (таблица LII, а); рядом с ним — две плетеные корзины из камыша, осевшие от времени, и винный кувшин с надписью: «Год 5-й. Вино дома (?) Тутанхамона с Западной реки. Начальник виноделов Ха».

На полу между ковчегом и северной стеной лежали магические весла (таблица V), чтобы переправить ладью царя через воды загробного мира, а вместе с ними, по одному у каждого конца, — любопытные изделия из дерева, покрытого черным лаком: одно изображало сосуд *хес* между *пропилеями* (таблица LIII, а), другое — «Перья Истины» между двумя киосками (таблицы V, LIII, б); в них стояли фаянсовые чаши, наполненные соответственно натроном и смолой. У западного конца камеры, в северном и южном углах, стояли строгие золотые эмблемы Анубиса, подвешенные на шестах в форме лотоса (таблицы V, VI), прямые, высотой около пяти-шести футов, в алебастровых сосудах, поставленных на тростниковые циновки. Быть может, они принадлежат темному миру под землей, куда заходит солнце и где

спят также умершие: быть может, это эмблемы, призванные вести умершего через это царство, — ведь разве Анубис, Шакал, не бродил в сумерках и разве не его послал Ра похоронить Осириса? Но, по правде говоря, значение их темно и, вероятно, было почти так же далеко от Тутанхамона, как его время от нашего. Вместе с этими эмблемами лежали четыре позолоченных деревянных предмета (таблица LII, б), которые, быть может, означают пелены умершего; с другой стороны, эти любопытные символы из позолоченного дерева, по мнению доктора Алана Гардинера, дали начало фонетическому иероглифу «пробуждаться», так что можно заключить, что они как-то связаны с пробуждением умершего. На полу рядом с этими любопытными символами стояли четыре маленьких грубых глиняных корытца, в которых они, может быть, и стояли. К юго-западному углу был прислонен огромный погребальный букет (см. т. I, таблица XXVII) из веток и сучьев персеи (*Mimusops Schimperi*) и оливы (*Olea Europaea*).

Когда мы отодвинули засовы из черного дерева на большом ковчеге, двери распахнулись так легко, словно их закрыли только вчера, и открыли внутри еще один ковчег, того же вида, что и первый, только без синей инкрустации. У него такие же двери на засовах, но на них была нетронутая печать с именем Тутанхамона и лежащим шакалом над девятью врагами Египта. Над ковчегом свисал льняной покров. Этот усеянный блестками льняной покров, побуревший от времени, все еще висевший на своих любопытных деревянных подпорках, был разорван тяжестью нашитых на ткань маргариток из позолоченной бронзы (таблица IV). Ковчег, ослепительный от блеска своего золота, был украшен сценами, исполненными прекрасным врезанным рельефом, из книги «О том, что в подземном мире», — путеводителя в загробную жизнь, который указывает умершему дорогу, по

которой ему надлежит идти, и объясняет ему, с какими враждебными силами ему предстоит встретиться в подземном странствии. Согласно этой книге, в страну блаженных его вели два пути, один водный, другой сухопутный, и, кроме того, она показывает, что были и окольные тропы, ведущие к кипящим огненным рекам, по которым ему идти нельзя.

Покров дал нам почувствовать, что мы находимся в присутствии умершего царя минувших веков. Нетронутая печать на закрытых дверях второго ковчега дала нам то, чего мы искали. Добрались ли до царя грабители гробниц, проникшие в переднюю камеру, в ее боковую камеру, в погребальную камеру и в ее сокровищницу? Ковчег был цел, на его дверях стояла нетронутая первоначальная печать — знак того, что грабители до него не добрались. Отныне мы знали, что внутри ковчега будем ступать там, куда никто не входил, и будем иметь дело с вещами, нетронутыми и невредимыми с тех пор, как юного царя положили на покой почти три тысячи триста лет назад. Мы наконец нашли то, о чем и не мечтали, — возможность полностью увидеть погребальные обычаи, которым следовали при похоронах древнего фараона. Десять лет труда не пропали даром, и нашим надеждам предстояло сбыться с результатом, далеко превзошедшим ожидания.

Перед дверями ковчега стоял сосуд для благовоний царя и царицы, вырезанный из чистого полупрозрачного алебастра (кальцита), — редкий шедевр сложной резьбы по камню, украшенный золотом и слоновой костью (таблицы XLVIII, XLIX). Царский камнерез, по-видимому, любил замысловатые композиции, означающие «Соединение Двух Земель», Верхнего и Нижнего Египта, которое символизирует узел из стеблей условно изображенных папируса и лотоса; но здесь он превзошел даже

самого себя, добавив к любимой теме две прелестные двуполые фигуры Хапи. Они олицетворяют Верхний и Нижний Нил и обнимают не только боковой цветочный орнамент, но и тонкие скипетры, обвитые уреями в красной и белой коронах «Двух Царств». Устье самого сосуда художник увенчал коршуном с широко распростертыми крыльями. К несчастью, работа была так тонка, что разбухание священного вещества, которое он хранил, разорвало сосуд. Перед этим прекрасным предметом, частично прикрытым упавшими кусками покрова, стоял другой сильный образец условного искусства, в котором на этот раз воплотились некоторые черты Восточного Средиземноморья. Это был сосуд для притираний из разных сортов резного кальцита (таблицы L, LI), в котором все еще сохранилось его притирание, мягкое и душистое (см. ниже). Этот сосуд замечателен своим единственным в своем роде замыслом: он цилиндрической формы, опирается на четырех пленников африканского и средиземноморского облика, по бокам у него по колонне в виде Беса, на крышке — прелестный лежащий лев с длинным высунутым красным языком, а на стенках среди пустынной растительности вырезаны и заполнены краской сцены: львы нападают на быков, собаки гонят антилопу, газель и зайца.

По обе стороны, между двумя ковчегами, в правом и левом углах, были сложены многочисленные парадные булавы, посохи, жезлы и луки, некоторые бережно завернутые в лен. Быть может, лучшие из них — золотой и серебряный жезлы, сделанные из двух тонких трубчатых древок, на которых стоят крошечные статуэтки юного государя, отлитые и прочеканенные каждая в своем металле (таблица VII). Почти невозможно описать изящество этих грациозных фигурок со сдержанной, но юношеской осанкой. Пухленькие фигурки вылеплены здесь очень тонко. Их короны и

юбки прочеканены. Жест их рук полон юношеской простоты. Обе в точности одинаковы, если не считать металла. Это, несомненно, работа руки мастера. Эти золотой и серебряный жезлы, по всей вероятности, предназначались для обрядов и торжественных шествий. Они напоминают золотой и серебряный жезлы, которые и поныне носят в торжественных случаях джентльмены почетной королевской стражи.

Затем наше восхищение привлек ряд изогнутых жезлов, богато украшенных тончайшей мозаикой из разноцветной коры, радужных надкрылий жуков и широких полос полированного золота с каймой из завитков (таблица VIII, а). Один из них был целиком облицован замысловатыми узорами из слоновой кости и черного дерева, разделенными полосами цветочного орнамента, а на его наконечниках из слоновой кости были вырезаны охотничьи изображения (таблица VIII, б). Среди других посохов, быть может, более личного свойства, был простой гладкий золотой посох с навершием из стекла цвета лазурита и надписью: «Возьми себе золотой жезл, дабы ты следовал за возлюбленным отцом твоим Амоном, возлюбленнейшим из богов»; другой, украшенный на рукояти изысканной стеклянной инкрустацией вперемежку с золотой сканью, назывался «Прекрасный посох Его Величества»; третий был простой тростинкой, оправленной широкими наконечниками из золота и электрума и плетеной золотой проволокой. Мы недоумевали, отчего такую обыкновенную, простую тростинку так богато оправили, но надпись на ней дала трогательный ответ: «Тростинка, которую Его Величество срезал своей рукой». Остальная часть этого замечательного собрания царских принадлежностей была более обрядового и религиозного рода: булавы, скипетры *уас*, кривые и

раздвоенные посохи из дерева, покрытого гипсовым грунтом и позолоченного.

Таково было убранство погребальной камеры — по большей части религиозного свойства, иногда почти суровое, но все оно так или иначе давало заглянуть в прошлое и являло прекрасное искусство на службе вере. Нельзя было не почувствовать глубокого впечатления от этого великолепного примера заботы о благополучии умершего, одушевленной высочайшим счастьем. В сущности, вся камера и ее убранство прекрасно передавали образ мыслей древних. Вместе со страхом перед богами и демонами их собственных верований чувствуешь искреннее чувство и привязанность к умершему. По самой своей строгости это могло бы быть погребение самого бога, а не его представителя на земле, который, уходя из земной жизни, становился одним из «Владык Запада». Его убранство, как и убранство передней камеры, можно почти разделить на две категории: личное и религиозное — личные вещи отражали вкусы юного царя, религиозные — верования прошлого. Первые были положены туда из нежной заботы об умершем, вторые — для его защиты в суровом подземном мире, ибо даже когда сам великий бог Солнца вступал на свой ночной путь, дорога его через те темные области была полна всевозможных ловушек.

Но вопросы, которые здесь возникают, трудны. Значение некоторых эмблем, положенных в гробницу, порождающих сегодня столько догадок, было, возможно, почти так же темно для древних фиванцев, как и для нас. Сомнительно, могли ли бы они объяснить нам, зачем клали в гробницу многие из них. Истинный смысл символов вполне мог быть утрачен за много лет до эпохи Тутанхамона, и предание могло считать их необходимыми для

благополучия умершего еще долго после того, как причина их употребления была забыта.

Кроме этих традиционных принадлежностей, необходимых, чтобы встретить и одолеть темные силы загробного мира, в маленьких нишах в стенах, обращенных на север, юг, восток и запад, были поставлены и заштукатурены магические фигуры, согласно обряду, изложенному в «Книге мертвых», для защиты гробницы и ее владельца. С этими магическими фигурами связаны заклинания, чтобы «отразить врага Осириса [умершего], в каком бы облике он ни пришел». Магия, кажется, на этот раз взяла верх. Ибо из двадцати семи царей имперской эпохи Египта, погребенных в этой долине и претерпевших всякого рода разорение, один Тутанхамон все эти тридцать три столетия пролежал невредимым, хотя чужие руки и нарушили покой камер его гробницы, — или, быть может, нам следует поверить, как охотно сказали бы те древние фиванцы, что долгой безопасностью Тутанхамон обязан покровительству Амона-Ра, оказанному своему обращенному, который, признав торжество этого фиванского бога над религиозным переворотом Эхнатона, отстроил его святилища и снова наделил достоянием его храмы?

ГЛАВА III. РАСЧИСТКА ПОГРЕБАЛЬНОЙ КАМЕРЫ И ВСКРЫТИЕ САРКОФАГА

✦

Работа второго сезона, собственно, началась в лаборатории, где Мейс занимался великолепными колесницами и парадными ложами, оставшимися от первого сезона. Пока он с помощью Каллендера вел эту работу по сохранению и упаковке, я начал с того, что убрал две статуи-часовых (таблица IX), стоявшие перед входом в погребальную камеру, а затем, поскольку это было необходимо, разобрал перегородку, отделявшую ее от передней камеры (таблица X).

Не разобрав сперва эту перегородку, невозможно было бы взяться за огромные ковчеги в погребальной камере или вынести оттуда многие из погребальных принадлежностей. Но и тогда главная наша трудность заключалась в тесноте, в которой приходилось выполнять труднейшую задачу — разборку этих ковчегов; их оказалось четыре, и они были вставлены один в другой.

Помимо крайней тесноты и стоявшей там жары, трудности наши еще больше увеличивал огромный вес отдельных секций и панелей, из которых были собраны эти сложные ковчеги. Они были сделаны из дубовых досок[1] толщиной в 2¼ дюйма и покрыты на левкасе изумительно тонкой золотой работой. Доски, хотя и совершенно здоровые, за три тысячи триста лет в этом очень сухом воздухе усохли, а золотая работа на левкасе если и изменилась, то разве что немного раздалась; так или иначе, между деревянной основой и золотой узорной поверхностью

образовался зазор, и от прикосновения эта поверхность готова была смяться и осыпаться. Таким образом, задача наша состояла в том, как в этом очень тесном пространстве разобрать и вынести секции ковчегов, весившие от четверти до трех четвертей тонны, не причинив им лишнего вреда.

[1] Тем, что дерево определено как дуб, я обязан мистеру Л. А. Будлу из Джодрелловской лаборатории Королевских садов в Кью.

В ходе этого предприятия возникли и другие осложнения, и одно из них было вызвано тем, что секции скреплялись между собой потайными деревянными шпонками, врезанными в толщу досок панелей, секций кровли, частей карниза и стоек. Лишь слегка раздвигая щели между секциями и находя таким путем места шпонок, которые их держали, а затем просовывая тонкую пилу и перепиливая их, мы могли освободить секции и разнять их. Едва мы нашли способ справиться с этим затруднением, разделались с секциями огромного внешнего ковчега и возгордились, полагая, что теперь знаем, как обходиться со следующим ковчегом или ковчегами, как обнаружили, что в следующем же ковчеге, хотя он и был скреплен подобным образом, многие потайные шпонки были из цельной бронзы и на них было начертано имя Тутанхамона. Перепилить их, как в первом случае, было, разумеется, нельзя. Пришлось искать другие способы. И вообще, вопреки нашим ожиданиям, чем дальше мы продвигались, тем больше возникало новых, непредвиденных препятствий, хотя места для работы у нас и прибавлялось.

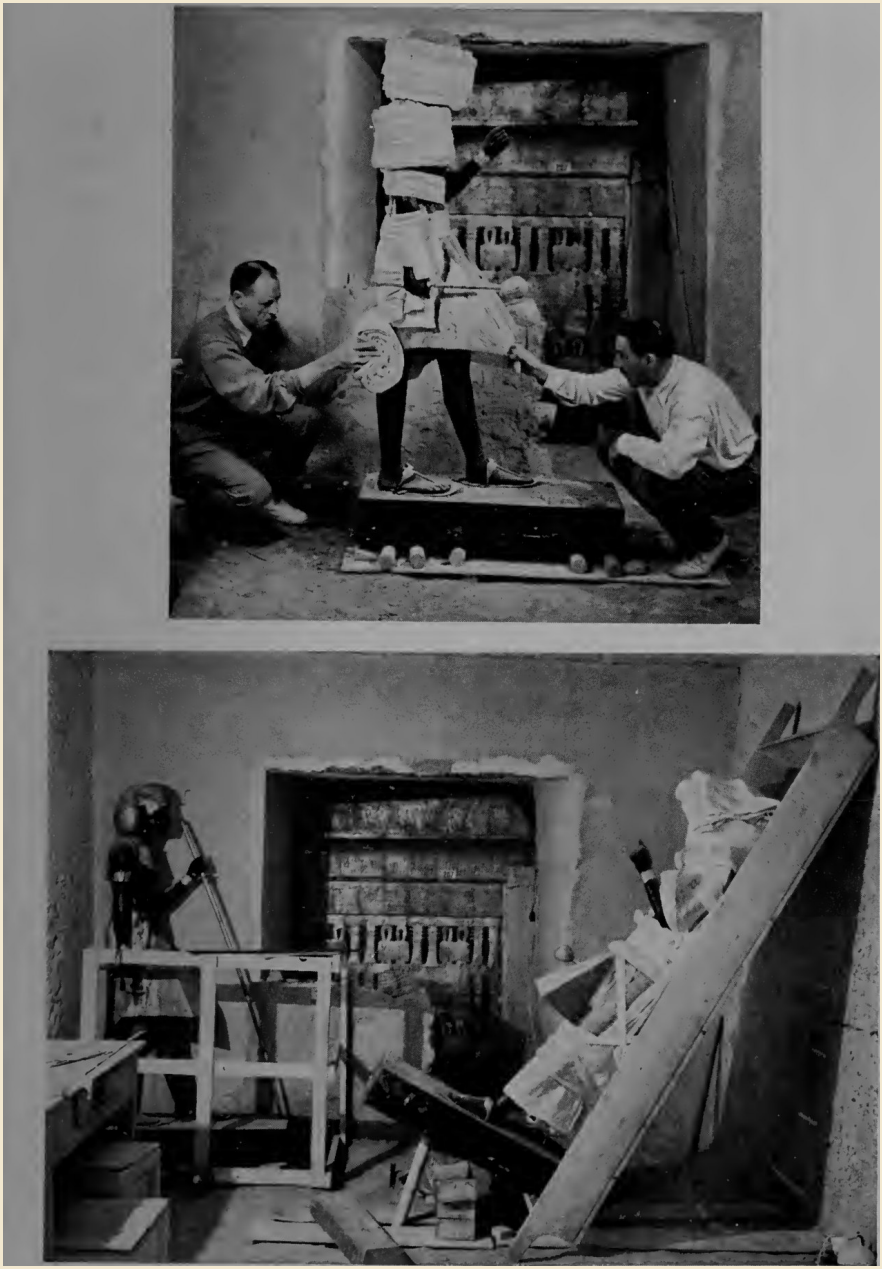

Таблица IX. Подготовка статуй-часовых к перевозке в лабораторию

Таблица X. Разборка перегородки, отделяющей переднюю камеру от погребальной камеры

Так, например, когда мы установили леса и подъемные снасти, они заняли почти все свободное пространство, и для нас самих места почти не осталось. Когда некоторые части освобождались, оказывалось, что вынести их из камеры негде. Мы набивали шишки, прищемляли пальцы, протискивались туда и обратно, как ласки, и работали в самых неловких положениях. Помнится, один из видных химиков, помогавших нам в работе по сохранению, записывая различные явления в гробнице, обнаружил, что записал заодно и известную долю крепких выражений! И все же, рад сказать, в этой борьбе мы причинили больше вреда себе, чем ковчегам.

Такова была наша задача в погребальной камере во второй сезон работ. Сначала нам предстояло убрать из передней камеры эти необычные фигуры-часовых с величественной надписью: «Благой бог, которым гордятся, государь, которым похваляются, царственный ка Харахте, Осирис, царь, владыка Обеих Земель, Небхепрура»; затем разобрать перегородку, отделявшую переднюю камеру от погребальной, — она была сложена из камня насухо, перекрыта тяжелыми бревнами и с обеих сторон покрыта слоем твердой штукатурки; наконец, разобрать огромные ковчеги внутри камеры и тем самым открыть великолепный саркофаг из желтого кварцита, в середине которого покоились, под их защитой, останки царя. Эта работа заняла у нас восемьдесят четыре дня настоящего ручного труда. Некоторое представление о ее размахе даст то, что внешний из этих золотых ковчегов, занимавший почти всю погребальную камеру, имел около 17 футов в длину, 11 футов в ширину и больше 9 футов в высоту, а

четыре ковчега состояли в общей сложности примерно из восьмидесяти секций, и к каждой секции или части приходилось подходить иначе, чем к предыдущей, а каждую секцию сперва нужно было временно закрепить, чтобы с ней можно было обращаться с наименьшим риском повреждения.

Когда перегородку разобрали, внешний ковчег открылся взгляду целиком (таблица LIV), и мы впервые смогли оценить его великолепие, особенно превосходную золотую работу и инкрустацию синим фаянсом с наложенными на нее позолоченными охранительными знаками — столбами *джед* и пряжками *тет* попеременно.

Дойдя до этого, следовало затем вынести и перевезти в лабораторию всю переносную погребальную утварь, расставленную по камере между стенами и боками внешнего ковчега, а потом сделать и ввести внутрь необходимые леса и подъемные снасти, чтобы подготовиться к разборке внешнего ковчега. Когда наши приспособления, по необходимости самые простые, были установлены, мы начали с того, что сняли с петель очень тяжелые створчатые двери внешнего ковчега, которые поворачивались на медных шипах, входивших в гнезда в притолоке и в пороге. Это было очень кропотливое и рискованное дело, так как переднюю часть антаблемента ковчега приходилось слегка приподнимать, чтобы высвободить верхние и нижние шипы-петли, укрепленные на задних брусьях дверей. Затем мы подняли и вынесли три секции кровли (таблица XI), соединенные шпонками с антаблементом. После этого мы разобрали сам антаблемент, состоявший из четырех секций карниза и фриза, которые были соединены шпонками с соответствующими панелями и скреплены по четырем углам тяжелыми медными S-образными скобами; на каждой были надписи вроде «северо-

восток», «юго-запад» и т. п., указывавшие их правильное положение по сторонам света.

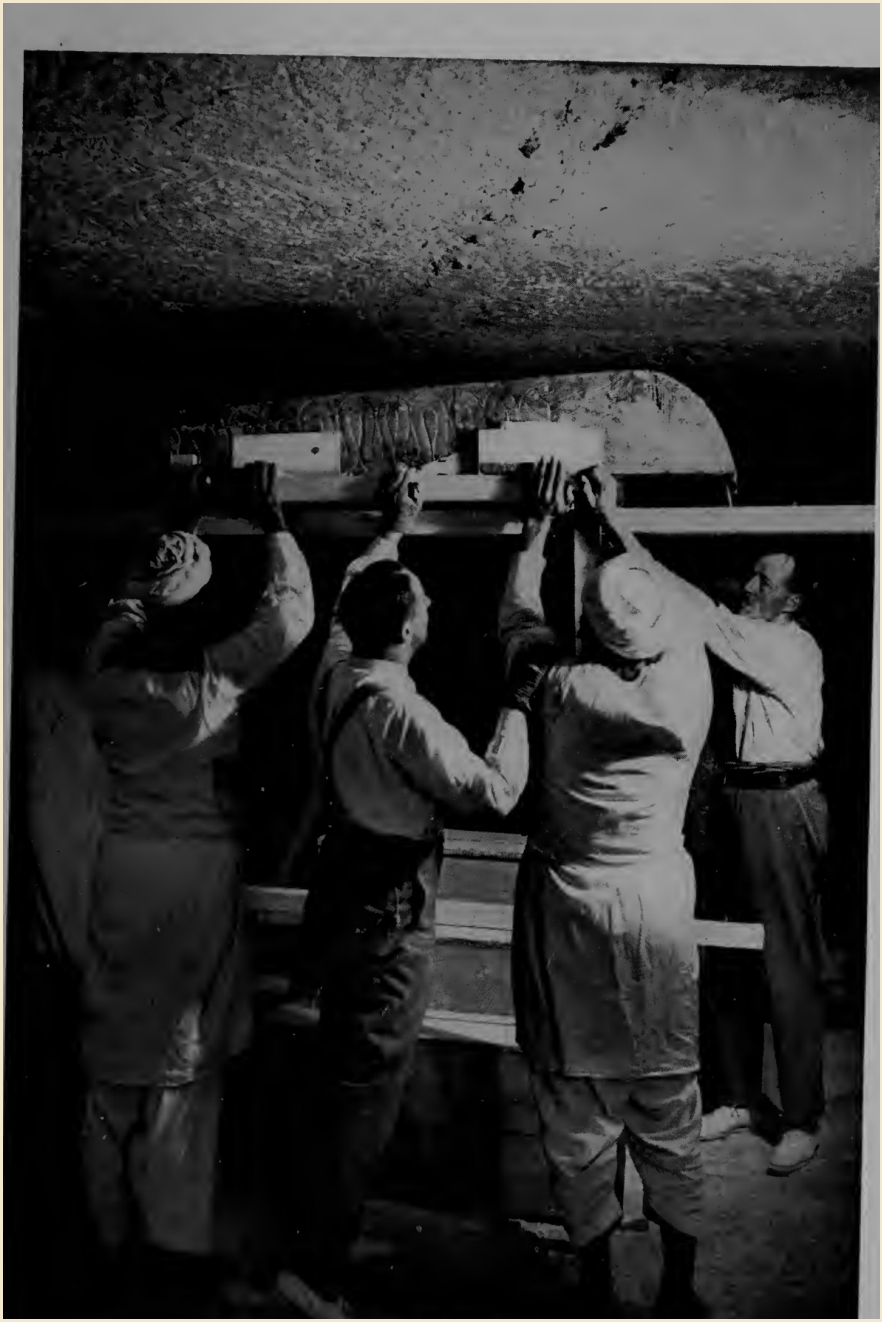

Таблица XI. Секцию кровли первого (внешнего) ковчега выносят в переднюю камеру

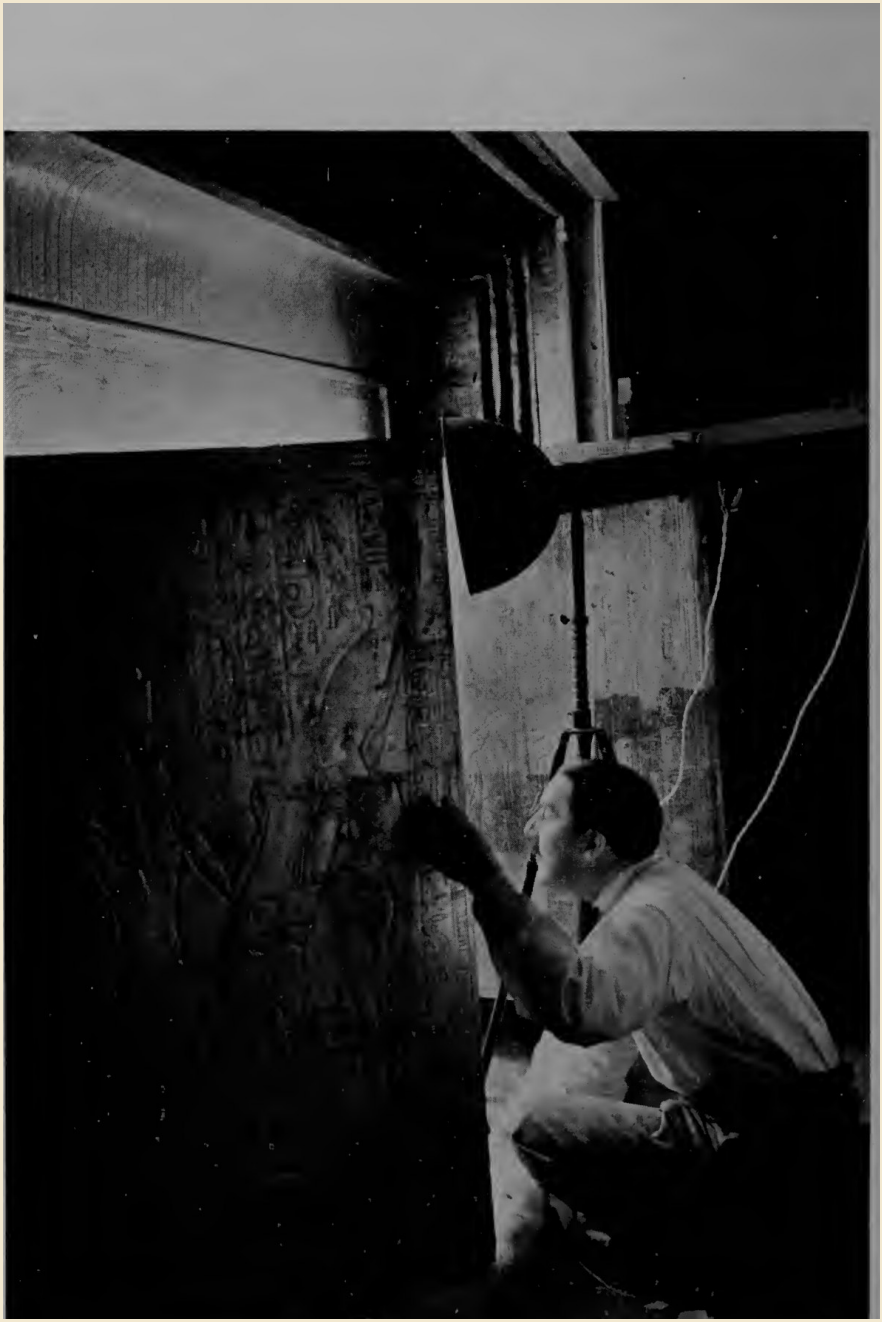

Таблица XII. Вскрытие дверей второго ковчега

Сняв антаблемент, нужно было заняться панелями ковчега. Теперь они держались только на наших временных подпорках и на четырех угловых стойках, с которыми были соединены шпонками. Освободить панели было сравнительно легко, но места, чтобы вынести их, не хватало, и нам пришлось прислонить их к соответствующим стенам камеры и оставить там до тех пор, пока их можно будет вынести, — иначе говоря, до тех пор, пока не будут разобраны и вынесены внутренние ковчеги, которые тогда загораживали им выход. Снятием угловых стоек завершилась первая наша задача — разборка первого (внешнего) ковчега.

Следующей и очень тонкой задачей был льняной покров, целиком укрывавший второй ковчег. Ткань его сильно истлела и была в очень непрочном состоянии; свисавшие края были сильно порваны под тяжестью самой ткани и нашитых на нее металлических маргариток. К счастью, по опытам доктора Александра Скотта, дюропрен (хлорированный каучук, растворенный в органическом растворителе, например в ксилоле) оказался чрезвычайно действенным для укрепления обветшавшей ткани. Он настолько укрепил ее, что мы смогли намотать покров (таблица LV, A) на деревянный вал, нарочно для этого сделанный, и перевезти в лабораторию, где со временем ткань можно было окончательно обработать и подшить на новую основу.

Покончив со льняным покровом и с деревянным каркасом, служившим ему своеобразной опорой (таблицы LV, B и LVI), мы смогли заняться вторым ковчегом — прекрасным позолоченным сооружением, почти в точности похожим на первый, только без

инкрустации синим фаянсом (таблица LVII). Двери этого второго ковчега были заперты на засовы сверху и снизу и тщательно закреплены шнуром, привязанным к металлическим скобам, и запечатаны (таблица LX). Глиняная печать на шнуре была цела. На ней стояли оттиски двух разных печатей: на одной было тронное имя Тутанхамона, Небхепрура, над изображением «шакала над девятью врагами», на другой — знак печати царского некрополя, «шакал над девятью врагами», без иных отличительных знаков или царских регалий (таблица LX). Это была большая удача: очевидно, за этими двумя печатями нас ждали вещи, нетронутые со времени погребения царя. С большой осторожностью мы перерезали шнуры и открыли створчатые двери (таблица XII), а когда они распахнулись, за ними оказался третий ковчег, тоже запечатанный и нетронутый, — и оттиски печатей на этом третьем ковчеге были те же, что и на втором.

На этом этапе работы мы поняли, что теперь, открыв следующие двери, можно будет разгадать тайну, которую ковчеги так ревниво хранили на протяжении веков. Поэтому я решил прежде всего другого сделать эту попытку. Это была волнующая минута в нашем тяжелом труде, которую нелегко забыть. Нам предстояло увидеть зрелище, какое никому другому в наше время не доводилось видеть. Сдерживая волнение, я осторожно перерезал шнур, снял драгоценную печать, отодвинул засовы и открыл двери — и показался четвертый ковчег, такой же по замыслу и еще более блистательный по работе, чем предыдущий. Решающая минута приближалась! Минута, которую не описать словами, — для археолога! Что было под ним и что заключал в себе этот четвертый ковчег? В сильнейшем волнении я отодвинул засовы последних, незапечатанных дверей; они медленно распахнулись (таблица XIII), и там, заполняя все пространство

внутри и окончательно преграждая путь дальше, стоял огромный саркофаг из желтого кварцита (таблица XIV), нетронутый, с крышкой, все так же прочно лежавшей на своем месте, как оставили ее благоговейные руки. Это была поистине захватывающая минута; мы смотрели на это зрелище, и его усиливал резкий контраст с блеском металла — золотыми ковчегами, укрывавшими саркофаг. Особенно поражали простертая рука и крыло богини, высеченной на торце саркофага, словно для того, чтобы отвратить незваного гостя. В этом выразилась прекрасная по замыслу мысль, и она поистине казалась красноречивым свидетельством совершенной веры и нежной заботы о благополучии любимого, которые одушевляли людей, живших в этой стране более тридцати веков назад.

Теперь мы могли воспользоваться приобретенным опытом и гораздо яснее представляли себе предстоящую работу: три оставшихся ковчега нужно было разобрать и вынести, прежде чем можно будет подумать о саркофаге. Так мы трудились еще месяц, разбирая сначала второй ковчег, затем третий, пока четвертый (внутренний) ковчег, последний и самый маленький, не освободился совсем. Когда это было сделано, мы увидели, что последний ковчег имел вид золотой скинии (таблица LVIII). На его створчатых дверях и на западном торце были крылатые фигуры богинь — покровительниц умерших, исполненные тонким низким рельефом, величественные в своем охранительном значении (таблица LIX), а стены ковчега были покрыты религиозными текстами.

Между третьим и четвертым (внутренним) ковчегами мы нашли церемониальные луки и стрелы, а с ними — пару великолепных опахал (таблица LXI), знаков достоинства царевичей; такие опахала, столь заметные в сценах, где

изображены цари, несли за своим господином младшие чины. Прекрасные это были образцы: одно лежало у изголовья, другое — вдоль южной стороны внутреннего ковчега. То, что лежало у изголовья, выполненное из листового золота (таблица LXII), несет прелестную и историческую сцену: юный царь Тутанхамон на колеснице, за которой бежит его любимая собака, охотится на страусов ради перьев для этого опахала — как говорит надпись на рукояти, «в Восточной пустыне Гелиополя»; на обратной стороне опахала, тоже тонко выбитой и прочеканенной, юный «Владыка доблести» изображен возвращающимся с победой: его добычу, двух страусов, несут на плечах два прислужника, идущие впереди, а перья он держит под мышкой. Второе опахало, побольше и, пожалуй, еще роскошнее, было из черного дерева (таблица LXIII), обложенного листовым золотом и инкрустированного бирюзой, лазуритом, стеклом цвета сердолика, а также прозрачным кальцитом; на лопасти опахала начертан полный титул Тутанхамона. К сожалению, от самих перьев этих двух опахал остались лишь обломки. Хотя насекомые сильно их попортили, уцелевшего было довольно, чтобы понять, что когда-то это были перья, белые и бурые попеременно, — по сорок два на каждом опахале.

Кровля с карнизом четвертого (внутреннего) ковчега, вопреки нашим ожиданиям, была иной формы и сделана из одного куска (таблица XV), а не из нескольких секций, как кровли предыдущих ковчегов. Поэтому она была очень тяжела, и вопрос состоял в том, как поднять ее и развернуть в этом очень узком пространстве. Это была одна из труднейших наших задач, и прошло несколько дней тяжелого труда, прежде чем ее удалось поднять, понемногу развернуть и перетащить в переднюю камеру, где она стоит и теперь. Разобрать боковые стенки, торцы и двери этого

внутреннего ковчега было гораздо легче. Он заключал в себе саркофаг и, как оказалось, точно подходил к нему по размеру. Это была последняя из тех сложных задач, с которыми была сопряжена разборка четырех ковчегов, освященных древними воспоминаниями. Так закончился наш труд, длившийся более восьмидесяти дней.

По ходу работы стало ясно, что древнеегипетским мастерам погребального дела, должно быть, стоило огромного труда собрать ковчеги в этом тесном помещении. Впрочем, их задача была, пожалуй, легче нашей, потому что дерево у них было новое и податливое, а золотая отделка — прочная и крепкая. На этом узком пространстве им, вероятно, пришлось сначала расставить части четырех ковчегов в должном порядке вдоль четырех стен камеры: первыми внести части и панели внешнего ковчега, а последними — части внутреннего. Следующим разумным шагом было сначала собрать внутренний ковчег и в последнюю очередь — внешний. Так, по-видимому, и было сделано. Плотничная и столярная работа этих сооружений обличала большое мастерство, и каждая секция была тщательно пронумерована и помечена, чтобы показать не только, как они сочленяются, но и их правильное положение по сторонам света. Стало быть, строители этих ковчегов были, несомненно, большими мастерами своего дела; но, с другой стороны, были признаки того, что погребальный обряд совершался в спешке и что рабочие, которым были поручены эти последние обряды, отнюдь не отличались аккуратностью. Они, почти несомненно, расставили части вокруг саркофага, но по недосмотру перепутали их порядок относительно четырех сторон света. Они прислонили их к четырем стенам вокруг саркофага, который им предстояло укрыть, вопреки указаниям, написанным на разных частях, и в

результате, когда ковчеги были собраны, их двери оказались обращены на восток, а не на запад, задние торцы — на запад, а не на восток, и боковые панели тоже поменялись местами. Это, быть может, простительная ошибка, раз камера была слишком мала, чтобы расставить все правильно, хотя были и другие признаки небрежности. Секции явно сколачивали как придется, не заботясь о том, что можно повредить их позолоченную отделку. Глубокие вмятины от ударов тяжелого орудия вроде молота видны на золотой работе и поныне, местами поверхность была даже отбита, а мусор, оставшийся после рабочих, например щепки, так и не убрали.

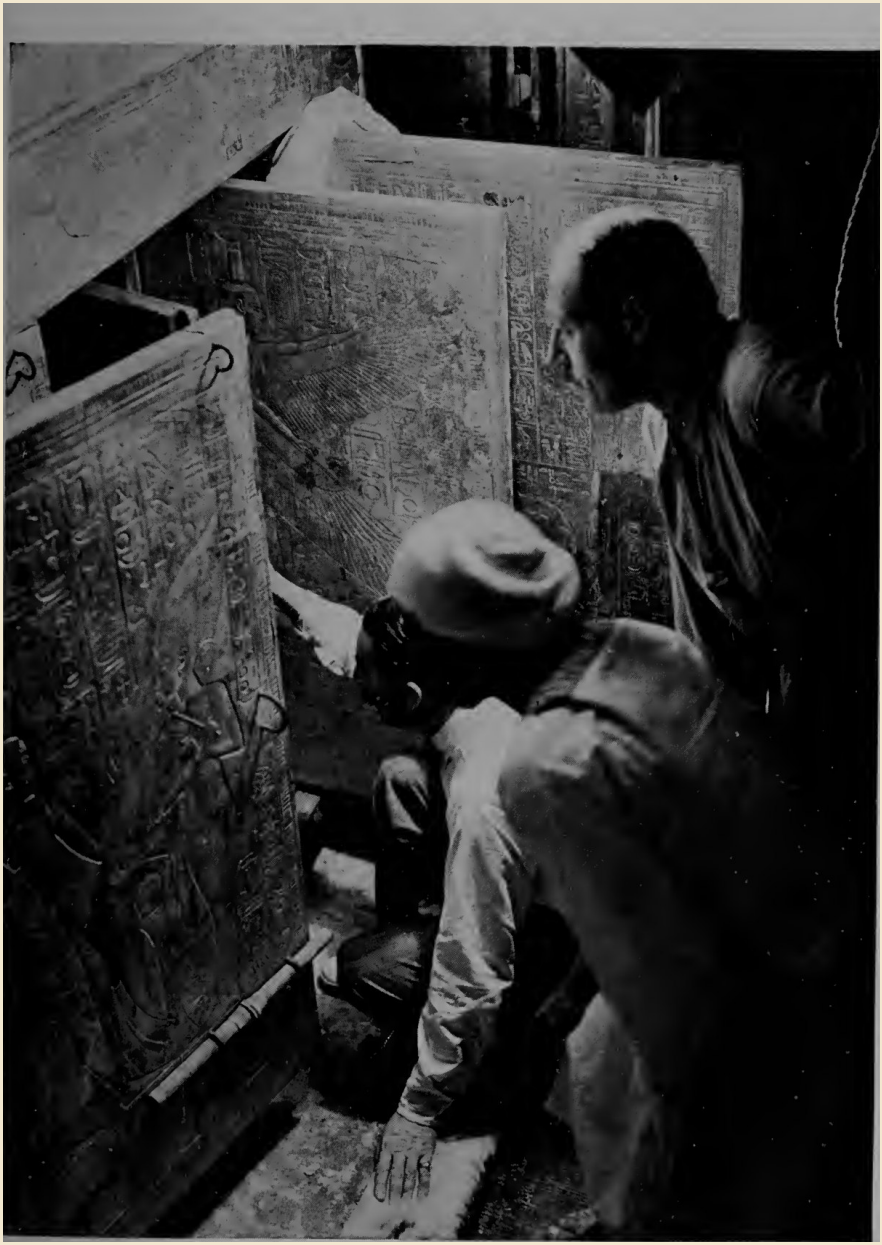

Таблица XIII. Вскрытие дверей четвертого (внутреннего) ковчега

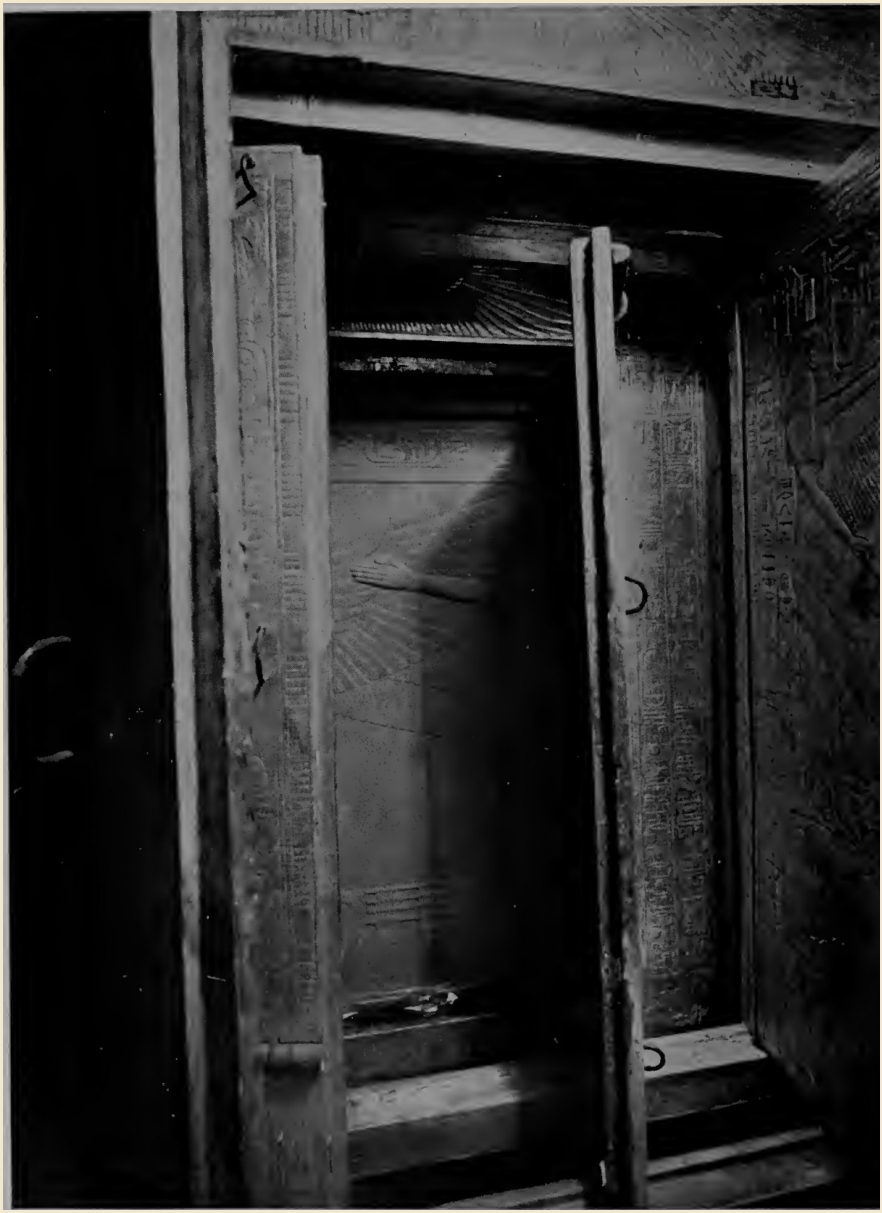

Таблица XIV. Первый взгляд на саркофаг, заполняющий все пространство четвертого (внутреннего) ковчега

Когда подняли кровлю последнего ковчега, открылась крышка саркофага, а когда сняли три стенки и двери этого ковчега, освободился и сам огромный каменный памятник. Мы были вознаграждены с лихвой. Ибо там, свободный от всех окружавших его сооружений, стоял, словно на торжественном возвышении, великолепный саркофаг чудесной работы, высеченный из цельной глыбы лучшего желтого кварцита, длиной 9 футов, шириной 4 фута 10 дюймов и высотой 4 фута 10 дюймов (таблица LXIV).

3 февраля мы впервые смогли как следует рассмотреть этот шедевр погребального искусства, принадлежащий к лучшим образцам своего рода, какими располагает мир. У него богатый антаблемент: карниз-выкружка, валик и фриз с надписью. Но главное в саркофаге — богини-хранительницы Исида, Нефтида, Нейт и Селкит, высеченные высоким рельефом на каждом из четырех углов и поставленные так, что их широко распростертые крылья и простертые руки охватывают его охранительным объятием (таблица LXV). Внизу его опоясывает цоколь из охранительных знаков — столбов *джед* и пряжек *тет*. Углы саркофага стояли на алебастровых плитах. Между последним ковчегом и саркофагом не было никаких предметов, кроме знака *джед*, положенного с южной стороны ради «Крепости» и, возможно, «Защиты» владельца (таблица LXV).

Когда наш свет упал на благородный кварцитовый памятник, он озарил, деталь за деталью, эту последнюю торжественную мольбу к богам и людям, и мы почувствовали, что юному царю даже сама смерть придала достоинство. В глубокой тишине волнение росло, прошлое и настоящее словно сошлись, время будто остановилось и замерло в ожидании, и невольно спрашивал себя: не вчера ли с пышностью и торжеством положили юного

царя в этот ларец? — так свежи, так недавни казались эти трогательные призывы к нашему состраданию, что чем дольше мы смотрели на них, тем сильнее становилась иллюзия. Хотелось пожелать, чтобы его путь по мрачным подземным переходам загробного мира был безмятежен, пока он не достигнет полного блаженства! — о чем, казалось, молили эти четыре богини, высеченные высоким рельефом на углах и укрывавшие того, кто был им поручен. Ибо разве не было в них совершенной египетской элегии в камне?

Крышка (таблица LXIV), сделанная из розового гранита, подкрашенного под цвет кварцитового саркофага, была расколота посередине и прочно сидела в фальцах верхних краев саркофага. Трещины были тщательно заделаны раствором и закрашены под цвет остального, так что не оставалось сомнений: крышку не трогали. Несомненно, первоначально замышлялась кварцитовая крышка под стать самому саркофагу; стало быть, по-видимому, случилось какое-то несчастье. Может быть, задуманная крышка не была готова к погребению царя, и вместо нее положили эту грубовато сделанную гранитную плиту.

Трещина сильно осложнила последнее наше усилие — подъем этой крышки: будь она цела, сделать это было бы гораздо легче. Трудность, однако, преодолели, пропустив вдоль боков плиты плотно прилегающие к ним железные уголки, благодаря чему ее можно было поднять дифференциальными блоками как одно целое. При этом последнем торжественном действе присутствовали многие: губернатор провинции Кена и Мохаммед Заглул-паша (товарищ министра общественных работ), мистер Э. С. Харкнесс (председатель совета попечителей музея Метрополитен в Нью-Йорке), доктор Брестед (профессор египтологии и истории Востока в Чикагском университете),

главный инспектор древностей Верхнего Египта, мистер А. М. Литгоу (хранитель Египетского отдела музея Метрополитен в Нью-Йорке), профессор Ньюберри (почетный лектор по египетскому искусству в Ливерпульском университете), доктор Алан Гардинер, известный филолог, мистер Г. Э. Уинлок (руководитель Египетской экспедиции музея Метрополитен в Нью-Йорке), мистер Норман де Гарис Дэвис (из того же музея), доктор Дуглас Дерри (профессор анатомии медицинской школы Каср-эль-Айни в Каире), мистер Роберт Монд, мсье Фукар (директор Французского института археологии), мсье Брюйер (директор Французской экспедиции), майор достопочтенный Дж. Дж. Астор, господа Мейс, Каллендер, Лукас, Бертон и Бетелл и помощник хранителя Каирского музея.

Немало необыкновенных сцен разыгралось, должно быть, в Долине царей с тех пор, как она стала царским кладбищем фиванского Нового царства, но, да простят мне, думается, что нынешняя сцена была не из наименее любопытных и драматических. Для нас самих это была единственная, высшая и решающая минута — минута, которой мы ждали с тех пор, как стало ясно, что камеры, открытые в ноябре 1922 года, — это гробница Тутанхамона, а не тайник с его утварью, как утверждали некоторые. Каждый из нас ощущал торжественность происходящего, каждого волновало то, что нам предстояло увидеть, — погребальный обычай царя Древнего Египта тридцать три века назад. Каким мы найдем царя? Такие догадки и ожидания проносились у нас в голове, пока длилось молчание.

Снасти для подъема крышки были на месте. Я подал знак. В полной тишине огромная плита, расколотая надвое, весом больше тонны с четвертью, поднялась со своего ложа. Свет проник в саркофаг. Нашим глазам предстало зрелище, поначалу нас

озадачившее. Оно немного разочаровывало. Содержимое было целиком укрыто тонкими льняными пеленами (таблица XVI). Пока крышка висела в воздухе, мы одну за другой откинули эти пелены, и когда сняли последнюю, у нас вырвался изумленный вздох — так великолепно было зрелище, представшее нашим глазам: золотое изображение юного царя, прекраснейшей работы, заполняло все пространство саркофага. Это была крышка чудесного человекообразного гроба (таблицы LXVI, LXVII) длиной около 7 футов, стоявшего на низком ложе в виде льва, — без сомнения, внешнего гроба в череде гробов, вложенных один в другой и заключавших останки царя. Тело этого великолепного памятника охватывают крыльями две богини, Исида и Нейт, выполненные богатой золотой работой по левкасу, такой же сверкающей, как в тот день, когда гроб был сделан. Особую прелесть ему придавало то, что, хотя этот узор был исполнен тонким низким рельефом, голова и руки царя были объемными, из массивного золота, превосходнейшей скульптурной работы, превосходившей все, что мы могли вообразить. Руки, скрещенные на груди, держали царские знаки — жезл и бич, — инкрустированные темно-синим фаянсом. Лицо и черты его были чудесно выполнены из листового золота. Глаза были из арагонита и обсидиана, брови и веки инкрустированы стеклом цвета лазурита. Была здесь и черта правды жизни: если весь остальной гроб, покрытый узором из перьев, был из сверкающего золота, то золото открытого лица и рук казалось иным — плоть была сделана из золота другого сплава и потому передавала впечатление смертной бледности.

Таблица XVI. Подъем крышки саркофага. Первый гроб в саркофаге, покрытый льняными пеленами

Таблица XV. Кровля четвертого (внутреннего) ковчега. На стропах, готовая к выносу в переднюю камеру

На лбу этого лежащего изображения юного царя были две эмблемы, тонко выполненные блестящей инкрустацией, — кобра и коршун, символы Верхнего и Нижнего Египта; но, пожалуй, всего трогательнее в своей человеческой простоте был крошечный венок из цветов (таблица LXVII) вокруг этих символов — как нам хотелось думать, последний прощальный дар юной овдовевшей царицы своему мужу, юному представителю «Двух Царств». Среди всего этого царственного великолепия, этой царской роскоши — повсюду блеск золота — не было ничего прекраснее этих немногих увядших цветов, еще хранивших оттенок былой окраски. Они сказали нам, как короток на самом деле срок в три тысячи триста лет — лишь Вчера и Завтра. Поистине, это маленькое прикосновение живой природы сроднило ту древнюю цивилизацию с нашей, нынешней.

Так, от лестницы, круто спускающегося коридора, передней камеры и погребальной камеры, от тех золотых ковчегов и того благородного саркофага, взгляды наши обратились теперь к его содержимому — гробу в золотом убранстве, в виде лежащего изображения юного царя, символизирующему Осириса или, как могло показаться по его бесстрашному взору, древнюю веру человека в бессмертие. Многие и смутные чувства пробудил в нас этот образ Осириса. Большая часть их осталась невысказанной. Но в этой тишине, если прислушаться, можно было почти услышать призрачные шаги уходящих плакальщиков.

Мы погасили лампы, снова поднялись по тем шестнадцати ступеням, снова увидели синий свод небес, где владыка — Солнце, но мысли наши все еще пребывали с великолепием этого ушедшего фараона, и в памяти нашей было запечатлено его последнее воззвание, начертанное на гробе: «О матерь Нут! Простри надо мною крылья свои, как над Нетленными звездами».

ГЛАВА IV. ПАРАДНЫЕ КОЛЕСНИЦЫ

✦

Всякое новое знание в этой области лишь усиливает наше восхищение техническим искусством древнеегипетских мастеров, которые работали сравнительно скромными средствами, бывшими в их распоряжении.

Что они были знатоками в устройстве повозок, известно уже по росписям на стенах их гробничных часовен, а также по прекрасным образцам колесниц, найденным в Египте в XIX и XX веках.

Колесница из египетского собрания во Флоренции и другая, в Каирском музее, найденная Теодором М. Дэвисом в гробнице Юйи и Туйи, — яркие примеры их мастерства. Они хорошо построены, прочны и вместе с тем чрезвычайно легки. Они состоят из каркаса гнутого дерева, укрепленного кожей, а в одном случае и украшенного ею; но, хотя они хорошо сделаны и прекрасны по очертаниям, это колесницы того рода, каким пользовалась фиванская знать, и их можно было бы назвать двуколками: в них нет и следа того великолепия, каким отличаются парадные колесницы, первым образцом которых для нас был «кузов», найденный в гробнице Тутмоса IV. Эта колесница, тоже открытая Дэвисом и хранящаяся в Каирском музее, к несчастью, была разломана ранними грабителями той гробницы. Колеса, ось и дышло погибли, но «кузов», единственная уцелевшая часть колесницы, был не только замечательным образцом устройства повозки, но, должно быть, и шедевром художественной работы. Снаружи и изнутри он был покрыт сценами сражений и

традиционным орнаментом, вылепленными низким рельефом на необычайно легком филенчатом каркасе из гнутого дерева; поверхность была подготовлена холстом и левкас и, без сомнения, некогда покрыта золотом. Но всю меру его великолепия мы осознали лишь тогда, когда в передней камере этой гробницы были найдены более полные образцы.

Мы нашли их здесь сваленными в беспорядке, и они тоже, к несчастью, пострадали: грабители, стараясь сорвать наиболее ценные части золотого убранства, обращались с ними очень грубо. Но беспорядок, в котором мы нашли эти парадные колесницы, был делом не одних грабителей. Входной коридор гробницы был слишком узок, чтобы колесницы прошли по нему целиком, поэтому их разобрали и даже распилили оси надвое, чтобы внести в камеру, а там разобранные части сложили одну на другую (том I, таблица XIX). Тем не менее, если не считать нескольких мелких подробностей отделки, которые были сорваны, и кожаных частей, расплывшихся от влажной жары в вязкую массу, колесницы в остальном сохранились целиком, вплоть до остатков ковриков, и, когда позволит время, их можно будет собрать снова.

A

PLATE XVII

B

122

Таблица XVII. а) Отделка первой парадной колесницы; б) отделка второй парадной колесницы

Таблица XVIII. Отделка внутренней стороны первой парадной колесницы. В середине — символ «Соединения Двух Царств», к которому привязаны чужеземные пленники

Их превосходный замысел и пышность оправдают любые затраты времени и труда. Сверху донизу они покрыты золотом, каждый дюйм которого украшен чеканными узорами и традиционными сценами, а по краям и по каркасу на золотую обкладку нанесен сложный орнамент из полудрагоценных камней и многоцветного стекла.

Как и у всех других образцов, в кузовах этих колесниц нет сиденья. Царь, правя колесницей, всегда стоял и редко, а то и никогда не садился. Сзади кузова совершенно открыты, чтобы возничий мог при необходимости легко спрыгнуть на землю и

снова вскочить. Пол состоял из сетки переплетенных кожаных ремней, покрытой либо звериной шкурой, либо льняным ковриком с очень длинным ворсом, который своей упругостью смягчал ход повозки. Это упругое дно кузова было ранней формой рессоры: настоящая, более действенная рессора, какой мы пользуемся сегодня, появилась у колесных экипажей в Европе лишь в XVII веке. До того кузова экипажей подвешивались на длинных кожаных ремнях к стойкам, поставленным на ходовой части. У египетских колесниц ход дополнительно смягчали тем, что колеса и ось ставили как можно дальше назад и тем самым использовали упругость дышла, насколько это было возможно.

Собственно ходовая часть этих колесниц состоит из оси и двух колес. По уже названным причинам ее помещали под самым задним краем кузова; но так как кузов отчасти опирался на дышло, а дышло было наглухо соединено с осью, то и дышло входило в ходовую часть. Поскольку кузов колесницы лежал на оси и на дышле, дышло на этом конце было особым образом изогнуто, чтобы пол кузова, когда в колесницу впрягали лошадей, оказывался приблизительно горизонтальным. Таким образом, вес кузова и возничего принимали на себя отчасти колеса, отчасти лошади; но так как возничий стоял ближе к задней стенке кузова, большая часть веса приходилась на ходовую часть. Кузов был привязан кожаными ремнями и к оси, и к дышлу, а кроме того, его удерживали толстые кожаные ремни, прикрепленные к верхнему переднему краю кузова и к стволу дышла. Отсюда видно, что дышло служило не только для того, чтобы запрягать лошадей, но отчасти и ходовой частью.

Колеса о шести спицах в своем устройстве обнаруживают особое знание механики, в котором мы с тех пор мало продвинулись. Они построены как можно легче и вместе с тем так,

чтобы ступица и спицы деревянного колеса получили самую прочную и долговечную форму.

Поскольку некоторые из этих образцов обложены листовым золотом, а их единственность не позволяет разобрать их для должного исследования (таблица XL), я возьму для примера обломки колеса, найденные во время работ лорда Карнарвона в гробнице Аменхотепа III в Вадиейн — боковой долине Долины царей. Без сомнения, они вышли из тех же царских мастерских и старше самое большее лет на двадцать пять. Вместе с этими обломками колеса нашли несколько частей каркаса кузова и несколько обломков упряжных седелок, и все они, по всем признакам, устроены так же, как более сохранные образцы из гробницы Тутанхамона. Обломки колеса — это части ступицы, нижние части спиц и куски внутренней и наружной втулок ступицы, на которых еще держится немало кожаной обмотки. Устройство таково: шесть V-образных частей из гнутого дерева, каждая из которых задумана так, что включает в себя сегмент ступицы и по половине сечения двух спиц колеса. Сложенные вместе, эти V-образные части образуют ступицу и шесть цельных спиц. В части ступицы каждой из шести V-образных секций сделано по две половинки гнезд, рассчитанные так, что при соединении они образуют в ступице шесть гнезд, куда входят соответствующие шипы «ласточкин хвост» на краях двух цилиндрических втулок, насаженных на ступицу колеса с внутренней и наружной стороны. Таким образом, эти длинные цилиндрические втулки, придуманные для того, чтобы колесо держалось прямо при всяком боковом движении, служили и весьма важной строительной цели: их шипы, входя в гнезда ступицы, сцепляли все части и образовывали безупречную ступицу. Втулки, ступица и части спиц после сборки обматывались

сырой кожей, которая, высыхая, садилась и стягивала их накрепко.

Если я объяснил это ясно, то видно, что такое хитроумное колесо колесницы не только обладает всеми свойствами легкости, но и уменьшает опасность раскола и под всякой разумной нагрузкой становится еще прочнее. Столярная работа так превосходна, что в отдельных местах описываемого образца, хотя с ним обошлись очень грубо, стыки едва заметны простым глазом. Спицы, по-видимому, были вставлены в гнезда обода, то есть наружного круга колеса, а опасность раскола устранялась заплечиками на шипах. Шины были кожаные.

Ремесло экипажного мастера во многом зависит от выбора материалов. Древние египтяне, как и мы теперь, подбирали для разных частей подходящие породы дерева. Дерево гнули искусственно (механически). Изготовление экипажей требует сочетания ремесел, редко соединяемых в одном деле, — так различны материалы. На древнеегипетских стенных росписях и рельефах египетские художники не упустили показать, какие части были особым делом плотника, колесника, кожевника и других мастеров.

Тяговой снасти — ярма (таблица XLI), укрепленного на конце дышла и привязанного к упряжным седелкам на холке лошадей, — хватало для всех надобностей тяги, а также для того, чтобы осаживать колесницу назад; кроме того, ярмо удерживало лошадей на одном расстоянии друг от друга и в одном положении. Шпоровидные стрекала (таблица XLIII, б) прикреплялись к нагрудной упряжи и к узде так, чтобы лошади не сбивались с линии тяги; а так как при каждой колеснице в этой гробнице было найдено по два таких стрекала, по-видимому, на каждую лошадь приходилось одно, и притом с наружной стороны.

Таблица XIX. Отделка внутренней стороны первой парадной колесницы (левая сторона). Чужеземные пленники перед Тутанхамоном в образе льва с человеческой головой, попирающего врагов Египта

Таблица XX. Отделка внутренней стороны первой парадной колесницы (правая сторона). Чужеземные пленники перед Тутанхамоном в образе льва с человеческой головой, попирающего врагов Египта

По различным изображениям царя в колеснице (том I, таблицы L–LII) мы знаем, что лошадей убирали пышными попонами и накидками на шею, а к оголовью и узде прикрепляли султан из страусовых перьев. Этого убранства в гробнице не оказалось и следа. Сама кожаная упряжь, очевидно нагрудного типа, к несчастью, истлела, но так как большая часть ее отделки — чеканное листовое золото — была на месте, то при тщательном изучении и со временем основную ее часть можно будет восстановить. Пока мы не знаем, какими удилами правили лошадьми: грабители унесли весь тяжелый металл, какой могли унести, и, без сомнения, металлические удила тоже. Судя по поступи и всей повадке лошадей, изображенных на расписном

ларце из этой гробницы, следовало бы ожидать, что удила были тяжелые, вроде мундштука. Вожжи, очевидно, пропускались через кольца, прикрепленные к нагрудной упряжи, и были достаточно длинны, чтобы их можно было обвязать вокруг пояса царя, так что руки у него оставались свободны для обороны, — ибо царь всегда правил колесницей один. Применялись наглазники — несколько пар их сохранилось в гробнице, — а на колесницах были богато укреплены колчаны, полные стрел: главным оружием был лук. Одной из главных отличительных черт царских колесниц был золотой солнечный сокол (таблица XLIV), укрепленный на конце дышла. Это была, так сказать, кокарда царского дома, и ее, как и султаны из страусовых перьев на головах лошадей, носили только колесницы царя и царевичей.

Четыре колесницы, найденные в передней камере (в сокровищнице при погребальной камере есть и другие, к которым еще не прикасались), можно разделить на два рода: парадные колесницы и двуколки. Последние были более открытые и легче по устройству — вероятно, для охоты или прогулок.

Парадные колесницы в золотой обкладке, с пышными попонами и убранством упряжи (ср. таблицу III), должно быть, производили великолепное впечатление в царских торжественных шествиях, особенно если вспомнить, как полированный металл отражал яркое восточное солнце. Это подчеркивает следующая цитата со стелы Эхнатона, отмечающей границы его города: «Его величество взошел на великую колесницу из электрума, подобно Атону, когда он восходит со своего горизонта и наполняет землю своей любовью…»

Надеемся, что из следующего, несколько краткого описания, а еще больше из приложенных изображений колесниц и их частей можно будет составить некоторое представление об их

великолепии. В движении, под египетским небом, они, должно быть, ослепляли: украшенное камнями убранство отбрасывало свет, колыхались султаны лошадей — шествие, полное блеска, красок, сияния и богатства, вряд ли часто превзойденное в иную эпоху или у иного народа, любящего пышность. Такое впечатление складывается у нас не только по памятникам, но и по тому, что время и обстоятельства оставили нам в этой гробнице.

Как сразу видно на изображениях (таблицы XXXVII и XXXVIII), «кузова» парадных колесниц не только совершенно открыты сзади, но имеют и ромбовидные проемы по бокам. К верхнему краю кузова из гнутого дерева прикреплен второй край, образующий выступ наподобие полки, а пространство между этими двумя краями заполнено сквозным узором: в середине — традиционный знак «Соединения Двух Царств», а по сторонам — пленные враги Египта (таблица XXI, а). Золотая обкладка передней стороны кузовов украшена чеканкой и инкрустацией в традиционном духе: на одной колеснице — сложным узором из спиралей (таблица XVII, а), на другой — орнаментом из перьев, завитков и «бычьего глаза» (таблица XVII, б), и на обеих — панелью с титулатурой царя. Так же и на внутренней стороне кузова колесниц помещена титулатура царя, которую поддерживает символическое «Соединение» «Двух Стран»; на одной из колесниц к нему привязаны северные и южные пленники, а ниже — чудесный фриз из покоренных врагов со связанными за спиной руками (таблица XVIII), коленопреклоненных перед торжествующим Тутанхамоном в образе льва с человеческой головой, попирающего чужеземных врагов Египта (таблицы XIX, XX). Такой традиционный орнамент, где покоренные народы представлены отдельными фигурами, условными по позе, но своеобразными по облику и подробностям,

по общему согласию считался естественным символом могущества государя. Желание принизить противника и отсутствие великодушия у победителей — лишь дух вольного воображения, переданный в изображениях битв времен фараонов, где живость и разнообразие схваток несравненно сильны. На другой колеснице внутренняя сторона, как и наружная, украшена простым узором из перьев, завитков и «бычьего глаза». К этой отделке добавлены инкрустированные медальоны из серебра и золота, укрепленные в нижней части панелей (таблица XVII, б).

У обеих колесниц ромбовидные проемы в боковых стенках кузовов обведены каймой из растительного узора, инкрустированной полудрагоценными камнями, стеклом и фаянсом (таблицы XIX, XX). В месте, где кузов опирается на ось, находятся богато украшенные каменные выпуклые накладки (таблица XX, в), в одном случае увенчанные причудливой золотой головой бога Беса (таблица XXI, б). Деревянные оси через промежутки охвачены золотыми кольцами, богато инкрустированными стеклом и полудрагоценными камнями в виде растительного узора и названий вражеских стран (таблица XXXIX). У каждой пары колес спицы, ступица и обод обложены тонким листовым золотом; шины — кожаные (таблица XL). Деревянные дышла оставлены гладкими, кроме золотого наконечника, на котором укреплялся царский золотой солнечный сокол (таблица XLIV). Поле диска на голове солнечного сокола целиком заполняет чеканный знак, включающий тронное имя царя. Поскольку фараонов почитали земными представителями бога Солнца, не будет ли слишком смелым предположить, что этот знак выражал его предполагаемое солнечное происхождение? Ярма из гнутого дерева, соединенные с дышлом, были обложены

золотом, а у одного концы изогнуты в виде фигур чужеземных пленников (таблица XLI).

Концы упряжных седелок (таблица XLII), к которым крепились ярма, украшены головами домашнего бога Беса. Сквозь широко раскрытый рот бога проходили подпружные ремни. Такое соединение украшения с креплением ремня, возможно, было подсказано тем, что этот бог повсюду на погребальной утвари гробницы изображен с длинным высунутым языком, — ремни, выходящие здесь изо рта, передают эту мысль. Сверху на задней части седелок помещены навершия с катушками из арагонита, украшенными тонкой сканью из красного золота. При каждой колеснице нашли пару уже упомянутых шпоровидных стрекал (таблица XLIII, б), а также неизменно нужные опахала от мух из конского волоса (таблица XLIII, в). На таблице XLIII, а, показаны образцы причудливо украшенных наглазников с конских уздечек.

Можно смело сказать, что эти пышно украшенные колесницы занимали в египетских церемониях то же место, какое в нынешних торжественных шествиях занимает парадная карета.

ГЛАВА V. ВСКРЫТИЕ ТРЕХ ГРОБОВ (СЕЗОН 1925–1926 ГОДОВ)

✦

Прежний опыт научил нас, что лучше всего возобновлять работу в гробнице Тутанхамона, как только спадет сильная жара и работать станет возможно: мы стремились вести ее с должной научной обстоятельностью, с наименьшими перерывами и иметь возможность как можно раньше в туристский сезон открыть гробницу для публики. Наши расчеты вполне оправдались: с 1 января по 15 марта 1926 года гробницу посетили более 12 000 человек, а за то же время я получил 278 просьб о разрешении осмотреть предметы и работу в лаборатории.

Закупив все нужное для предстоящей кампании, я выехал из Лондона 23 сентября и 28-го прибыл в Каир. Как обычно, в Каире немало предстояло сделать, прежде чем можно было отправиться в Луксор. В работе такого рода в Египте задержки следует предвидеть и принимать их терпеливо. Мсье Лако, генеральный директор Службы древностей, был в отъезде в Европе. 1 октября я виделся в музее с мистером Эдгаром, замещавшим мсье Лако, и условился с ним, что электрическое освещение в Долине царей будет готово к работе с 11 октября; заодно я воспользовался случаем обсудить с ним общую программу работ на сезон.

Первой задачей, очевидно, было поднять из саркофага вложенные один в другой гробы, вскрыть и осмотреть их один за другим; второй — исследовать мумию царя с помощью доктора Дугласа Дерри, профессора анатомии медицинской школы в Каср-эль-Айни, и доктора Салех-бея Хамди, прежнего директора той же

школы; и наконец, если позволит время, — обследовать, расчистить и описать содержимое сокровищницы, в которую ведет ход из погребальной камеры. Так как каждый предмет требовал бы закрепления и упаковки для отправки в Каир, этих дел с лихвой хватило бы на весь сезон. Однако последнюю часть программы — сокровищницу — осуществить оказалось невозможно из-за состояния огромного множества вещей, найденных на мумии царя. Даже подъем и вскрытие гробов — а их, как выяснилось, было три — заняли куда больше времени, чем предполагалось.

Условились также, что мистер А. Лукас поедет со мной в Луксор 6 октября и вновь возьмет на себя обязанности химика в работе по сохранению предметов.

Встал вопрос, пожелает ли мсье Лако, находившийся в отпуске в Европе, присутствовать при самом развертывании мумии. Узнав, что он вернется в Египет не раньше ноября, я, чтобы избежать возможной задержки, предложил послать ему телеграмму и узнать дату его возвращения, а если оно отложится — спросить, не возражает ли он, чтобы на осмотре его представлял мистер Эдгар.

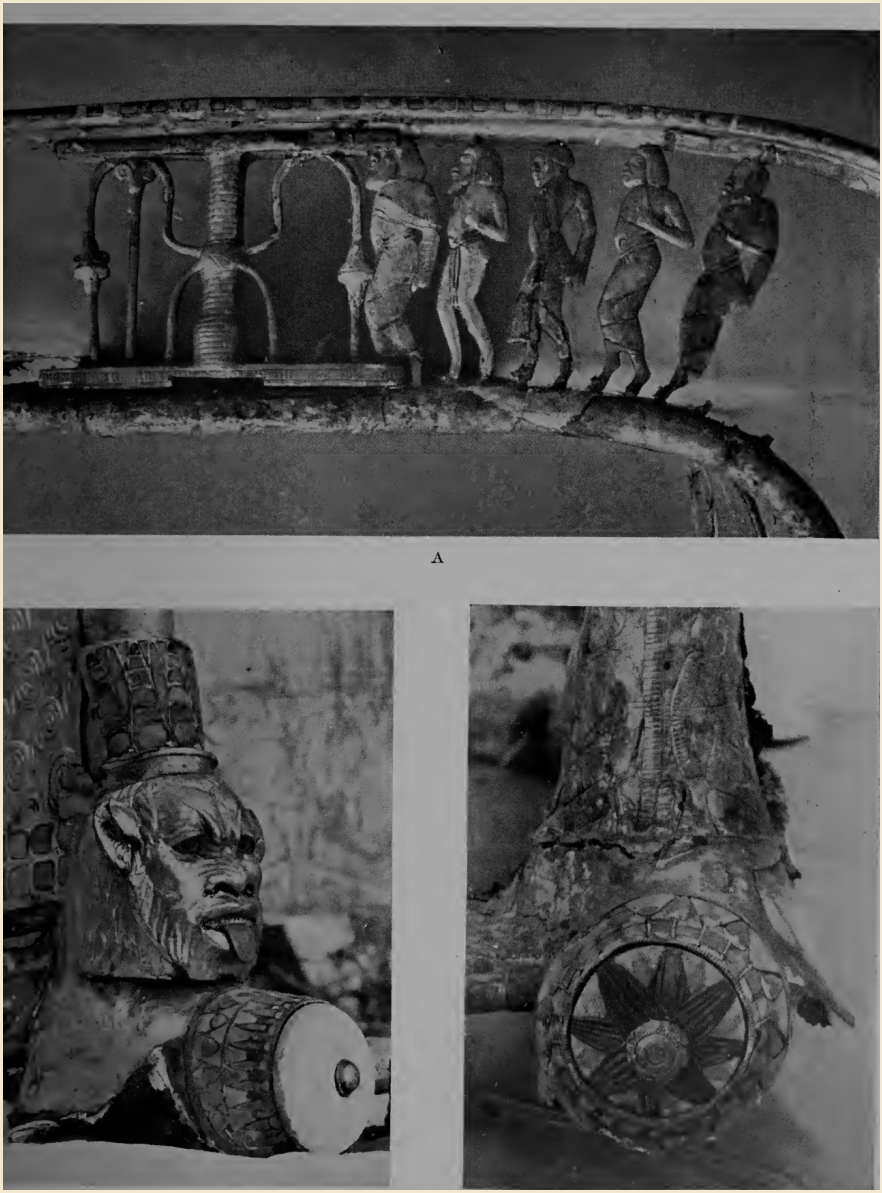

Таблица XXI. Украшения парадных колесниц. (А) Ажурный узор между верхними ободьями колесниц. (В) Голова бога Беса на первой парадной

колеснице. (C) Выпуклая бляха, украшенная камнями, на второй парадной колеснице

Таблица XXII. Венок, цветочные гирлянды и льняная пелена, покрывавшие второй гроб

На следующий день от мсье Лако пришел ответ: он желает присутствовать при осмотре царской мумии и надеется, что задержка не причинит мне неудобств. Чтобы исполнить его желание, я договорился с доктором Дерри и Салех-беем, что они отложат приезд в Луксор до 10 ноября.

В археологической работе почти всегда случается обратное тому, чего ждешь. Как обернулись события, работа с самими гробами заняла все это время целиком, и мы только-только были готовы к осмотру мумии, когда приехали мсье Лако и врачи.

3 октября я вместе с мистером Лукасом осмотрел в Каирском музее вещи Тутанхамона, чтобы изучить их с точки зрения сохранности — задача чрезвычайно интересная и важная в обращении с древностями, особенно хрупкими. Трон, несомненно, потемнел с тех пор, как его выставили в музее, и было решено, что это потемнение можно снять обработкой горячим воском — защитной мерой, которую мы намеревались провести весной. Почти не было сомнений, что предметы, допускавшие обработку парафиновым воском, от нее выиграли и потому сохранились лучше; поэтому было признано, что этот способ надежнее всего на долгий срок и вообще наилучший.

Печать — великая и необходимая сила современной цивилизации, но порой она жаждет новостей больше, чем их есть на самом деле. К тому же в ней чрезвычайно сильно соперничество. Исследования всякого рода многим обязаны разумной огласке, и мы надеялись, что порядок, установленный египетским правительством для сообщения новостей, окажется достаточным; но вскоре после приезда я с некоторым огорчением

узнал, что корреспонденты, и местные, и иностранные, были им не вполне довольны.

Перед отъездом из Каира у меня была приятная беседа с его превосходительством Абд эль-Хамид-пашой Бедави, королевским советником при Министерстве общественных работ, которому я изложил наши планы. Он их полностью одобрил, и на следующий вечер я вместе с мистером Лукасом выехал в Луксор, откуда на другой день, побывав у бея — мамура Луксора — и у Тауфика-эффенди Булоса, главного инспектора Службы древностей по Верхнему Египту, мы переправились в деревню Гурна — в Западные Фивы.

Несмотря на жару, приятно было вернуться в эти знакомые, но неизменно величественные места, еще не пробудившиеся от безмолвия летнего сна. Короткий осмотр вскоре показал нам, что гробница, склад и лаборатория — все в полном порядке. Было отрадно видеть, как хорошо люди исполняли свои обязанности: когда возобновляешь работу после нескольких месяцев перерыва, всегда смутно тревожишься, не случилось ли чего неладного.

Я сразу поручил моим рейсам набрать нужных работников — человек двадцать пять мужчин и семьдесят пять мальчиков — и на следующее же утро приступить к расчистке входа в гробницу.

Начать новый сезон — дело не такое простое, как, быть может, обычно думают. Работы всегда много. Первые несколько дней уходят, как правило, на подготовку — на то, чтобы привести в порядок и испытать разные приборы и снаряжение. Начинать работу в условиях, столь непохожих на европейские, в стране, где многие простые приспособления и удобства достать нелегко, — значит многое заранее устроить и продумать. Задача, особенно в пустыне, состоит главным образом в том, чтобы упростить свои потребности или приспособить то, что есть под рукой. Даже то,

что особо заказано в Англии или где-нибудь еще, при осмотре на месте может оказаться чуть великоватым или маловатым, и его приходится подгонять к нуждам дела, а тех, кто будет им заведовать, — учить с ним обращаться. Так несколько утомительных дней может уйти на приготовления; скрашивают их, однако, широкие улыбки на лицах рейсов, когда они впервые понимают, какую пользу принесет им в предстоящих трудах какое-нибудь новое приспособление.

Расчистка входа в гробницу началась 10 октября в половине седьмого утра. Мужчины и мальчики дружно взялись убирать груду щебня, насыпанную над входной лестницей для защиты в конце работ прошлого сезона. Они трудились как муравьи, и хотя температура в Долине колебалась от 97 до 105° по Фаренгейту, а воздух был сер от пыли, их размах и напор говорили о том, что они взялись за дело с охотой. Смотреть, как они работают, было одно удовольствие.

С помощью добавочных мальчиков, носивших щебень, вход в гробницу расчистили на следующий день; тогда мы смогли подключить нашу электрическую проводку к сети царских гробниц и осмотреть гробницу изнутри.

Сначала мы сняли водонепроницаемую деревянную заслонку перед входным проемом, сложенную из брусьев турецкого дуба, переплетенных мягкими сосновыми досками, которой была закрыта деревянная подъемная дверь у входа в коридор; затем отперли деревянную подъемную дверь коридора; в дальнем конце наклонного коридора мы сняли полотнище, закрывавшее надежно запертую стальную решетку, и снова вошли в переднюю и погребальную камеры.

Привычка никогда не может вполне рассеять ощущение тайны — чувство исчезнувших, но все еще незримо присутствующих сил,

которые неотступно держатся в гробнице. Убеждение в единстве прошлого и настоящего постоянно напоминает о себе искателю археологических приключений, даже когда он поглощен техническими подробностями своей работы. А они весьма разнообразны. Например, отрадно было обнаружить, что, если не считать нескольких крупинок осыпавшейся с потолка штукатурки на черном современном покрове, которым я накрыл саркофаг, пыли в гробнице с тех пор, как ее закрыли в прошлом году, почти не осело.

Любопытно было посмотреть, как подействовали на вторгшихся туда мельчайших насекомых различные средства, которыми я тогда опрыскал гробницу. Правда, кое-где еще остались следы тех похожих на рыбок насекомых, что обычно водятся в темных местах, но в целом средства подействовали хорошо: эти вредители были почти полностью истреблены.

И вот снова наши мощные электрические лампы осветили огромный кварцитовый саркофаг. Под стеклянным щитом, которым я его накрыл, открылся покрытый золотом гроб, который, кажется, тем сильнее волнует душу, чем дольше на него смотришь. С тенями древних богов не может быть легкомысленной короткости.

Когда осмотр был окончен и все оказалось в удовлетворительном состоянии, гробницу снова закрыли. Затем мы отправились в лабораторию, вход в которую на летние месяцы был защищен тяжелым деревянным щитом. Здесь не было ни пыли, ни насекомых, и, как и в складе, все было в порядке.

Так начался наш сезон. Долина, которую последние два дня будили от летнего сна громкие голоса рабочих и звонкие крики мальчиков, вновь погрузилась в покой, и тишина будет владеть ею, пока зимние приезжие и их провожатые не нарушат ее

золотое безмолвие. Передняя камера, освобожденная от своей прекрасной утвари, погребальная камера, лишенная золотых ковчегов, оставили посреди лишь открытый теперь каменный саркофаг, и только гробы в нем еще хранили свою тайну.

Теперь нам предстояло поднять крышку первого (внешнего) гроба, стоявшего в саркофаге.

Этот большой деревянный позолоченный гроб (таблица LXVI) длиной 7 футов 4 дюйма, человекообразный по форме, в головном уборе *хат*, с лицом и руками из более толстого листового золота, относится к типу *риши* — так называют гробы, главное украшение которых составляет узор из перьев; эта мода была обычна для гробов предшествующего Промежуточного периода и фиванской поры XVII династии. В Новом царстве у погребений высших сановников и простых людей способ украшения гробов в начале XVIII династии полностью меняется; но у царского гроба, как мы теперь видим, старая мода еще сохранялась лишь с очень небольшими изменениями, вроде добавления фигур некоторых богинь-покровительниц. Это прямо противоположно обычному порядку вещей: мода, как правило, меняется быстрее в высших слоях общества, чем в низших. Не кроется ли за этим какая-то религиозная мысль, связанная с царем? Возможно, за этим стоит предание. Некогда богиня Исида защитила мертвое тело Осириса, приняв его под свои крылья; так и теперь она защищает этого нового Осириса, представленного изваянием на гробу.

Внимательно изучив гроб, мы решили, что подлинные серебряные ручки — по две с каждой стороны, — явно сделанные для этой цели, сохранились достаточно хорошо, чтобы выдержать вес крышки, и ими можно без опасности воспользоваться при ее подъеме. Крышка крепилась к корпусу гроба десятью массивными серебряными шипами, входившими в соответствующие гнезда в

толще стенок корпуса (по четыре с каждой стороны, один у изголовья и один в ногах), где их удерживали прочные серебряные штифты с золотыми головками. Можно ли извлечь серебряные штифты, которыми крышка крепилась к корпусу, не сдвигая гроба в саркофаге? Гроб занимал почти все внутреннее пространство саркофага, оставляя лишь самый малый зазор, особенно у изголовья и в ногах, и вытащить штифты было отнюдь не просто. Однако осторожными действиями их удалось извлечь — все, кроме штифта у изголовья, где места хватало лишь на то, чтобы вытянуть его наполовину. Поэтому его пришлось перепилить, прежде чем можно было вынуть внутреннюю половину.

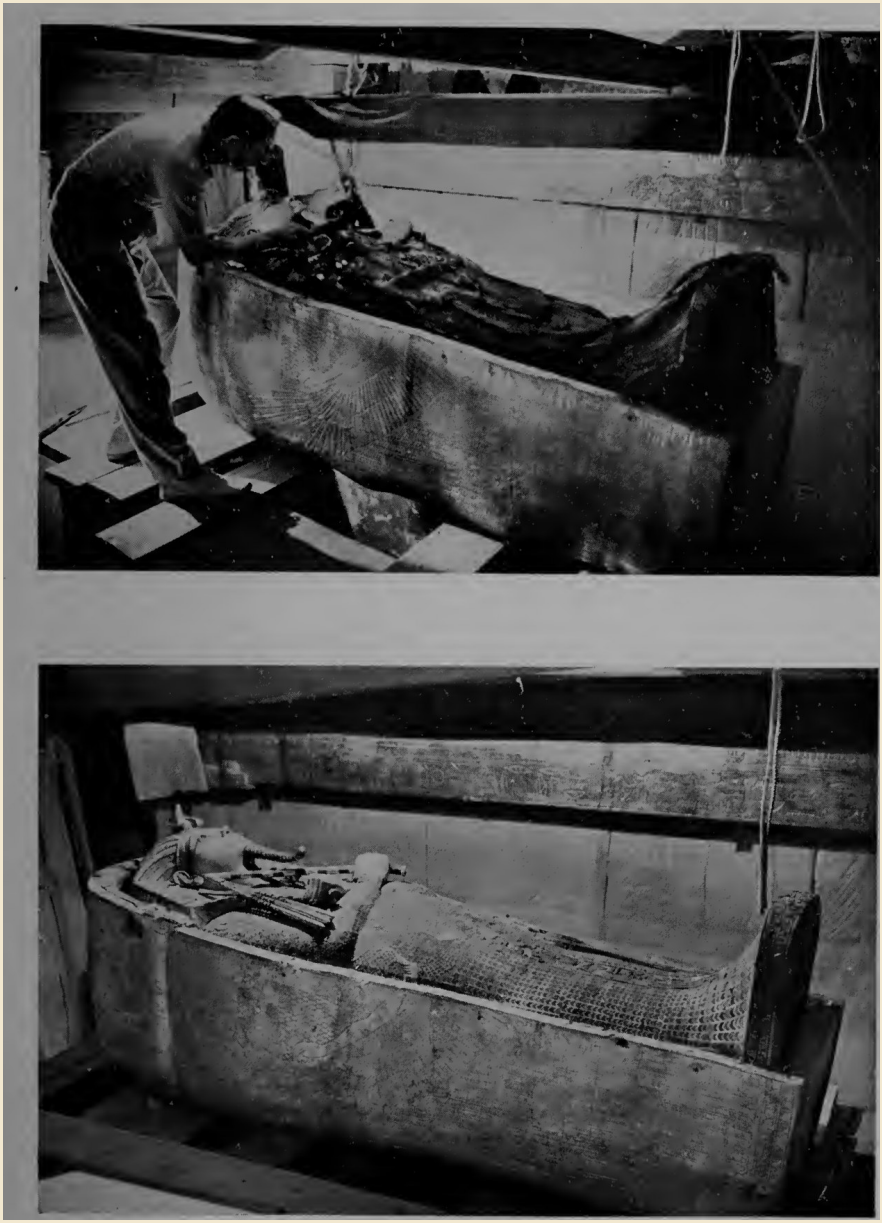

Таблица XXIII. (a) Скатывают льняную пелену, покрывавшую второй гроб. (b) Второй гроб, каким он лежал в корпусе первого (внешнего) гроба

Таблица XXIV. Третий (самый внутренний) гроб из золота. Покрыт льняной пеленой и цветочным оплечьем — каким он лежал в корпусе второго гроба

Следующим шагом было установить подъемные снасти, нужные, чтобы поднять крышку. Снасти состояли из двух комплектов трехшкивных блоков с автоматическими тормозами, укрепленных на подмостях над саркофагом; блоки подвесили так, чтобы они приходились прямо над серединой крышки, против каждой пары ручек. Снасти прикрепили стропами к ручкам крышки гроба, и так обеспечивалось правильное распределение ее веса по центру; иначе возникла бы опасность, что крышка, едва освободившись и повиснув, ударится о стенки саркофага.

Это была минута столь же тревожная, сколь волнующая. Крышка поднялась довольно легко, и под ней открылся второй великолепный человекообразный гроб, покрытый тонкой, как паутинка, льняной пеленой, потемневшей и сильно истлевшей. На этой льняной пелене лежали цветочные гирлянды из листьев оливы и ивы, лепестков голубого лотоса и васильков, а небольшой венок того же рода был положен, тоже поверх пелены, на знаки на лбу (таблица XXII). Под этим покровом местами можно

было разглядеть богатое многоцветное стеклянное убранство, вделанное в тонкую золотую работу гроба.

Минувшим летом мы потратили некоторое время на то, чтобы продумать способы, которыми будем действовать в этом деле, и запастись нужными приспособлениями; благодаря этому работа была закончена за одно утро, тогда как иначе она заняла бы по меньшей мере несколько дней. Гробницу закрыли, оставив все нетронутым до того, как мистер Гарри Бертон сделает свои фотографические снимки.

До сих пор дело шло довольно успешно, но теперь мы заметили одно довольно тревожное обстоятельство. Второй гроб, который, насколько можно было видеть сквозь льняной покров, был, по всем признакам, удивительным произведением мастерства, носил явные следы действия какой-то сырости, и кое-где его прекрасная инкрустация норовила отпасть. Признаюсь, это меня смутило, ибо наводило на мысль, что когда-то внутри вложенных друг в друга гробов была какая-то влага. Если бы это подтвердилось, мумия царя оказалась бы сохранной хуже, чем мы надеялись.

15 октября приехал мистер Бертон и 17-го рано утром успешно закончил фотографические снимки пелены и цветочных гирлянд, покрывавших второй гроб, как он лежал в корпусе первого, в саркофаге.

Когда снимки были сделаны, нам предстояло решить, как лучше поступить со вторым гробом, а также с корпусом первого. Наши трудности явно увеличивала глубина саркофага, и было ясно, что внешний корпус и второй гроб, ни один из которых не выдержал бы долгого обращения, придется поднимать вместе. В конце концов это удалось сделать, как и прежде, с помощью блоков, прикрепив снасти стальными стержнями, пропущенными

сквозь гнезда шипов первого, внешнего, корпуса. Так поднимать можно было, почти не касаясь гробов руками.

Несмотря на огромный вес гробов — куда больший, чем казалось возможным вначале, — их удалось поднять чуть выше верхнего края саркофага, и тогда под них подвели деревянные доски. В тесноте и при малой высоте над головой задача оказалась немалой трудности. Ее сильно осложняла необходимость не повредить хрупкую позолоченную поверхность по левкасу на самом внешнем гробу.

Сделав новые снимки, я смог снять венок и гирлянды и откатить покрывавшую гроб пелену (таблица XXIII, a). Это была еще одна волнующая минута. Теперь мы могли с восхищением смотреть на прекраснейший образец искусства древнего мастера гробов, какой когда-либо был виден, — снова в облике Осириса, но необычайно тонкий по замыслу и очень красивый по очертаниям. Лежа теперь во внешнем корпусе, который покоился на наспех сооруженных современных козлах, он являл чудесную картину: Величество, покоящееся на парадном ложе (таблица XXIII, b).

Венок и гирлянды, положенные на пелену в память о «венках, данных Осирису при его торжествующем выходе из судилища Гелиополя», что, как замечает доктор Гардинер, напоминает нам о «венце правды» (2 Тим. 4:8), служили лишь подтверждением описания древнеегипетских венков у Плиния. Если признать, с какой тщательностью и точностью они сделаны, есть веские основания полагать, что это занятие у древних египтян, как и в более поздние времена, было особым ремеслом.

Этот второй гроб длиной 6 футов 8 дюймов, роскошно инкрустированный по толстой золотой фольге резным и гравированным непрозрачным стеклом, подражающим

соответственно красной яшме, ляпис-лазури и бирюзе, сходен по форме и рисунку с первым (таблицы LXVIII, LXIX). Он изображает Осириса, украшен в стиле *риши*, но отличается некоторыми подробностями. Здесь царь носит головной убор *немес*, а вместо охранительных фигур Исиды и Нефтиды тело обнимают крылья коршуна Нехбет и змеи Буто. Поражает тонкость и высота замысла, сразу ставящие этот гроб в ряд шедевров.

Теперь перед нами встала сложная задача, похожая на ту, которую нам пришлось решать два сезона назад, когда разбирали покрывавшие саркофаг ковчеги. Снова случилось непредвиденное. Выводам, сделанным из прежних свидетельств или примеров, доверять нельзя. По какой-то неизвестной причине слишком часто выходит обратное. Увидев, что у внешнего гроба были ручки, чтобы его опускать или поднимать, мы ожидали найти такие же металлические ручки и на втором гробу. Их не оказалось, и это поставило нас в затруднительное положение. Второй гроб оказался чрезвычайно тяжелым, его украшенная поверхность — очень хрупкой; он так плотно входил во внешний корпус, что между ними нельзя было просунуть и мизинца. Крышка его крепилась, как и у внешнего гроба, серебряными штифтами с золотыми головками, которые, пока гроб лежал во внешнем корпусе, извлечь было нельзя. Было ясно, что прежде чем что-либо делать дальше, его придется целиком поднять из внешнего корпуса. Таким образом, нам надо было найти способ сделать это с наименьшей опасностью для его тонкой инкрустации, уже пострадавшей от какой-то влаги, происхождение которой тогда было неизвестно.

Быть может, под гнетом таких работ слишком остро сознаешь опасность непоправимо повредить редкую и прекрасную вещь, которую хочешь сохранить в целости. Многое в первые дни

египетских археологических исследований, несомненно, было потеряно для нас из-за слишком поспешного или небрежного обращения, а еще больше — из-за того, что в нужную минуту не оказывалось нужных приспособлений; но от неудачи, даже приняв все мыслимые предосторожности, не застрахован никто. Все как будто идет хорошо, и вдруг, в самый решающий миг, слышишь треск — падают кусочки поверхностного украшения. Нервы напряжены почти до боли. Что происходит? Все свободное место в узком пространстве занято твоими людьми. Что сделать, чтобы предотвратить беду? Есть и другая опасность. Когда поднимают крышку, волнение при виде нового прекрасного предмета может отвлечь внимание рабочих; на миг они забывают о своем деле, и вследствие этого может быть причинен непоправимый вред.

Таковы часто тревожные впечатления, которые первыми всплывают в памяти археолога, когда друзья спрашивают его, что он чувствовал в эти волнующие минуты. Лишь тем, кому приходилось обращаться с тяжелыми и в то же время хрупкими древностями в столь же трудных обстоятельствах, понятно, каким изнурительным и тягостным для нервов может стать это напряжение и эта ответственность. Кроме того, в нашем случае мы не могли быть уверены, что дерево гроба сохранилось настолько хорошо, чтобы выдержать собственный вес. Однако после долгих совещаний, обдумывая задачу почти два дня, мы придумали способ. Чтобы вынуть второй гроб из корпуса первого, нужны были какие-то точки крепления. Ручек, как читатель помнит, не было, и потому мы сочли за лучшее воспользоваться металлическими штифтами, которыми была закреплена крышка.

Осмотр показал, однако, что, хотя зазор между корпусом внешнего гроба и вторым гробом был недостаточен, чтобы извлечь эти штифты целиком, их все же можно было вытянуть

примерно на четверть дюйма — так, чтобы прикрепить к ним крепления из толстой медной проволоки, протянутые к подмостям наверху. Это нам удалось. Затем в толщу верхнего края корпуса внешнего гроба ввинтили прочные металлические кольца, чтобы его можно было опустить, отделив от второго гроба, с помощью веревок, ходивших по блокам.

На следующий день, после этих приготовлений, мы смогли перейти к следующему этапу. Он оказался одной из самых важных минут во всей разборке гробницы. Принятый способ был обратным тому, что на первый взгляд кажется естественным порядком вещей. Мы опустили внешний корпус, отделив его от второго гроба, вместо того чтобы поднимать второй гроб из первого. Причина была в том, что высоты над головой не хватало, а когда груз неподвижен, меньше опасность излишне нагрузить эти древние серебряные штифты. Работа удалась. Корпус внешнего гроба снова опустили в саркофаг, и второй гроб на мгновение остался висеть в воздухе на десяти толстых проволочных креплениях. Затем под него подвели деревянный поддон, достаточно большой, чтобы перекрыть отверстие саркофага, и так второй гроб, надежно поддерживаемый, предстал перед нами свободным и доступным (таблица LXVIII). Проволочные крепления перерезали, верхние снасти убрали, мистер Бертон сделал свои снимки, и мы смогли направить силы на подъем его крышки.

Вся инкрустированная поверхность, как уже сказано, была и в самом деле в очень хрупком состоянии, и прикасаться к ней следовало, по возможности, как можно меньше. Поэтому, чтобы поднять крышку, не повредив ее, в нее в четырех местах, где не было опасности навсегда ее обезобразить, ввинтили металлические кольца, служившие ручками. К этим кольцам

прикрепили наши подъемные снасти, извлекли серебряные гвозди с золотыми головками, и крышку медленно подняли.

Сначала крышка немного прилипала, но постепенно поднялась со своего ложа и, когда оказалась достаточно высоко, чтобы не задеть содержимого гроба, ее опустили на деревянный поддон, поставленный сбоку, чтобы ее принять.

Под ней открылся третий гроб, подобно предшествующим, в облике Осириса, но главные подробности работы были скрыты плотно облегавшей его красноватой льняной пеленой (таблица XXIV). Полированное золотое лицо было открыто; на шею и грудь было положено затейливое оплечье из бус и цветов, нашитое на папирусную основу, а прямо над головным убором *немес* был подоткнут льняной плат (таблица XXXVI).

Мистер Бертон сразу сделал свои фотографические снимки. Затем я снял цветочное оплечье и льняные покровы. Открылось поразительное обстоятельство. Этот третий гроб длиной 6 футов 1¾ дюйма был сделан из массивного золота! Тайна огромного веса, до тех пор озадачивавшая нас, разъяснилась. Стало понятно и то, почему вес так мало уменьшился, после того как сняли первый гроб и крышку второго. Он все еще был таков, что его едва могли поднять восемь сильных мужчин.

Лицо этого золотого гроба (таблицы LXX, LXXI) было снова лицом царя, но черты его, хотя и условные, поскольку изображали Осириса, были еще моложе, чем на других гробах. По рисунку он возвращался к внешнему гробу, поскольку был выполнен в стиле *риши* и нес на себе гравированные фигуры Исиды и Нефтиды (таблица LXXII), но к этому рисунку добавлены крылатые фигуры Нехбет и Буто (таблица LXXI). Эти последние охранительные фигуры, символы Верхнего и Нижнего Египта, были главным в убранстве, потому что они наложены великолепной массивной

перегородчатой работой поверх богатого гравированного орнамента гроба, а их инкрустация — из натуральных полудрагоценных камней. Вдобавок к этому украшению поверх обычного оплечья «Сокола» — также выполненного накладной перегородчатой работой — лежало двойное съемное ожерелье из крупных дисковидных бусин красного и желтого золота и синего фаянса, еще усиливавшее богатство всего облика. Но мельчайшие подробности орнамента были скрыты черным блестящим слоем от жидких умащений, которые, очевидно, обильно вылили на гроб. В результате этот не имеющий себе равных памятник был не только обезображен — как потом выяснилось, лишь на время, — но и накрепко прилип ко внутренности второго гроба: затвердевшая жидкость заполнила пространство между вторым и третьим гробами почти до уровня крышки третьего.

Эти освятительные умащения, которые, очевидно, были употреблены в большом количестве, несомненно, и стали причиной разрушения, замеченного при работе с внешними гробами: ведь те, находясь в практически герметически закрытом кварцитовом саркофаге, не могли подвергнуться внешним воздействиям. Как еще одно следствие можно упомянуть, что пострадали покрывавшая гроб пелена и цветочное оплечье вперемежку с бусинами синего фаянса; хотя вначале они казались в хорошем состоянии, на деле они оказались так ломки, что ткань рассыпалась в тот самый миг, когда к ней прикасались.

Мы подняли третий гроб, лежавший в корпусе второго, который стоял теперь на верхнем краю саркофага, и перенесли их в переднюю камеру, где они были доступнее и для осмотра, и для работы. Тогда-то нам в полной мере открылись чудо и значение нашей последней находки. Этот единственный в своем роде и удивительный памятник — гроб длиной больше 6 футов,

тончайшего искусства, выкованный из массивного золота толщиной от 2½ до 3½ миллиметров, — представлял собой огромную массу чистого золота.

Как же велики должны были быть богатства, погребенные с этими древними фараонами! Какие сокровища должна была некогда скрывать эта долина! Из двадцати семи погребенных там царей Тутанхамон был, вероятно, наименее значительным. Как же велик должен был быть соблазн для дерзких грабителей гробниц того времени! Какое побуждение может быть сильнее этих огромных золотых сокровищ! Ограбление царских гробниц, засвидетельствованное в царствование Рамсеса IX, становится вполне понятным, если мерить побуждение к этим преступлениям золотым гробом Тутанхамона. Для каменотесов, ремесленников, водоносов и крестьян — вообще для тогдашних трудовых людей, вроде тех, кто был замешан в ограблениях гробниц, — он должен был представлять сказочное богатство. Эти ограбления происходили в царствование поздних Рамессидов (1200–1000 гг. до н. э.) и записаны в судебных документах, известных теперь как папирусы Эббота, Амхерста, Туринский и Майера, найденных в Фивах в начале прошлого века. Вероятно, воры, совершившие на гробницу Тутанхамона набег, оставшийся почти безрезультатным, знали о массе золота, покрывавшей останки юного фараона под охранявшими его ковчегами, саркофагом и вложенными друг в друга гробами.

Первой нашей заботой теперь было уберечь от повреждения и, насколько это было возможно на первое время, сохранить тонкую инкрустацию на корпусе второго гроба. Способ, который мы применили, был нам известен как надежный. Поэтому корпус слегка обмахнули кистью, чтобы удалить рыхлую пыль, обтерли губкой с теплой водой и нашатырным спиртом, а когда он высох,

всю поверхность покрыли толстым слоем парафинового воска, нанося его горячим длинной кистью. Остывая и затвердевая, воск надежно удерживал инкрустацию на месте, так что гроб можно было брать в руки без опасения. Большое преимущество этого способа в том, что восковой слой можно в любое время удалить нагреванием, если понадобится дальнейшая реставрация, а простое повторное нагревание воска к тому же очищает поверхность.

Следующая задача, требовавшая некоторой опытной работы, состояла в том, чтобы найти самый удовлетворительный и вместе с тем самый быстрый способ справиться с этими древними затвердевшими освятительными умащениями, которые не только покрывали тело гроба, но и целиком заполняли пространство между двумя гробами, накрепко склеивая их и на время препятствуя дальнейшему исследованию. Мистер Лукас сделал предварительный анализ этого вещества. На вид оно было черным и походило на смолу-вар; там, где слой был тонок, как на крышке гроба, вещество было твердым и хрупким, но там, где скопился более толстый слой, как под гробами и между ними, внутри оно было мягким и пластичным. Запах его в теплом виде был резким, несколько ароматным, не неприятным и напоминал древесную смолу. Полный химический анализ тогда, разумеется, был невозможен, но предварительное исследование показало, что вещество содержит жировые вещества и смолу. Минеральной смолы, или битума, в нем не было, и даже присутствие древесного дегтя, на который наводил запах, тогда доказать не удалось. По тому, как это вещество стекло по бокам третьего гроба и скопилось под ним, почти не приходится сомневаться, что его употребили в жидком или полужидком состоянии.

Из природы вещества следует, что его можно расплавить нагреванием и растворить некоторыми растворителями, но ни тот ни другой способ в тогдашних обстоятельствах не был осуществим. Поэтому мы решили поднять крышку и осмотреть содержимое, прежде чем делать что-либо дальше и прибегать к решительным мерам. К счастью, линия стыка между крышкой и гробом была видна и, хотя с трудом, доступна, кроме самого изножья, где второй и третий гробы почти соприкасались.

Таблица XXV. Мумия царя, какой она открылась впервые

A

Таблица XXVI. (A) Скарабей из черной смолы с внешнего убора мумии царя. (B) Птица ба с внешнего убора мумии царя. (C) Скарабей из черной смолы из-под пелен мумии царя

Крышка крепилась к корпусу восемью золотыми шипами (по четыре с каждой стороны), которые удерживались в соответствующих гнездах гвоздями. Значит, если извлечь гвозди, крышку можно будет поднять. В узком пространстве между двумя гробами обычные инструменты для извлечения металлических штифтов были бесполезны, и пришлось придумать другие. Длинными отвертками, переделанными применительно к условиям, гвозди, или штифты, из массивного золота, которыми, к сожалению, пришлось пожертвовать, были вынуты по кусочкам. Крышку подняли за ее золотые ручки, и открылась мумия царя.

В такие минуты чувства, сложные и волнующие, не поддаются выражению словами. Три тысячи лет и более прошло с тех пор, как глаза людей смотрели в этот золотой гроб. Время, измеряемое краткостью человеческой жизни, словно теряло свою привычную перспективу перед зрелищем, так живо напоминавшим торжественные религиозные обряды исчезнувшей цивилизации. Но бесполезно задерживаться на этих чувствах, основанных на благоговении и человеческом сострадании. Чувства не входят в археологическое исследование. Здесь наконец лежало все, что осталось от юного фараона, до сих пор бывшего для нас немногим больше, чем тенью имени.

Перед нами, занимая все внутреннее пространство золотого гроба, лежала внушительная, аккуратная и тщательно сделанная мумия (таблица XXV), на которую, как и на наружную сторону ее гроба, были вылиты умащения — снова в большом количестве, — затвердевшие и почерневшие от времени. В противоположность

общему темному и мрачному виду, который придавали ей эти умащения, сияла блестящая, можно сказать великолепная, маска из полированного золота (таблица LXXIII и фронтиспис), или подобие царя, покрывавшая его голову и плечи, которых, как и ног, при умащении намеренно избегали. Мумия была оформлена в облике Осириса. Маска из кованого золота, прекрасный и единственный в своем роде образец древнего портрета, хранит печальное, но спокойное выражение, говорящее о юности, до срока застигнутой смертью. На ее лбу, выкованные из массивного золота, были царские знаки — коршун Нехбет и змея Буто, — символы Двух царств, над которыми он царствовал. К подбородку была прикреплена обычная бородка Осириса из золота и стекла цвета ляпис-лазури; вокруг шеи было тройное ожерелье из дисковидных бусин желтого и красного золота и синего фаянса; на гибких золотых инкрустированных ремешках с шеи свисал большой скарабей из черной смолы (таблица XXVI, A), лежавший между руками и несший ритуальный текст о *Бенну*. Кисти рук из полированного золота, скрещенные на груди, отдельные от маски, были пришиты к ткани льняных пелен и сжимали плеть и посох — эмблемы Осириса. Прямо под ними был простой внешний льняной покров, украшенный богато инкрустированным золотым убором, свисавшим от большой, похожей на нагрудное украшение фигуры птицы *ба*, или души (таблица XXVI, B), перегородчатой работы из золота; ее широко раскинутые крылья простирались над телом. Так как этот великолепный убор был залит освятительными умащениями, его подробности и блеск были едва видны, и именно этому надо приписать гибельную порчу, которая, как мы обнаружили, постигла многие предметы.

Но сквозь эту преграду можно было смутно разглядеть, что этот убор, сделанный из тяжелых золотых пластин, соединенных

нитями бус (таблица XXVII, A), нес приветственные речи богов. Так, на продольных лентах посередине богиня неба Нут, Божественная Мать, говорит: «Я исчисляю красоты твои, о Осирис, царь Небхепрура; душа твоя жива, жилы твои крепки. Ты вдыхаешь воздух и выходишь как бог, выходишь как Атум, о Осирис Тутанхамон. Ты выходишь и входишь с Ра…» Бог земли, князь богов Геб говорит: «Сын мой возлюбленный, наследник престола Осириса, царь Небхепрура; благородство твое совершенно, царский дворец твой могуч; имя твое в устах *рехит*, прочность твоя в устах живых, о Осирис, царь Тутанхамон. Сердце твое в теле твоем вечно. Он пред духами живых, подобно Ра покоится он на небе». А тексты на поперечных лентах начинаются словами вроде «Почтенный перед Анубисом, Хапи, Кебехсенуфом, Дуамутефом» и «Оправданный перед Осирисом».

Вдоль боков мумии, от плеч до ног, сопровождая эти ленты, шли гирлянды еще более нарядных ремней, прикрепленных к поперечным лентам и составленных из тонко сделанных маленьких инкрустированных золотых пластинок, также соединенных нитями бус (таблица XXVII, B). Узоры на этих боковых ремнях были геометрические, со знаками *джед* и *тет*, солнечными уреями и картушами царя. Когда их очистили, оказалось, что они отчасти составлены из остатков погребения Сменхкары: на обороте некоторых перегородчатых пластинок были тексты из «Главы о сердце», в которые были вставлены имена Сменхкары, и в большинстве случаев они впоследствии были намеренно стерты.

Когда этот убор очистили, стало ясно, что ювелир сделал главную его часть (тексты и гирлянды) по мерке, что готовая мумия оказалась больше, чем первоначально ожидали, и что одни куски отрезали, а другие добавили, чтобы убор пришелся впору.

Хотя атрибуты на этой мумии принадлежат богам, подобие (таблица LXXIII и фронтиспис) — несомненно, Тутанхамона: миловидное и спокойное лицо с чертами, узнаваемыми на всех его статуях и гробах. С некоторых сторон лицо это напоминает его тестя Эхнатона, с других, особенно в профиль, — пожалуй, еще больше великую царицу Тии, мать Эхнатона; иначе говоря, когда эти черты смотрели на вас, в них проступал едва уловимый отблеск родства с обоими предшественниками.

Эти жидкие умащения, употребленные так щедро, видимо, были нанесены как часть погребального обряда для освящения умершего царя перед его вступлением в присутствие великого бога Осириса, владыки подземного мира. Особенно бросалось в глаза, что и на третьем гробу, и на самой мумии царя голову и ноги тщательно обошли, хотя немного той же жидкости было вылито на ноги (только на них) первого, внешнего, гроба (см. ниже). Размышляя о смысле этого последнего обряда и его назначении, невольно обращаешься мыслью к той трогательной сцене «в доме прокаженного», когда «пришла женщина с алавастровым сосудом мира из нарда чистого, драгоценного», и к словам Христа: «предварила помазать тело Мое к погребению» (Мк. 14:8).

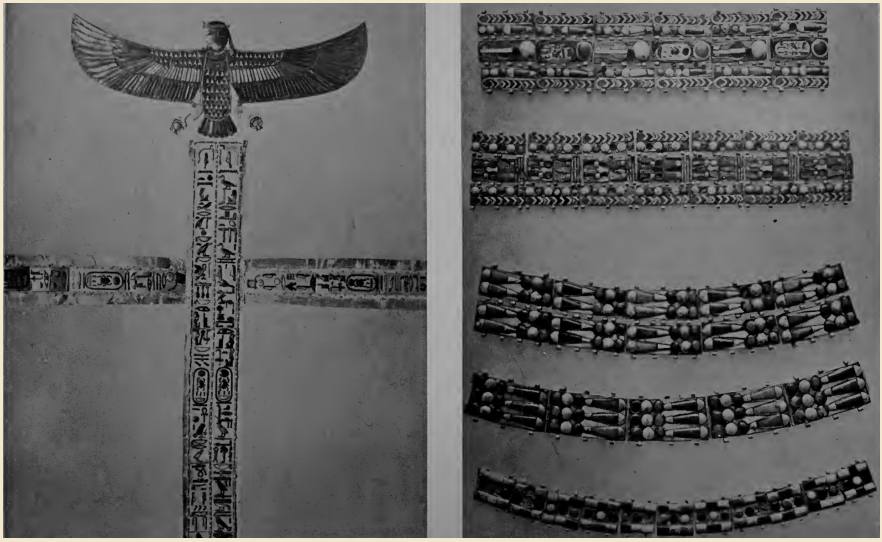

Таблица XXVII. Подробности внешнего убора мумии царя. (A) Продольные и поперечные ленты, свисающие от птицы ба. (B) Боковые ремни и гирлянды между поперечными лентами

Таблица XXVIII. Осмотр царской мумии. Комиссия в сборе: доктор Дерри делает первый надрез пелен

Когда мистер Бертон сделал подробные фотографические снимки, мы получили возможность ближе изучить истинное положение дел и сохранность мумии. Большая часть плети и посоха совершенно истлела и уже рассыпалась в прах; нити, некогда удерживавшие кисти рук и убор на внешнем льняном покрове, сгнили, и поэтому отдельные части распадались от малейшего прикосновения; скарабей из черной смолы был покрыт мельчайшими трещинами, вероятно от усадки; поэтому этот внешний убор и украшения пришлось снимать по частям и раскладывать в соответствующем порядке и положении на поддоне для будущей очистки и сборки. Чем дальше мы продвигались, тем очевиднее становилось, что и покрывавшие мумию пелены, и сама мумия в плачевном состоянии. Они полностью обуглились от действия жирных кислот умащений, которыми были пропитаны.

Но, увы! И маска, и мумия накрепко прилипли ко дну гроба из-за затвердевшего осадка умащений, и никакой допустимой силой их нельзя было сдвинуть. Что было делать?

Так как было известно, что это клейкое вещество размягчается от тепла, мы надеялись, что, если выставить гроб под полуденное солнце, оно расплавится настолько, чтобы мумию можно было поднять. Поэтому сделали пробу: несколько часов держали гроб на солнце при температуре, доходившей до 149° по Фаренгейту (65° С), но без всякого успеха, и, поскольку другие способы были неосуществимы, стало ясно, что весь дальнейший осмотр останков царя нам придется вести, пока они лежат в двух гробах.

По правде говоря, уже после научного исследования мумии царя на месте и окончательного извлечения ее из золотого гроба пришлось решать очень трудный вопрос — как снять золотую маску и высвободить золотой гроб из корпуса второго гроба.

Первоначально на золотой гроб вылили около двух ведер жидких умащений и примерно столько же на тело внутри. Так как тепло было единственным практическим средством расплавить это вещество и сделать его податливым, то, чтобы дать достаточно высокую для этого температуру, не повредив этих чудесных образцов древнеегипетских искусств и ремесел, внутренность золотого гроба пришлось целиком выложить толстыми цинковыми листами, которые не плавятся при температуре до 968° по Фаренгейту (520° С). Затем гробы перевернули на козлах, а наружный защитили от чрезмерного жара и огня несколькими одеялами, пропитанными водой и постоянно смачиваемыми. Дальше мы поставили под углубление золотого гроба несколько керосиновых ламп «Примус», горевших в полную силу. Жар от ламп приходилось регулировать так, чтобы температура держалась заметно ниже точки плавления цинка. Здесь следует заметить, что слой воска на поверхности второго гроба служил пирометром: пока он оставался нерасплавленным под мокрыми одеялами, явно не было опасности повреждения. Хотя температура доходила примерно до 932° по Фаренгейту (500° С), прошло несколько часов, прежде чем стало заметно хоть какое-то действие. Как только появились признаки движения, лампы погасили, а гробы оставили висеть на козлах, и через час они начали расходиться. Движение вначале было почти незаметным из-за вязкости вещества, но нам удалось разъединить их, подняв деревянный корпус второго гроба, так что корпус золотого гроба остался лежать на козлах. Его едва

можно было узнать: все, что мы видели, была стекающая масса вязкого, похожего на вар вещества, которое оказалось очень трудно удалить даже большим количеством разных растворителей, главным из которых был ацетон.

Так же как снаружи золотой гроб был покрыт вязкой массой, была покрыта и его внутренность, к которой все еще пристала золотая маска. Маску тоже защитили, обвязав ее сложенным мокрым одеялом, которое постоянно смачивали водой, а лицо обложили мокрой ватой. Так как она неизбежно подверглась полному действию жара, скопившегося внутри гроба, ее высвободили и сняли сравнительно легко, хотя к ее оборотной стороне, как и к гробу, пристала большая масса вязких умащений, которую в конце концов пришлось удалять с помощью паяльной лампы и очищающих растворителей.

Теперь, следуя естественному порядку нашей работы, мы должны вернуться к первому гробу, который еще предстояло поднять из саркофага. Это удалось сделать, как и в прежних случаях, с помощью наших подъемных снастей, прикрепленных к подмостям наверху. Когда его подняли достаточно высоко, чтобы он прошел над верхним краем саркофага, под него подвели деревянный поддон и так перенесли его в лабораторию, где уже обрабатывалась его крышка. Он оказался очень тяжелым и, подобно ковчегам, был сделан, вероятно, из дуба. К несчастью, он пострадал от влаги, испарявшейся из жидких умащений, отчего позолоченная по левкасу поверхность вздулась и покоробилась настолько, что во многих местах это наложенное украшение отстало от деревянной основы. К счастью, это повреждение не обязательно останется навсегда. Если терпеливо заполнять щели горячим парафиновым воском, со временем, при терпении и

осторожности, его можно исправить, и украшенные поверхности снова станут целыми и прочными.

Единственным предметом, оставшимся в саркофаге, был позолоченный погребальный одр в виде ложа с львиными головами и лапами. Он стоял на дне и служил опорой первому (внешнему) гробу. Он был сделан из прочного и тяжелого дерева, покрытого позолоченным левкасом; но удивительно то, что, выдержав вес этих трех огромных гробов — больше тонны с четвертью — в течение более тридцати веков, он остался цел. Под него подвели полосы широкой тесьмы, и этот великолепный образец древнеегипетского столярного дела был поднят из саркофага. Высота его около 12 дюймов, длина 7 футов 6 дюймов, и он изогнут так, чтобы принимать основание внешнего гроба и приходиться по нему. Средняя панель выполнена низким рельефом, изображающим веревочную сетку, — вроде сетки из бечевки на нынешних суданских *ангаребах* (кроватях). Соединения рамы почти не разошлись, что свидетельствует о хорошем качестве дерева и о чрезвычайном мастерстве столяров.

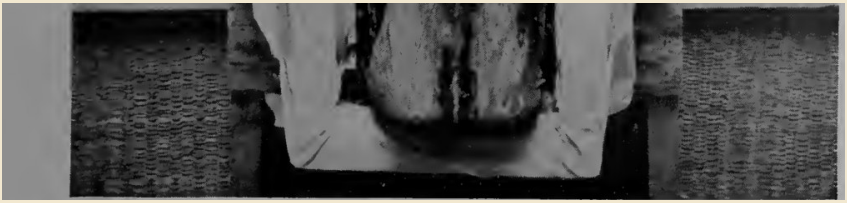

Таблица XXIX. Царская мумия в своем гробу. Внешний убор снят

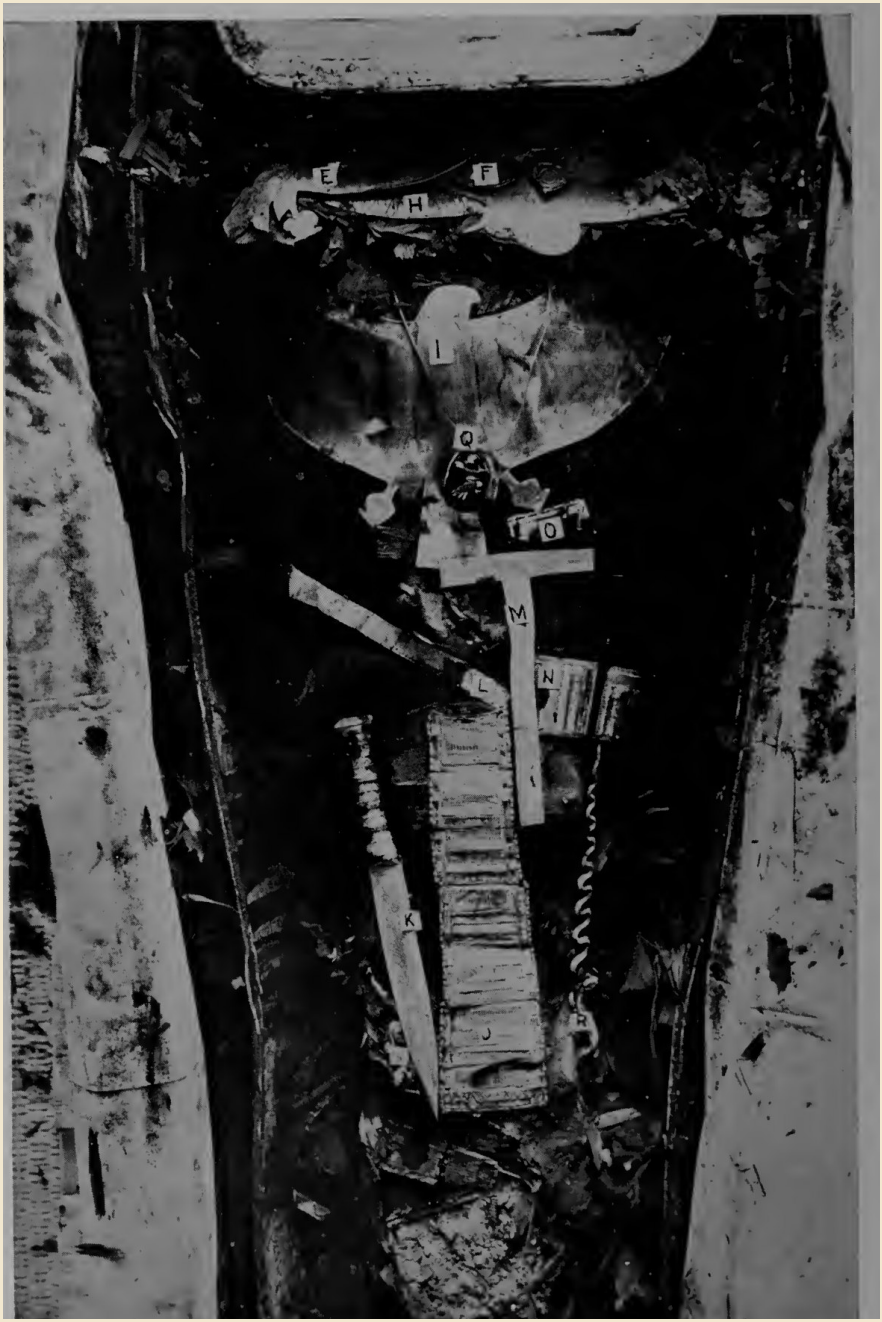

E
F
H
I
Q
O
M
N
L
K
J

Таблица XXX. Снимок предметов, найденных в пеленах. Это один из большой серии фотографических снимков, сделанных с предметов на месте по ходу осмотра мумии

На дне саркофага под этим одром лежало несколько деревянных щепок со следами позолоченного по левкасу орнамента. Вначале они озадачили нас, но при дальнейшем осмотре их присутствие объяснилось. Узор на позолоченной поверхности совпадал с узором на краю первого (внешнего) гроба, от которого куски были грубо отсечены каким-то острым орудием вроде плотничьего тесла. Очевидное объяснение таково: изножье гроба, стоявшего на одре, оказалось слишком высоким, чтобы можно было опустить на место крышку саркофага, и потому его подрезали те, кому было поручено закрыть саркофаг. Это говорит о недостаточной предусмотрительности рабочих. Это повреждение гроба прежде не было замечено, так как его скрывали умащения; их присутствие, в этом случае только на ногах, могло быть попыткой прикрыть обезображивающий шрам и, следовательно, может и не иметь религиозного значения.

Кроме этих щепок, там лежали какие-то тряпки, прочный деревянный рычаг, части цветочных гирлянд, упавших с погребения, и непревзойденный образец религиозного ремесла — богато украшенный золотой и серебряный сосуд для священных умащений, показанный и описанный на таблице LXXIV.

Погребальная камера и саркофаг были теперь пусты, и, оглядываясь назад, мы впервые смогли ближе рассмотреть погребальные обычаи, которым следовали при похоронах фараона, как открыла их нам гробница Тутанхамона; и кое-что, смею думать, прибавилось к нашим знаниям.

Чем больше об этом думаешь, тем глубже поражаешься чрезвычайной заботе и огромным затратам, которые этот древний народ расточал на погребение своих умерших. Преграда за преградой воздвигались, чтобы оградить их останки от рук грабителей, от которых в смерти эти великие цари слишком безуспешно искали защиты. Этот порядок был столь же сложен, сколь дорог.

Сначала идут золотые ковчеги, богато украшенные и великолепной работы. Они были запечатаны и вложены один в другой над огромным, превосходно изваянным монолитным кварцитовым саркофагом. Саркофаг, в свою очередь, заключал в себе три больших человекообразных гроба из дерева и золота, которые несут подобие царя с повторяющейся символикой *риши* и Осириса.

Повсюду были видны следы искусного художника и умелого мастера, поглощенных тайнами исчезнувшей религии и вопросами смерти. Наконец мы доходим до самого царя, обильно умащенного священными умащениями и покрытого бесчисленными амулетами и эмблемами для его блага, а также личными украшениями для его славы.

Современный наблюдатель поистине поражается огромному труду и затратам, вложенным в эти царские погребения, даже если оставить в стороне исполинскую работу по высеканию их гробниц в скале. Подумайте о резьбе и позолоте затейливых ковчегов; о том, как вытесали и перевезли этот кварцитовый саркофаг; о лепке, резьбе и инкрустации великолепных гробов, о дорогой и сложной ювелирной работе, затраченной на них, о множестве занятых мастеров, о драгоценном металле и материалах, так щедро отданных царственному умершему. Но мы знаем еще не все: предстоит увидеть содержимое еще двух камер!

ГЛАВА VI. НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЕГИПЕТСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

✦

Несомненно, величайшим обрядом, какой ожидал каждого египтянина — в должной мере, сообразно его званию, — были его похороны.

У древнего египтянина любого положения, от фараона до крестьянина, было глубокое стремление к доброму погребению. Чтобы обеспечить его, он, сообразно своему званию, делал тщательные приготовления и, естественно, желал, чтобы пережившие его позаботились об их исполнении. Общий взгляд древних египтян на благо доброго погребения с простым достоинством выражен в повести о некоем Синухе, дошедшей до нас от Среднего царства, примерно сорок веков назад; вот она в переводе доктора Алана Гардинера:

> «Вспомни же день погребения, переход к блаженству, когда ночь будет посвящена тебе с маслами и с пеленами — рукоделием Таит [то есть богини ткачества]. Будет устроено для тебя шествие в день, когда ты воссоединишься с землей: гроб твой из золота, с головой из лазурита, небо [то есть ковчег] над тобою, — меж тем как ты будешь положен на погребальные сани и быки повлекут тебя. Тогда музыканты будут ждать твоего прихода, и пляску *муу* исполнят у дверей твоей гробницы. Слова жертвования произнесут за тебя, и жертвенных животных заколют у дверей твоей стелы»[1].

[1] «Гробница Аменемхета», с. 56.

Это можно считать общим выражением светлой уверенности, царившей у этого древнего народа; но люди, смотревшие на вещи мрачно, бывали во все века, и у нас есть египетский поэт, который в следующих строках сетует на тщетность прекрасных гробниц: «Тот, кто строил там из гранита, кто возводил чертог в пирамиде, кто собирал там прекрасное в тонкой работе… его жертвенник будет так же пуст, как у изнуренных, что умирают на насыпи у канала, не оставив после себя никого»[2].

[2] Эрман. Египетская религия, с. 127.

Эти выдержки передают нам и упование, и несогласие с ним в этом предмете; но хотя второе встречается редко, у нас есть некоторое представление о том, как поступали на деле. Сами скальные гробницы начинали высекать еще при жизни будущего умершего. Так, царица Хатшепсут приготовила себе скальную гробницу на западной стороне Фиванской горы, когда была супругой Тутмоса II, и другую, позднейшую, в Долине царей, когда сама правила как царь. Подобным же образом у Хоремхеба было две гробницы: одна — военачальника, другая — царя, после того как он завладел престолом. Но, пожалуй, самый поразительный пример — царь Эхнатон, который уже на шестом году своего царствования, когда ему было около восемнадцати лет, ставя стелы, отмечавшие границы его города Ахетатона (Эль-Амарны), повелевает:

> «Да будет сделана для меня гробница в Восточной горе; да будет мое погребение в ней во множестве юбилеев, которые Атон, отец мой, назначил мне, и погребение главной супруги царя Нефертити да будет сделано в ней в том множестве лет… (и погребение) дочери царя Меритатон да будет сделано в ней в том множестве лет»[3].

[3] Н. де Г. Дэвис. Скальные гробницы Эль-Амарны, ч. V, с. 30.

Далее Эхнатон повелевает, что если он, его царица Нефертити или старшая дочь Меритатон умрут «в каком-либо городе» за пределами его города, их следует привезти и похоронить в гробнице, приготовленной им «в Восточной горе» его города. Есть и другие примеры такого рода, приводить которые нет нужды.

При жизни начинали не только скальную гробницу — заранее приготовляли и каменный саркофаг, как в случае царицы Хатшепсут; а если туринский папирус, относящийся к гробнице Рамсеса IV, принимать за проект, — а я думаю, что он им и был, — то так же поступали и с покрывающими саркофаг позолоченными деревянными ковчегами и с некоторыми предметами погребальной утвари чисто религиозного назначения. Но итоги археологических изысканий говорят также, что большая часть погребального убранства изготовлялась после смерти, хотя умерший, без сомнения, делал предварительные распоряжения. На это ясно указывает то, что почти на всей погребальной утвари стоят имена, титулы и звание, какие были у умершего ко времени смерти. Предметы, явно принадлежавшие ему при жизни, — исключение.

Что касается гробницы Тутанхамона, есть достаточно свидетельств того, что по меньшей мере большая часть погребальной утвари была изготовлена после смерти — за время мумификации и за последующий срок, каким бы он ни был, нужный для исполнения обычаев, предшествовавших погребению. Это подтверждается тем, что погребальные статуи, статуэтки, гробы и маска выполнены несколько поспешно и изображают Тутанхамона в том возрасте, в каком он умер, — это доказывает его мумия. Напротив, явная вещь из дворцовой обстановки Эль-Амарны, например трон (т. I, таблицы LXIII и

LXIV), несет его раннее, первоначальное имя с Атоном, а церемониальные золотой и серебряный посохи (таблица VII) изображают его примерно в том возрасте, когда он стал царем.

Отсюда становится ясно, что значительная часть погребальной утвари, которую нельзя было изготовить при жизни умершего, во многом зависела от верности его преемника.

Геродот, писавший примерно через девять веков после смерти Тутанхамона, кратко рассказывает о том, как египтяне оплакивали умерших, а также о способе мумификации, принятом в его дни: «Когда в каком-нибудь доме умирает человек, имевший вес, женщины этого дома тотчас обмазывают себе головы, а иногда и лица грязью; затем, оставив тело в доме, выходят и бродят по городу, подпоясав одежду и обнажив грудь, и на ходу бьют себя. Все родственницы присоединяются к ним и делают то же. Мужчины, так же подпоясанные, бьют себя в грудь отдельно. Когда эти обряды окончены, тело уносят бальзамировать».

Таблица XXXI. Тутанхамон: голова мумии царя, какой она открылась впервые. Обратите внимание на необычно вытянутый череп, правильные черты, особенно четко очерченную губу и проколотые уши, так заметные на его портретной маске. На голове — остатки шапочки (таблица XXXII) и височной повязки (таблица LXXVII)

Таблица XXXII. Узор из бисера на шапочке. Картуши на уреях — поздние формы картушей Атона

«Есть в Египте особые люди, — писал он, — которые владеют искусством бальзамирования и сделали его своим ремеслом. Когда к ним приносят тело, они показывают носильщикам разные образцы покойников, сделанные из дерева и раскрашенные так, чтобы походить на живых. Самый совершенный, говорят, сделан по образу того, чье имя я не считаю благочестивым называть в связи с таким делом[4]; второй способ хуже первого и дешевле; третий — самый дешевый из всех. Все это бальзамировщики объясняют и затем спрашивают, каким способом желают приготовить тело. Носильщики говорят им и, сойдясь в цене, уходят, а бальзамировщики, оставшись одни, принимаются за дело». О «самом совершенном способе», как он его называет, Геродот, рассказав, как поступают с мозгом и мягкими частями тела, продолжает: «Затем тело кладут в натр на семьдесят дней, покрыв целиком. По истечении этого срока, превышать который нельзя[5], тело обмывают и обвивают с головы до ног повязками из тонкого льняного полотна, намазанными камедью, которую египтяне обычно употребляют вместо клея, и в таком виде отдают родственникам, а те заключают его в деревянный футляр, заранее сделанный для этого в виде человеческой фигуры. Затем, закрыв футляр, ставят его в погребальной камере стоймя у стены».

[4] Несомненно, имеется в виду Осирис, великий бог мертвых.

[5] Из опасения, что натр разъест плоть и превратит ее в кашицу.

Хотя способ бальзамирования, описанный великим греческим историком, относится к гораздо более позднему времени, сам

процесс, как показали археологические изыскания, был очень сходен с тем, что применялся в прежние времена.

В обычных случаях этот промысел, конечно, легко мог вести к злоупотреблениям, и можно не сомневаться, что близ мест погребения жило немало бальзамировщиков по ремеслу и жрецов низших разрядов, искавших заработка у родственников умерших. Когда же речь шла об особе царской и священной, работу, без сомнения, совершали во дворце или в его службах, с пышностью и торжественностью и под особым надзором.

Срок мумификации, указанный Геродотом, подтверждает фиванская стела одного вельможи времен Тутмоса III, искусно переведенная и изданная доктором Аланом Гардинером[6]. Стела проливает также ценный свет на погребальные обряды примерно за столетие до Тутанхамона:

[6] «Гробница Аменемхета», с. 56.

> «Доброе погребение приходит в мире, когда исполнились твои семьдесят дней в месте твоего бальзамирования. Ты положен на носилки… и тебя влекут быки без изъяна, и путь твой окропляют молоком, пока ты не достигнешь двери твоей гробницы. Дети детей твоих, единодушные, плачут любящими сердцами. Уста твои отверзает жрец-чтец, и очищение твое совершает жрец-*сем*. Гор устраивает тебе уста и открывает тебе глаза и уши, и плоть твоя и кости твои совершенны во всем, что тебе принадлежит. Читают для тебя заклинания и прославления. Совершают для тебя „жертву, которую дает царь“, и твое собственное верное сердце с тобою… Ты приходишь в прежнем своем облике, как в день, когда ты родился. Приводят к тебе сына, которого ты любишь, и придворные склоняются пред тобою. Ты входишь в землю, дарованную царем, в гробницу Запада. Совершают для тебя обряды, как для древних…»

Но о сроке мумификации и оплакивания умершего я отослал бы читателя также к известному месту Книги Бытия (гл. 50, ст. 2 и 3), где сказано: «И повелел Иосиф слугам своим — врачам, бальзамировать отца его; и врачи набальзамировали Израиля. И исполнилось ему сорок дней, ибо столько дней употребляется на бальзамирование, и оплакивали его Египтяне семьдесят дней».

Некоторые сведения о похоронах Тутанхамона дают находки из тайника с большими глиняными кувшинами, обнаруженного мистером Теодором М. Дэвисом (1907–1908) в Долине, неподалеку от гробницы царя (см. т. I). Их содержимое оказалось принадлежностями, которыми пользовались во время погребальных обрядов юного царя, а затем собрали вместе и уложили в кувшины, — так, по-видимому, было принято при египетских погребениях. Среди находок были глиняные оттиски печатей Тутанхамона и царского некрополя и цветочные ожерелья того рода, какие на изображениях похорон носят провожающие умершего. Эти цветочные ожерелья, нашитые на листы папируса, подобны тому, что лежало на золотом гробу; глиняные сосуды тоже сходны с найденными в гробнице.

Эта находка показывает, что во время царского погребального обряда глиняные сосуды разбивали, а с некоторых предметов снимали печати и что участники носили льняные головные платки и цветочные ожерелья; но она не проливает света на служение «слуг бога» и жрецов-чтецов, которые, должно быть, совершали обряды при погребении. Однако то, что царь Эйе, преемник Тутанхамона, присутствовал на похоронах и исполнял обязанности жреца-*сем*, ясно видно из сцены на северной стене погребальной камеры гробницы (см. выше). А сцена на восточной стене той же камеры показывает, что мумию царя на санях тащили к гробнице, по крайней мере часть пути, придворные и

высшие сановники (см. выше), а не быки, которых впрягали на похоронах не царского рода.

Очевидно, что после самих погребальных обрядов гробница должна была долгое время оставаться открытой и в руках рабочих, ибо ясно, что ряд вложенных друг в друга ковчегов, покрывающих саркофаг, можно было поставить лишь после того, как большие гробы были установлены на место и саркофаг закрыт. Точно так же стену, отделяющую переднюю камеру от погребальной, должны были сложить после того, как поставили ковчеги, а утварь, заполнявшую обе камеры, внесли уже потом.

Эти последние факты поднимают любопытный вопрос: где находились все ценные и хрупкие предметы, в конце концов заполнившие эти помещения, пока шли долгие работы — установка ковчегов и кладка стены? Поскольку у нас нет свидетельств, что в Долине существовала какая-либо кладовая, хотя для этой цели могли служить временные постройки, не значит ли это, что погребальную утварь доставляли из царских мастерских лишь тогда, когда для нее было готово место? Если эти предметы приносили в гробницу не одновременно, то похороны были иными, чем принято думать. Обычно представляли, что вся утварь несли за гробом в погребальном шествии, отчего оно становилось пышным зрелищем. Но, как мы только что видели, многие погребальные предметы, по-видимому, были перенесены в гробницу после самого погребения царя, когда камеры были готовы их принять.

Когда гробницу наконец закрыли и запечатали, использовали печати умершего царя (т. I, таблица XIV), а не его преемника.

Вернемся к Тутанхамону: его мумии и его гробам с величайшей тщательностью придали облик единого великого бога мертвых — Осириса, чтобы они представляли его и служили его знаком. Для

этого, видимо, была веская причина. Тесная связь погребального обычая с этим божеством, по всей вероятности, объяснялась верой в то, что Осирис во многом был ближе к человеку, чем любое другое божество. Ведь, по этой вере, на земле он претерпел муки смерти, был погребен и восстал от смерти земной к бессмертной жизни. Саму мумию тщательно положили по оси с востока на запад, и, как будет видно в следующей главе, знаки царской власти были помещены на ней так, чтобы по расположению соответствовать Двум царствам — Верхнему и Нижнему Египту. Амулеты и украшения религиозного значения были добросовестно размещены в ее пеленах согласно обрядовым предписаниям «Книги мертвых».

Как читатель уже понял из предыдущей главы, мы, к нашему огорчению, нашли мумию Тутанхамона в плохом состоянии, причиной которого, как теперь ясно, было обильное умащение, которому ее подвергли. Было, однако, очевидно, что это умащение составляло существенную часть погребения царя.

Было более чем достаточно свидетельств того, что тело тщательно мумифицировали, запеленали и украсили всеми принадлежностями прежде, чем на него вылили жидкости. По всей вероятности, эти некогда жидкие умащения имели лишь благочестивое значение и были нанесены со священной целью — до погребальных обрядов или во время них, — чтобы освятить или очистить умершего царя либо помочь ему вступить на путь через таинства сумрачного загробного мира. Египетский обряд был полон символов. Помазание тела Осириса богами придавало этому обряду весь вес религиозного предания.

Было очевидно также, что жидкости лили по определенному порядку. По-видимому, их расходовали не как придется. И на изображении царя на (самом внутреннем) золотом гробу, и поверх

пелен самой мумии жидкость лили только на туловище и ноги. Лица и ступней избегали — кроме первого (самого внешнего) гроба, где небольшое количество было явно вылито только на ступни (см. таблицу LXVI), хотя, как уже говорилось в предыдущей главе, это, возможно, делалось совсем с другой целью.

Но каково бы ни было священное намерение, для археологии итог оказался прискорбным. Едва ли можно сомневаться, что применение этих жидкостей внутри деревянных и металлических гробов было главной причиной крайне плохого состояния их содержимого. Действие употребленной сложной жидкости было троякое: во-первых, разложение жировых веществ с образованием жирных кислот разрушительно подействовало на некоторые сорта стеклянной инкрустации и на клеящую массу предметов; во-вторых, окисление смолы вызвало своего рода медленное самовозгорание, следствием которого стало обугливание льняной ткани, а в меньшей степени — и тканей тела, и даже костей мумии; в-третьих, количество жидкости, вылитой и на самый внутренний гроб, и на саму мумию, было достаточно, чтобы образовалась подобная смоле масса, скрепившая содержимое воедино.

Итог в этом отношении обманул наши ожидания. Время и несчастливая случайность, при содействии упомянутого химического разложения, отняли у археологии по меньшей мере часть того, что могло стать великой возможностью: научное исследование, последовательное разворачивание пелен мумии, на которое мы надеялись, стали поэтому почти невозможны.

Здесь, естественно, встает вопрос: подвергались ли так же умащению все остальные царские мумии египетского Нового царства? Я думаю, что такой обряд был общим для всех, хотя на

этих останках видны лишь слабые следы подобного смолистого вещества.

Надо помнить, что у царских мумий, найденных и в тайнике Дейр-эль-Бахри, и в гробнице Аменхотепа II (см. т. I), не сохранилось ни первоначальных пелен, ни гробов: жрецы XX и XXI династий заменили их грубыми гробами. Таким образом, лишившись своих первоначальных покровов и гробов, эти царские мумии рано освободились от разрушительных веществ, от которых пострадала мумия Тутанхамона. Иначе говоря, ограбления царских гробниц произошли прежде, чем умащения успели глубоко проникнуть в многослойные пелены или вызвать сильное разложение.

Алебастровые кувшины Рамсеса II и Мернептаха с теми самыми умащениями, найденные лордом Карнарвоном и мною в Долине в 1920 году, свидетельствуют о постоянном употреблении этих веществ. Иератические надписи на кувшинах упоминают «масло первого сорта из Ливии», «масло первого сорта божественных вещей» и «жир Тауат».

Если бы не масла для умащения, пелены и все принадлежности мумии Тутанхамона в гробу из чистого золота, я думаю, были бы найдены почти такими же нетронутыми, какими их впервые положили в гроб.

Таблица XXXIII. Браслеты на предплечьях царя (на своих местах)

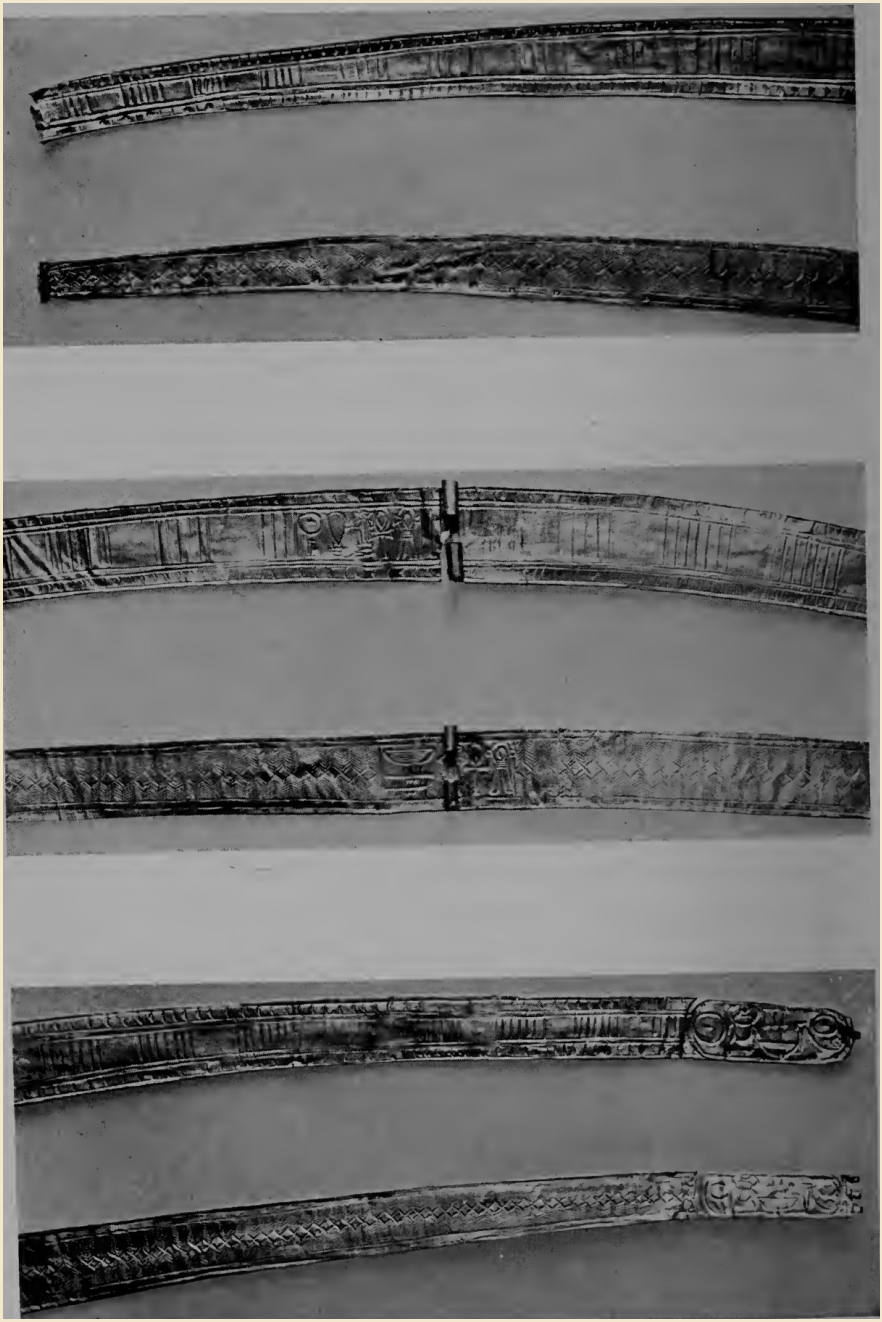

Таблица XXXIV. Чеканные золотые пояса с талии мумии

Теперь будет полезно пересмотреть некоторые впечатления, вынесенные из нашего изучения погребальных обрядов древних египтян, — в той мере, в какой открытие этой гробницы пополнило наши знания. Прежде всего, уже известные письменные свидетельства ясно показывают, что в религии древних египтян неизменно держалась вера в то, что забота живых обеспечивает благополучие умерших; а также что редкие следы несогласной, мрачной мысли, дошедшие до нас и подвергающие сомнению пользу от постройки огромных заупокойных храмов, часовен и гробниц в честь умерших, очевидно, могли лишь очень мало повлиять на силу и напряженность этого почитания.

Из этой гробницы мы узнаем, что при царском погребении следующий царь исполнял обязанности жреца-*сем* в обряде «отверзания уст» и что придворные и высшие сановники вместо быков тянули погребальные носилки.

Сведения, почерпнутые из других источников о сроке мумификации, показывают, что он составлял по меньшей мере семьдесят дней, а может быть, и больше; но совпадало ли с ним время оплакивания, все еще неясно, хотя, по-видимому, похороны происходили сразу по окончании мумификации. Как бы то ни было, теперь очевидно, что между царским погребением и закрытием гробницы должно было пройти некоторое время на различные сложные приготовления, прежде чем камеры были готовы принять все свое убранство, и что поэтому маловероятно, чтобы всю погребальную утварь несли в шествии за мумией. Трудно представить, чтобы огромное количество хрупких и чрезвычайно ценных вещей, не говоря уже о ларцах с

драгоценностями, золотых сосудах и прочем, чем были заполнены погребальная камера и соседние помещения, могли сложить там, пока присутствовали рабочие со снастями, нужными для того, чтобы закрыть саркофаг, поставить ковчеги и возвести толстую каменную стену. Более того, рабочим было бы почти невозможно выполнить свою задачу, будь эти камеры загромождены утварью так, как мы их нашли. Замечу здесь, что на самом внешнем ковчеге были отчетливые брызги штукатурки, тогда как на погребальной утвари таких следов не было.

О царских погребениях можно также заключить, что было в обычае хоронить покойного царя за печатями некрополя с его собственным именем. Если каждого фараона погребали за его собственными печатями, то встает вопрос: когда входила в силу печать преемника и когда печать покойного царя выходила из употребления? На это пока нельзя дать ясного ответа. Когда гробницу Тутанхамона снова закрыли после вторжения грабителей, случившегося, вероятно, вскоре после погребения, использовали печати царского некрополя без царских имен; так было и тогда, когда царь Хоремхеб приказал восстановить гробницу Тутмоса IV после того, как в нее проникли грабители.

Вопрос о том, была ли вся утварь гробницы изготовлена до смерти царя или после нее, представляет интерес, и о нем собраны некоторые свидетельства. В отдельных случаях сомнений почти нет. Некоторые предметы дают ясную подсказку; о других вывода сделать не удается. Так мы узнаем, что одни предметы были изготовлены при его жизни — даже в раннем возрасте, — а другие сразу же или вскоре после его смерти.

Другой важный и любопытный факт, который остается в памяти, — стойкость почитания Осириса на протяжении всей истории Древнего Египта. Мумию и ее гроб неизменно делали в

облике этого божества, чьи земные испытания сделали его ближе к человеческому сочувствию, чем любого другого бога египетского пантеона; и именно таинственное влияние этого божества просвечивает в обрядах не одной позднейшей веры.

Остается отметить лишь один факт. Открытие гробницы Тутанхамона вывело на свет обычай, прежде мало известный, — обильное умащение царской мумии, — который в случае юного царя нанес с точки зрения археологии такой прискорбный урон. Мы ожидали найти его мумию в лучшем состоянии, чем большинство дошедших до нас, извлеченных из гробов чужими руками еще во времена фараонов. Но увы, мы были разочарованы, и здесь перед нами суровый пример той иронии, которая порой подстерегает исследование. Грабители гробниц, вынимавшие останки фараонов из покровов ради добычи, и благочестивые жрецы, прятавшие их, чтобы уберечь от новых посягательств, по крайней мере защитили эти царские останки от химического действия священных умащений прежде, чем те успели их разъесть.

ГЛАВА VII. ИССЛЕДОВАНИЕ ЦАРСКОЙ МУМИИ

✦

У большинства исследователей, а особенно у тех, кто целиком поглощен археологическими изысканиями, бывают минуты, когда работа обретает для них ни с чем не сравнимый интерес; и теперь нам выпало счастье пережить одну из таких редких и чудесных пор. Время, которое последовало за этим, мы всегда будем вспоминать с глубочайшим удовлетворением. После долгих лет труда — раскопок, сохранения и записи находок — нам предстояло увидеть воочию то, что прежде мы видели лишь в воображении. Это исследование было для нас в высшей степени увлекательным, и, смею надеяться, оно не останется вовсе без пользы для археологии. По крайней мере, кое-что прибавилось к тому, что подтверждает или расширяет наши знания о погребальных обрядах фараонов в их связи с древними мифами и преданиями.

11 ноября в 9 часов 45 минут утра было начато исследование царской мумии. Присутствовали: его превосходительство Салех Энан-паша, заместитель министра общественных работ; его превосходительство Сайед Фуад-бей эль-Холи, губернатор провинции Кена; господин Пьер Лако, генеральный директор Службы древностей; доктор Дуглас Дерри, профессор анатомии медицинского факультета Египетского университета; доктор Салех-бей Хамди, директор санитарной службы Александрии; господин А. Лукас, правительственный химик Службы древностей; господин Гарри Бертон из музея Метрополитен в

Нью-Йорке; Тевфик-эфенди Булос, главный инспектор Службы древностей по Верхнему Египту; и Мохаммед Шаабан-эфенди, помощник хранителя Каирского музея (таблица XXVIII).

Когда описанные выше внешние украшения и инкрустированные золотые накладки (таблицы XXVI, XXVII) были сняты, мумия царя открылась в простых наружных покровах и с золотой маской. Она занимала все внутреннее пространство золотого гроба и имела в общей длине 6 футов 1 дюйм (таблица XXIX).

Наружные пелены состояли из одного большого полотнища, которое удерживали на месте три продольные ленты (одна посередине и по одной с каждого бока) и четыре поперечные из той же ткани; по положению они совпадали с уже упомянутыми гибкими инкрустированными золотыми накладками. Эти полотняные ленты, очевидно, были прикреплены к полотнищу каким-то клеем вроде того, что описан у Геродота. Они были сложены вдвое и имели в ширину от 2¾ до 3½ дюйма. Средняя продольная лента начиналась на середине живота (в действительности — груди), проходила под нижним слоем каждой из трех поперечных лент, затем через ступни, под подошвами и, загнутая назад, уходила под второй слой поперечных лент. По обе стороны ступней полотняные пелены были потерты — вероятно, от трения о стенки металлического гроба, когда его везли к гробнице. Мумия лежала с небольшим наклоном: по-видимому, ее тряхнуло, когда ее опускали в саркофаг. Были и подобные же признаки того, что умащения вылили на мумию и гроб еще до того, как их опустили в саркофаг: по двум сторонам жидкость стояла на разном уровне, а это говорит о том, что гроб был наклонен.

Поскольку полотняные пелены были хрупки и обуглены, всю открытую поверхность покрыли расплавленным парафином такой температуры, чтобы, застыв, он образовал на поверхности тонкую корку и как можно меньше проник в истлевшие пелены под ней. Когда воск остыл, доктор Дерри сделал в наружных пеленах продольный надрез посередине (таблица XXVIII) на ту глубину, до которой проник воск, и таким образом скрепленный слой удалось снять большими кусками. Но на этом наши трудности не кончились. Очень обильные нижние пелены оказались обуглены и истлели еще сильнее. Мы надеялись, сняв с мумии тонкий наружный слой пелен, освободить ее в тех местах, где она пристала к гробу, и затем вынуть, но и здесь нас ждало разочарование. Оказалось, что полотно под мумией и само тело так пропитались умащениями, которые образовали на дне гроба смолистую массу и держали мумию словно впаянной, что поднять ее можно было, лишь рискуя сильно повредить. Даже после того как большую часть пелен осторожно сняли, затвердевшую массу пришлось срубать долотом из-под конечностей и туловища, и только тогда удалось поднять останки царя.

Пелены, непосредственно окутывавшие голову, сохранились лучше, чем на остальном теле: они не пропитались умащениями и потому пострадали лишь от косвенного окисления. В значительной мере это относилось и к пеленам на ступнях.

Общая система пеленания, насколько ее удалось проследить, была обычной: она состояла из ряда пелен, полотнищ и полотняных подушечек там, где они требовались, чтобы придать телу человекоподобную форму, и во всем видна была немалая тщательность. Полотно было, очевидно, очень тонкое, подобное батисту. Многочисленные предметы, найденные на мумии, были вложены между чередующимися слоями обильных пелен и

буквально покрывали царя (таблица XXX) с головы до ног; некоторые из более крупных предметов захватывало множество слоев пелен, намотанных крест-накрест и поперек.

Хотя само исследование по необходимости пришлось вести от ступней вверх, для ясности в нижеследующем описании я пойду от головы вниз, перечисляя каждый предмет и каждую примечательную подробность в должном порядке.

На макушке лежала большая подушка конической формы из комков полотна, обмотанных так, как ныне накладывают хирургическую повязку на голову; формой она напоминала корону *атеф* Осириса, только без таких добавлений, как рога и перья. Назначение этой подушки неясно. По форме ее можно было бы принять за корону, но, с другой стороны, она вполне могла быть просто высокой подкладкой, которая поддерживала и заполняла пустоту внутри головного убора *немес* золотой маски, — тем более что маска есть неотъемлемая часть внешнего убранства мумии и делает ее подобной изображениям на гробах.

Под этой похожей на корону подушкой, на затылке маски, лежал маленький амулет — подголовник *урс* (таблица LXXVII, B), сделанный из железа. Согласно 166-й главе «Книги мертвых», он имеет следующее значение: «Восстань из небытия, о поверженный… ты низвергаешь врагов твоих, ты торжествуешь над тем, что творят они против тебя». Такие амулеты обычно делали из гематита, но здесь место этой руды заняло чистое железо — факт, отмечающий очень важную веху в развитии истории цивилизации; об этом речь пойдет ниже.

Рядом с подушкой, охватывая темя, лежал двойной жгут (арабский *агаль*), похожий на тот, что носят на голове бедуины (таблица LXXVI, C); он сделан из волокна, туго обмотанного шнуром, и на концах имеет петли, к которым, несомненно,

крепились тесемки, завязывавшиеся на затылке. Назначение его неизвестно: ничего подобного прежде не находили. Можно предположить, что он избавлял голову от давления короны.

Когда сняли еще несколько слоев пелен, открылась великолепная диадема (таблица LXXV), целиком охватывавшая голову царя, — вещь чрезвычайной красоты, простого типа повязки-ленты. Она представляет собой богато украшенную золотую ленту из соприкасающихся кружков сердолика с крошечными золотыми выпуклостями посередине каждого; сзади — бант в виде цветка и диска, с которого свисают две золотые подвески-ленты, украшенные таким же образом. По обеим сторонам повязки — подвески того же рода, но шире, и к их передним краям прикреплено по массивному висячему урею. Здесь надо сказать, что знаки северной и южной власти этой диадемы были найдены ниже, отдельно, на правом и левом бедре соответственно (таблица XXX, r, s); а так как царь лежал в саркофаге по оси с востока на запад, головой к западу, то урей Буто оказывался с левой стороны, а коршун Нехбет — с правой, и знаки занимали свое верное географическое положение, как и такие же эмблемы на гробах. Обе золотые эмблемы царской власти имеют на обороте пазы, в которые входят соответствующие Т-образные язычки на диадеме. Таким образом, они съемные, и их можно было укрепить на любом венце, какой бы ни надел царь.

Золотая Нехбет с обсидиановыми глазами (таблица LXXVI, A) — замечательный образец тонкой работы по металлу. Форма головы, покрытый морщинами затылок и неполный воротник из коротких жестких перьев сзади на шее ясно показывают, что птица, изображающая верхнеегипетскую богиню, — это *Vultur auricularis*, Daud., ушастый гриф. Этот вид и поныне многочислен в

Нубии, нередок в средних и южных провинциях Египта, но в Нижнем Египте встречается редко, если вообще встречается.

Такая диадема, должно быть, очень древнего происхождения: свое название *сешнен* и форму она, по-видимому, получила от ленты-обруча, которую носили на голове мужчины и женщины всех сословий еще во времена Древнего царства, примерно за 1500 лет до Нового царства. Более того, есть достаточно свидетельств, что ее можно считать принадлежностью древнеегипетского погребального убранства: она упомянута в текстах на гробах Среднего царства, и известно, что диадемы этого рода находили трижды в царских погребениях. Один раз — сходную, но не тождественную — в Лахуне, среди украшений царевны Среднего царства Сат-Хатор-Иунет, открытых профессором сэром Уильямом Флиндерсом Питри; и дважды — в фиванских царских гробницах-пирамидах XVII династии: одну — в погребении одного из Антефов, другую упоминают в связи с древнеегипетскими грабителями гробницы Себекемсафа. Любопытно, что в обоих последних случаях их нашли грабители гробниц, промышлявшие этим ремеслом: диадема Себекемсафа упомянута в записях о знаменитых ограблениях царских гробниц в царствование Рамсеса IX, когда диадему царя вместе с остальными найденными сокровищами грабители поделили между собой как металл. Третью диадему, принадлежавшую одному из царей Антефов, менее века назад нашли местные искатели древностей; она переходила из рук в руки, пока в конце концов не попала в Лейденский музей.

Чаще всего, когда диадему этого типа изображают на памятниках, царь носит ее поверх парика вместе с короной *атеф* Осириса, увенчанный этой короной.

Вокруг лба, под еще несколькими слоями полотна, был широкий височный обруч (таблица LXXVII, A) из полированного золота, оканчивавшийся позади ушей и над ними. На его концах — прорези, сквозь которые были продеты полотняные тесемки, завязанные бантом (таблица LXXVI, C) на затылке. Этот обруч удерживал на лбу и висках головной убор *хат* из тонкого, подобного батисту полотна; к несчастью, тление довело его до столь безнадежного состояния, что узнать его удалось лишь по остатку своего рода косицы сзади (таблица LXXVI, C), обычной для этого головного убора. К убору *хат* были пришиты царские знаки — второй их набор, найденный на царе (таблица LXXVI, D). Урей, у которого тело и хвост были собраны из гибких звеньев золотой работы, нанизанных вместе и окаймленных крошечными бусинами, был проведен по средней линии темени назад до самой *лямбды*, а коршун Нехбет (в этом случае с раскрытыми крыльями и со всеми теми же чертами, что описаны выше) покрывал верх головного убора, и его тело лежало параллельно урею. Чтобы мягкое полотно этого убора приняло свою обычную форму, под него, над висками, были подложены полотняные подушечки.

Под убором *хат* были новые слои пелен, а под ними — шапочка из тонкой полотняной ткани, плотно облегавшая бритую голову царя и расшитая сложным узором из уреев, выложенным крошечными золотыми и фаянсовыми бусинами (таблица XXXII). Шапочку удерживал на месте золотой височный обруч, подобный только что описанному (таблица LXXVII, A). Каждый урей узора несет посередине картуш солнечного Атона. Ткань шапочки, к несчастью, сильно обуглилась и истлела, но вышивка бусинами пострадала гораздо меньше, и узор, приставший к голове царя, сохранился почти полностью. Попытка снять эту изысканную

работу кончилась бы бедой, поэтому ее покрыли тонким слоем воска и оставили так, как нашли.

Таблица XXXV. Подробности мумии. (A) Ступни с золотыми чехлами на пальцах и сандалиями. (B) Ноги; левая коленная чашечка (patella) снята

Таблица XXXVI. Ожерелье-воротник из цветов и бусин на месте находки (in situ), на третьем (самом внутреннем) гробе

Последние пелены, защищавшие лицо царя, требовали величайшей осторожности при снятии: голова была обуглена, и всегда оставалась опасность повредить очень хрупкие черты. Мы сознавали особую важность нашей задачи и лежавшую на нас ответственность. От прикосновения собольей кисточки последние клочки истлевшей ткани отпали, и открылось ясное, спокойное лицо юноши (таблица XXXI). Лицо было тонкое, благородное, черты хорошо очерчены, особенно четко обрисованные губы; и, не желая вторгаться в область докторов Дерри и Салех-бея Хамди, я думаю, что могу записать здесь первое и самое сильное впечатление всех присутствовавших, а именно: поразительное сходство в строении лица с его тестем Эхнатоном — родство черт, которое заметно и на памятниках.

Это сильное сходство — а оно слишком очевидно, чтобы приписать его простой случайности, — дает историку этого времени совершенно новый и неожиданный факт, который может пролить некоторый свет и на недолго правившего Сменхкару, и на Тутанхамона: оба они взошли на престол, женившись на дочерях Эхнатона. Неясность их происхождения становится понятной, если эти два царя были детьми от неофициального брака, — предположение отнюдь не невероятное, поскольку в царском роде XVIII династии тому есть примеры. Тутмос I, сын Аменхотепа I от неофициальной жены Сенсенеб, стал царем благодаря браку с наследной царевной Яхмос. Хатшепсут была замужем за своим единокровным братом Тутмосом II. В сущности, когда у царской супруги не было мужского потомства или ни один сын не остался в живых, такие браки обычно и были правилом.

Чем дольше изучаешь вопрос, поставленный этим зримым сходством в строении лица Эхнатона и Тутанхамона, тем

интереснее становится свет, который он проливает на историю того времени и на древний общественный уклад.

Это сходство могло перейти либо прямо через Эхнатона, либо косвенно через царицу Тии. Своеобразных телесных черт, присущих и Эхнатону, и Тутанхамону, нет у предшествовавшего рода Аменхотепов и Тутмосов, но они заметны на некоторых более непринужденных, в отличие от более условных, портретах царицы Тии, от которой Эхнатон, по-видимому, и унаследовал свои телесные особенности. Поэтому возможно, что и Тутанхамон унаследовал их из того же источника и даже был внуком царицы Тии через кого-нибудь из других ее детей. Но на этот вопрос о явном кровном родстве двух царей, кажется, проливает немалый свет следующее письмо из клинописной переписки, найденной в Эль-Амарне:

От Душратты (царя Митанни, Верхняя Месопотамия) к Дапхурии (Эхнатону, царю Египта).

> Напхурии, царю Египта, брату моему, зятю моему, который любит меня и которого я люблю, так говорит Душратта, царь Митанни, тесть твой, который любит тебя, брат твой: я здоров. Да будешь и ты здоров! Домам твоим, Тейе, матери твоей, госпоже Египта, Татухепе, дочери моей, жене твоей, прочим женам твоим, детям твоим, вельможам твоим, колесницам твоим, коням твоим, воинам твоим, стране твоей и всему, что тебе принадлежит, да будет здравие в превеликой мере.[1]

[1] Кнудтзон, «El-Amarna-Tafeln», 28 (= W. 24).

На протяжении всей египетской истории, за редкими исключениями, вроде потомства Рамсеса II, признанными детьми обычно считались лишь дети главной жены, называемой «Великой царской супругой»; у Эхнатона это были бы дети

Великой царской супруги Нефертити. Поэтому на памятниках записаны только дети Нефертити — все дочери, — а упоминание в приведенном письме о «прочих женах» Эхнатона до сих пор считали лишь условным предположением со стороны царя Душратты.

Судя по примеру других египетских царей, есть все основания полагать, что у Эхнатона были и другие жены и что слова «прочим женам твоим» означают нечто более определенное, чем условное предположение. Более того, при этих обстоятельствах нельзя не почувствовать, что, пока нет доказательств обратного, — а отсутствие свидетельств не есть доказательство, — этот взгляд следует принять, тем более что, как мы знаем, этот месопотамский царь на протяжении нескольких поколений был тесно связан браками с египетским царским домом.

Итак, поскольку у царицы Нефертити не было сына, вполне вероятно, что соправителем и наследником мог быть избран сын от менее значительного брака, и тогда его брак со старшей из живых официальных дочерей последовал бы сам собой.

То, что Тутанхамон был либо сыном Эхнатона, либо внуком царицы Тии от другого ее ребенка, представляется пока единственным возможным объяснением этого весьма ощутимого сходства двух людей.

Есть еще одно очень любопытное обстоятельство: голова царя показывает, что, при всей условности искусства того времени, лучшие прижизненные изображения царя на памятниках, вне всякого сомнения, — точные портреты Тутанхамона.

На шее царя были ожерелья-воротники двух символических видов и двадцать амулетов, сгруппированных в шесть слоев, а между каждыми двумя слоями — многочисленные полотняные пелены. Верхний слой составляло «Ожерелье Гора» из чеканного

листового золота (таблица LXXIX, B), покрывавшее шею. Оно держалось на шее с помощью кованой золотой проволоки и имело сзади привеску-противовес. Из всех видов личных украшений египтян такие ожерелья-воротники и ожерелья были, пожалуй, самыми распространенными и, несомненно, преобладающими. Но что они имели и гораздо более глубокое значение, чем простое украшение, становится ясно по той важной роли, какую они играют в этом царском погребении, да и в погребальном обряде вообще. Как будет видно из этого и многих других примеров, приведенных ниже, к ним сзади прикреплялась своего рода привеска, служившая чем-то вроде противовеса; она называлась *манхет* (таблица LXXVI, B). Согласно предписаниям Текстов пирамид, текстов на гробах Среднего царства и рубрик «Книги мертвых» Нового царства, эти ожерелья с привесками следовало класть на шею или на грудь умершего. Они должны были быть многих видов, из разных материалов и разной работы, — обычай, который в этом погребении проявился в полной мере.

Второй слой, или группа предметов, состоял из четырех амулетов, которые держались вокруг шеи на золотых проволоках и лежали на горле в следующем порядке, справа налево: пряжка *тет* из красной яшмы, золотой столб *джед* с надписью, скипетр *уадж* из зеленого полевого шпата и второй золотой *джед*, инкрустированный фаянсом (таблица LXXVIII, A). Сразу под этой группой, образуя третий слой, лежали три амулета: по правую и левую сторону шеи — два любопытных золотых знака, похожих на пальмовые листья, а между ними, на том же шнуре, — змея *зт* из тонкого чеканного листового золота (таблица LXXVIII, C). Амулет *Тота* из зеленого полевого шпата, змеиная голова из красного сердолика, Гор из лазурита, Анубис из зеленого полевого шпата и скипетр *уадж*, тоже из зеленого полевого шпата, составляли

четвертый слой (таблица LXXVIII, B). Каждый амулет этой группы был прикреплен к шее золотой проволокой. Амулеты пятого слоя все были из листового золота с чеканкой. Их было восемь, и они были привязаны шнурками вокруг пелен шеи (таблица LXXVIII, D). Среди этих восьми знаков было четыре различных вида: одна крылатая змея с человеческой головой, один урей, один двойной урей и пять коршунов; они были распределены по горлу, частично перекрывая друг друга, — крылатая змея с человеческой головой с самого правого края, урей и коршун Нехбет с левой стороны. Тексты на гробах, относящихся ко времени до Нового царства, дают каждому из этих знаков свое название там, где сказано, что их следует класть «у его головы». Два коршуна, по-видимому, относятся к типу Мут (*Gyps fulvus*, Gm., белоголовый сип), остальные три — к типу Нехбет. Их хрупкость показывает, что они не предназначались для ношения при жизни, а были сделаны исключительно для погребения. Ниже этих знаков, привязанное вокруг последних нескольких пелен и образуя шестой слой, лежало маленькое ожерелье, плотно облегавшее шею, наподобие ошейника, из четырех рядов бусин (таблица LXXVII, B).

Это обилие амулетов и священных знаков на шее царя чрезвычайно значительно: оно показывает, как сильно боялись опасностей загробного мира, грозивших умершему. Несомненно, они должны были защитить его от вреда на пути через загробный мир. Качество и количество этих защитных знаков, естественно, зависели от его высокого сана и богатства, а также от любви тех, кто остался в живых. Подлинное значение многих из них неясно, мы не знаем ни точных их названий, ни сил, которые им приписывали. Однако мы знаем, что их клали туда в помощь и руководство умершему и делали их как можно более красивыми и драгоценными.

Согласно рубрике «Книги мертвых», тот, кто носит *джед* — эмблему Осириса, — может «войти в царство мертвых, вкушать пищу Осириса и быть оправданным». Этот знак, по-видимому, означает «Твердость», «Устойчивость», «Сохранность» и «Защиту». Священная книга говорит также, что он должен быть из золота и лежать на шее того, кого ему надлежит защищать, и тем дать ему возможность «войти во врата Амдуата… восстать совершенной душой в загробном мире». Тот, на кого повешен знак *тет* — пояс Исиды, — будет под охраной Исиды и Гора и будет с радостью принят в Царство Осириса. Книга далее предписывает, что он должен быть «из красной яшмы», что «он — кровь, заклинания и сила Исиды», оберег «для защиты этого могучего, охраняющий его от того, что ему ненавистно». Скипетр *уадж* из зеленого полевого шпата, по-видимому, означает «Зелень», «Плодородие» и «Вечную юность», которых умерший, как надеялись, мог достичь в загробном мире. Змеиная голова из сердолика, возможно, была талисманом, защищавшим от вредоносных пресмыкающихся, которыми, как верили, кишели подземные ходы Амдуата.

Из «Книги мертвых» мы узнаем также, что, когда эти таинственные эмблемы возлагали на умершего, связанные с ними магические заклинания следовало произносить «торжественным голосом». Рядом с амулетами и знаками, найденными на царе, были следы маленького папируса с ритуальным текстом, написанным белыми линейными иероглифами; но он слишком истлел и рассыпался, чтобы его можно было сохранить, хотя кое-где с трудом читались имена богов, например Осириса и Исиды. Поэтому я полагаю, что этот крошечный документ, погибший безвозвратно, возможно, содержал именно такие заклинания.

Знаки некоторых божеств были повторены, и нередко два соединялись в один, особенно знаки Нехбет и Буто, — не

становились ли они от этого действеннее?

Этих украшений таинственного и личного свойства на царе так много, что подробное описание каждого далеко вышло бы за пределы этого тома. Я постараюсь, однако, кратко передать главные факты и указать наиболее примечательные их черты. Как мы уже видели, все они имеют особое значение, и их редко, если вообще когда-либо, клали на мумию ради одной лишь красоты и впечатления. В них видна большая изобретательность. Начала декоративного искусства и символики соединены в них так, что они и исполнены смысла, и производят впечатление. Если изучить их подробности, это не простое подражание природе, а природные предметы, отобранные символикой и превращенные симметрией в украшения; лишь кое-где встречаются предметы чисто геометрического вида.

Предметы на голове и шее уже упомянуты, и теперь мы переходим к найденным на туловище и руках.

Грудь — то есть от шеи до живота — покрывали тридцать пять предметов, размещенных в семнадцати группах, которые образовывали тринадцать слоев, вложенных в сложную систему пелен, окутывавших все тело.

Первой из этих групп был ряд из четырех золотых ожерелий-воротников, которые спускались значительно ниже ключиц и покрывали плечи, но висели на шее на проволоке и имели сзади обычный *манхет*. Каждое ожерелье лежало так, что лишь частично покрывало другое. Верхнее, справа, имеет вид коршуна Нехбет с раскрытыми крыльями (таблица LXXIX, B); второе, на левой стороне, соединяет крылатую змею Буто и коршуна Нехбет (таблица LXXIX, A); третье, еще дальше на левом плече, изображает одну змею Буто, но с широко раскинутыми крыльями (таблица LXXIX, A); четвертое и самое наружное, немного правее

середины груди, имеет вид ожерелья «Сокола» — обычного ожерелья из трубчатых бусин с головами «Сокола» вместо оплечий (таблица LXXIX, B). Ниже этих различных ожерелий, свисая на длинной золотой проволоке, доходившей до пупка (таблица XXX, q), лежал большой скарабей из черной смолы в золотой оправе-петле (*funda*), на надкрыльях которого цветным стеклом была выложена птица *бенну* (таблица XXVI, C). На основании скарабея начертан текст о *бенну*.

Бенну — птица из семейства цаплевых (*Ardeidae*) и, судя по многочисленным сохранившимся цветным виньеткам, вероятно, *Ardea cinerea*, Linn., серая цапля. Эту птицу, которую часто отождествляют с сердцем, умерший принимает как один из многих своих обликов, когда «выходит как душа, живущая после смерти»; связана она и с богом Солнца. По некоторым искаженным изображениям ее можно было бы принять за одну из ночных цапель, но, поскольку «Книга мертвых» (глава XIII) говорит: «Вхожу я соколом и выхожу *бенну* на рассвете», едва ли можно сомневаться, что имеется в виду серая цапля, одна из самых ранних пташек среди всех птиц.

За этой довольно скромной заменой хорошо известного сердечного скарабея следовало большое ожерелье-пектораль в виде сокола из чеканного листового золота (ср. таблицу LXXIX, B); его тело покрывало всю нижнюю часть груди, а крылья поднимались вверх под мышки. В текстах о загробном мире оно называется «Ожерельем Гора»; но каковы бы ни были его силы, с точки зрения красоты его далеко превосходит великолепное ожерелье такой же формы, найденное прямо под ним и лежавшее почти точно так же, — ожерелье-пектораль Гора, целиком составленное из инкрустированных золотых пластинок в манере перегородчатой работы (клуазоне) (таблица LXXX, A). Этот

прекрасный образец ювелирного искусства — первое из трех подобных ожерелий, и, так как два других следуют лишь несколькими слоями ниже, я в свое время опишу их вместе. Поверх этого перегородчатого ожерелья был положен простой лист папирусной бумаги, а под ним, на середине груди, — еще одно ожерелье «Сокола» (ср. таблицу LXXIX, B) из чеканного листового золота, такое же, как в первой группе на плечах и верхней части груди. По обе стороны, параллельно правой и левой руке, лежало по золотому узлу-амулету (таблица LXXXIII, A) неизвестного значения. Справа и слева на нижней части груди были три амулетных золотых браслета (таблица LXXXII, A): на двух — крупные бочковидные бусины, на одном из лазурита, на другом из сердолика, а третий — символическое Око Гора из железа; это второй из трех образцов этого редкого и важнейшего — я бы даже сказал, исторического — металла, найденных на царе. В подголовнике *урс*, найденном у головы царя, в этом браслете с *уджатом* и в третьем, гораздо более важном образце, который мне еще предстоит описать, мы имеем первое бесспорное доказательство появления в Египте того весьма важного металла, железа, — металла, свойства которого, по словам Раскина, играют и играли столь значительную роль «в Природе, Политике и Искусстве».

Сняв еще несколько слоев полотняных пелен, мы дошли до восьмого слоя: это было очень большое ожерелье-пектораль в виде змеи Буто, тоже из чеканного листового золота (ср. таблицу LXXIX, A). Оно покрывало всю нижнюю часть груди, огромные крылья простирались на плечи, а концы маховых перьев были загнуты вокруг пелен шеи. Как и другие ожерелья этого рода, оно имело обычную привеску, или *манхет*, прикрепленную сзади проволокой. Это было последнее из восьми простых

металлических ожерелий, найденных на шее и груди царя; все они, очевидно, были чисто амулетного свойства и предназначались для вечного покоя. Под ним, отделенные лишь полоской простого папируса, лежали два великолепных ожерелья, или нагрудника, один поверх другого, но совершенно иной работы. Они изображали двух богинь, Нехбет и Буто, и были составлены из множества золотых пластинок перегородчатой работы, как только что упомянутое «Ожерелье Гора».

Эти нагрудники, или, если назвать их настоящими именами, «Ожерелье Гора», «Ожерелье Нехбет» и «Ожерелье Небти» (то есть Нехбет и Буто), устроены столь своеобразно, что заслуживают особого внимания. Каждое состоит из очень большого числа отдельных золотых пластинок, гравированных на обороте и тончайше инкрустированных спереди непрозрачным цветным стеклом в манере перегородчатой работы; стекло подражает бирюзе, красной яшме и лазуриту. «Ожерелье Гора» (таблица LXXX, A) составлено из тридцати восьми пластинок, ожерелье Нехбет (таблица LXXX, B) — из 256 частей, а ожерелье Небти — из 171 части (таблица LXXXI, B). Все пластинки в основе сделаны одинаково и различаются лишь видоизменениями формы и цвета — смотря по перьям той «области» крыла, к которой пластинка относится, или, в иных случаях, по тому перу или части пера, которую она изображает. Эти пластинки разделены на группы, образующие главные «области» крыла, то есть первостепенные маховые, второстепенные маховые, кроющие, малые кроющие и так называемое «крылышко»; каждая перегородчатая пластинка группы, или «области», имеет на верхнем и нижнем краях крошечные ушки, через которые все они были связаны вместе каймами из бусин. Благодаря тому, что части крыльев так прочно

соединены, оба ожерелья получились пышными, сложными и вместе с тем гибкими.

Теперь мы подходим к одиннадцатому и двенадцатому слоям предметов, в которые входит ряд украшений более личного свойства. На верхней части груди, на гибких ремешках из лазурита и золота, охватывавших шею, висело маленькое пекторальное украшение в виде сытого коршуна (таблица LXXXIV, A). Этот изысканный образец ювелирной работы, быть может лучший из всего найденного на царе, инкрустирован зеленым стеклом, лазуритом и сердоликом и почти несомненно должен изображать южную богиню — Нехбет из Эль-Каба: черты птицы, так прекрасно переданные здесь, бесспорно принадлежат ушастому грифу и тождественны чертам коршуна — знака Верхнего Египта на диадеме (таблица LXXVI, A). Застежка ремешков, на которых висит пектораль, сделана в виде двух крошечных соколов; но еще прелестнее тонко прочеканенная нижняя сторона самой пекторали, где, как бы в ответ, на шее птицы-богини высоким рельефом изображена крошечная пектораль в виде картуша царя. Еще ниже на груди мумии лежала другая пектораль в виде трех лазуритовых скарабеев, поддерживающих над знаком неба диски Солнца и Луны (таблица LXXXIV, C). Задними лапками они держат знаки власти *неб* на горизонтальной перекладине, на которой распускаются маргаритки и с которой свисают цветы лотоса.

У жуков здесь, несомненно, есть какая-то таинственная связь с солнечным и лунным дисками, которые они держат передними лапками. Соединение скарабея с диском — обычное явление в религиозных текстах. По всей вероятности, лунный диск — в данном случае старая луна, вырастающая из молодого серпа, — символизирует бога Тота, олицетворяющего Луну. Оба светила в значительной мере были первоисточниками египетской

мифологии, и какая бы система богопочитания ни преобладала у древних египтян, за этим покровом, или культом, главным всегда было Солнце, и не только для живых, но еще более для мертвых. В «Книге мертвых» (глава XV) мы читаем: «О ты, Сияющий Диск, что восходишь каждый день с горизонта, освети лицо Осириса [умершего], который славит тебя на рассвете и умилостивляет тебя в сумерках».

В таких образцах личных украшений перед нами вершина стиля XVIII династии в декоративном искусстве — природные формы и символика, соединенные так, чтобы радовать и привлекать глаз. В этом случае, как и в других примерах, о которых речь впереди, жуки исполнены в высшей степени замечательно. Хотя они переданы условно, каждая существенная подробность насекомого соблюдена, а самые приметные его черты показаны: роговая переднеспинка и надкрылья (*elytra*) переданы обдуманно; наличник, или щиток, то есть край широкой плоской головы, вырезан угловатыми зубцами, расположенными полукругом; дугообразные передние ноги, как и положено, вооружены снаружи пятью сильными зубцами и, как и четыре длинные тонкие задние ноги, вырезаны отдельно от тела; последняя пара, слегка изогнутая, оканчивается острым коготком. Показано даже членение нижней стороны этого знаменитого жука-навозника, и различное назначение частей тоже понято.

Сразу ниже, под пеленами толщиной с паутинку, лежали еще три пекторали (таблица LXXXIV, B): одна на середине груди и по одной с каждой стороны, немного ниже. Две боковые висели на шее на золотых цепочках, оканчивавшихся сзади, ниже затылка, цветами лотоса, сердоликовыми бусинами и подвесками в форме сердца. Средняя пектораль, тоже висевшая на шее, имела на концах своего трехрядного ожерелья из фаянсовых и золотых

бусин маленькую застежку в форме пекторали со знаками *джед* и *тет*. Пектораль на правой стороне имеет вид золотого солнечного сокола, тело которого ажурной работы заключает в себе своеобразный зеленый камень. Пектораль левой стороны, тоже золотая и с яркой инкрустацией, по-видимому, задумана так, чтобы в ней заключалась игра на имени царя: она составлена из крылатого жука-скарабея, который держит передними лапками лунный диск с серпом, а задними — знаки множественного числа и знак праздника *хеб*; так получается чтение «Хеперу-хеб-Аах» вместо «Хеперу-неб-Ра». Средняя пектораль — око *уджат*, по-геральдически сопровождаемое уреем Буто спереди и коршуном Нехбет сзади, — имеет нижнюю сторону из тонко прочеканенного золота, а верхнюю — инкрустированную лазуритом и неопределенным камнем бледно-зеленого цвета, несколько напоминающим эпидот. На всех этих пекторалях видны следы настоящей носки, какие оставляет употребление при жизни, и они, несомненно, были личными украшениями.

Подвески в форме сердца из сердолика, оправленные в золото и тончайше инкрустированные именем царя, напоминают главу «Книги мертвых» о сердце «из сердолика», где сказано: «Дано душе Осириса [умершего] выходить на землю, чтобы творить все, чего пожелает дух его». Расположение трех последних пекторалей — око посередине, солнечный диск справа и лунный слева — побуждает связать их с «Парой Очей», понимаемых как Солнце и Луна, которые приписывались Осирису, а также Ра и другим божествам: «Правое око его — Солнце, а левое — Луна». Здесь надо упомянуть и о том, что лунные диски на украшениях этой гробницы всегда сделаны из сплава золота с серебром, в отличие от золотых солнечных дисков, в которых золото сплавлено с медью.

Под этими пятью пекторалями шел самый нижний слой, ближайший к телу, хотя и не соприкасавшийся с ним прямо: под ним было еще несколько слоев полотна, обуглившегося почти в порошок. Этот последний слой составляло затейливое ожерелье из крошечных синих стеклянных и золотых бусин, нанизанных в виде бисерной сетки и очень похожее на нагрудник. Узор его был устроен так, что золотые бусины, вплетенные среди синих стеклянных, образовывали желтые зигзаги, или волны воды, на синем поле; ожерелье имело гибкие золотые застежки в виде соколов вместо оплечий, кайму из золотых блесток и наружный край из золотых каплевидных подвесок.

В пелены груди и живота были вложены две группы перстней: над запястьем правой руки — группа из пяти, а возле запястья левой руки — группа из восьми перстней. Они были из массивного золота, лазурита, молочно-белого и зеленого халцедона, бирюзы, и один — из черной смолы (таблица LXXXV). Часто, даже когда изображения на щитках включали царя или его картуши, имя его было выгравировано еще и по обе стороны дужки перстня или на нижней стороне щитка, — отличительный знак, по которому перстни можно признать личной собственностью фараона. Это наводит на мысль о ранней форме пробирного клейма.

Прежде чем говорить о нескольких предметах, лежавших на животе, я опишу руки — плечи, предплечья и кисти, — которые, хотя и были охвачены пеленами тела, сначала были запеленаты отдельно. Предплечья были согнуты и лежали на верхней части живота, левое немного выше правого. Правая кисть лежала на левом бедре, левая доходила до нижней правой стороны груди (таблица XXXIII). В пелены рук были вложены два совсем маленьких амулетных браслета; они отпали вместе с истлевшей

тканью во время нашего исследования мумии, но по тому, где они упали, по обе стороны, видно, что их надели чуть выше локтей. Браслет правой руки был из толстой золотой проволоки с крупной неотшлифованной бусиной из зеленого камня и шестью тонко сделанными очами *уджат* из разных материалов (таблица LXXXII, A). Браслет левой руки был маленьким золотым обручем с поворотным шарниром, скрытым под тремя бусинами, а на противоположной стороне круга — с изысканно вырезанной сердоликовой птицей *мент* (таблица LXXXII, A). Эта птица *мент* с солнечным диском на спине, вероятно, изображает одно из мифических превращений бога Солнца, упоминаемых в «Книге мертвых» (особенно в главе LXXXVI), — то, «посредством которого принимают облик стрижа». Едва ли можно сомневаться, что эта птица *мент* принадлежит к семейству стрижей (*Cypselidae*), хотя в религиозных текстах ее иногда смешивают с птицей *вр* из семейства ласточковых (*Hirundinidae*); но к роду голубей (*Columbidae*), как мне случалось читать, она никак не может принадлежать. Хотя она не без сходства с малым серым стрижом (*Cypsellus parvus*, Licht.) южных провинций Египта, по всей вероятности, она должна изображать обыкновенного египетского стрижа (*Cypsellus pallidus*, Shelley). Особенность египетского стрижа в том, что он живет большими колониями в утесах, далеко в глубине холмов, окаймляющих пустынную равнину, откуда рано утром спускается в долину Нила и куда возвращается поздно вечером. Оттого что он вылетает с криком на восходе солнца и возвращается с еще более пронзительным криком, когда солнце садится, древние египтяне, быть может, как-то связывали его с превращением бога Солнца или с душами умерших, которые выходят днем вместе с солнцем и возвращаются ночью. Глава

говорит: «Я — птица *мент*...», а в конце: «Если глава эта будет известна, он вернется, после того как вышел днем».

Оба предплечья от локтя до запястья были сплошь унизаны великолепными браслетами (таблицы XXXIII, LXXXVI) — семь на правом и шесть на левом предплечье, — составленными из замысловатых узоров со скарабеями, золотой зерни, ажурных сердоликовых пластинок, богатой работы из золота и электра; у одних были наручные ленты из гибкой работы бусинами, у других — затейливые геометрические и растительные узоры, инкрустированные полудрагоценными камнями и многоцветным стеклом. Их поперечник показывает, что они охватывали очень тонкую руку; ни один из них не был погребальным, но все, очевидно, были когда-то личными украшениями, которые носили при жизни.

Каждый палец, в том числе большой, сначала обмотали тонкими полосками полотна, а затем заключили в золотой чехол. На втором и третьем пальцах левой руки было по золотому перстню: на щитке одного — лунная ладья на темно-синем поле, на щитке другого, того, что на втором пальце, тончайше вырезан углубленным изображением царь, который преклонил колени и подносит фигурку Истины (таблица LXXXV).

Теперь мы переходим к животу, по которому почти в стольких же слоях было распределено десять предметов; я перечислю их в том порядке, в каком они были найдены, начиная с верхних слоев. На левом боку, среди первых нескольких наружных пелен, лежали любопытный Y-образный амулет из листового золота и овальная золотая пластинка (таблица LXXXIII, A), одна прямо над другой. Значение Y-образного амулета неясно. Подобный предмет, изображенный в текстах на гробах Среднего царства, носит название *абт*, или *абет*, которое, по-видимому, означает что-то

вроде жезла; но так как этот знак по форме составляет часть иероглифического детерминатива *мнх* для одежды или полотна, вероятнее, что он как-то связан с пеленами или пеленанием мумии, — тем более что второй предмет, найденный вместе с ним, овальная металлическая пластинка, прямо относится к разрезу в левом боку мумии, через который бальзамировщики извлекали внутренние органы, чтобы сохранить их отдельно, и предназначалась для того, чтобы закрыть этот разрез. Следующим по порядку был Т-образный знак (таблица LXXXIII, A) из листового золота, похожий на чертежную рейсшину. Он был вложен в пелены на левой стороне живота и спускался на верхнюю часть левого бедра. Насколько я могу судить, ему нет подобных, и значение его неизвестно. Талию охватывал узкий чеканный золотой пояс (таблица XXXIV), два передних конца которого спускались до бедер; к нему, по всей вероятности, относятся церемониальный передник и кинжал, найденные на бедрах, — их описание будет дано ниже. Затем шло простое ожерелье из темно-синего фаянса, составленное из крошечных бусин; оно было вложено в пелены на левой стороне живота, поднималось до пупка и спускалось до лобка. У него полукруглые оплечья, но его особое название трудно найти среди расписных текстов об ожерельях на гробах Среднего царства; хотя оно из темно-синего фаянса, возможно, оно должно заменять «Ожерелье из лазурита», у которого, по-видимому, могли быть оплечья либо закругленные, либо в виде соколиных голов. На середине живота лежал золотой обруч, вроде браслета для руки или ноги, инкрустированный цветным непрозрачным стеклом. Он принадлежит к ряду из восьми подобных (четыре пары) (таблица LXXXII, B), различающихся лишь инкрустацией и найденных в

других местах мумии, большей частью на бедрах вплоть до колен. Они чисто погребального свойства.

Когда мы осторожно сняли перечисленные предметы с живота вместе с еще несколькими слоями сильно истлевших пелен, открылся другой чеканный золотой пояс (таблица XXXIV). Под него наискось был заткнут в высшей степени любопытный и красивый кинжал (таблица LXXXVII, A), поистине достойный восхищения: рукоять справа на животе, острие ножен на верхней части левого бедра. Его рукоять украшена ярко-желтой золотой зернью, опоясанной чередующимися полосами перегородчатой работы из полудрагоценных камней и стекла, и у перекрестья оканчивается богатым узором из золотой проволоки в виде цепочки-завитка с каймой в виде витого шнура. В противоположность пышной рукояти клинок кинжала из особо закаленного золота прост и прекрасен по форме. Поверхность его не украшена ничем, кроме глубоких желобков посередине, сходящихся к острию, над которыми — тонко гравированный узор из лилий-«пальметт» под узкой полосой несколько архаического геометрического орнамента. Клинок вложен в богато украшенные золотые ножны. На лицевой стороне ножен — фриз из «пальметт», а все поле покрыто перьевым узором в перегородчатой манере, который у нижнего конца оканчивается головой шакала из чеканного золота (таблица LXXXVIII, A). Узор на обороте во многом еще привлекательнее: на золотой поверхности высоким рельефом вычеканена чрезвычайно любопытная сцена с дикими зверями, наводящая на мысль, что кинжал был охотничьим (таблица LXXXVIII, B). Изображено здесь следующее: под фризом из надписи и завиткового узора — молодой горный козел, на которого нападает лев; скачущий бычок, на спине которого собака-слюги, кусающая его за хвост;

гепард (с кольчатым хвостом), прыгнувший на плечи взрослого горного козла и терзающий его шею, а снизу на антилопу нападает лев; ниже — скачущий бык, которого травит собака; и, наконец, совсем молодой теленок, изображенный в стремительном бегстве. Между превосходно переданными животными — различные растения в условной трактовке; сцена оканчивается внизу пышным растительным узором, который, как и весь замысел украшения кинжала и ножен, говорит о родстве с искусством Эгейских, или Средиземноморских, островов. Однако характер иероглифов картуша царя на навершии и короткой надписи «Бог благой, владыка доблести, Небхепрура» (Тутанхамон) на фризе ножен, а также общая трактовка подробностей и животных, в стремлении к живописности и нарядности, достаточно показывают, что эта превосходная работа сделана руками египтянина, а не чужеземца, каково бы ни было влияние. В этом беглом очерке довольно будет сказать здесь, что эти острова, некогда подвластные египтянам XV века до н. э. и называвшиеся у них «Островами-посреди-моря», были связующим звеном между искусством Нила, Малой Азии и европейских цивилизаций.

(B) The wrapping cloth for the bundle of ceremonial staves (Plate VIII) found within the first shrine. Its colour was a very dark brown, almost black. It shows two threads in one direction to one in the other.

Таблица XXXVIa. Микроскопические образцы тканей, увеличенные в 15 раз. (A) Покров, укрывавший второй ковчег. Он был темно-коричневого цвета, и ткань его была самой грубой из трех. (B) Ткань, в которую была завернута связка церемониальных посохов (таблица VIII), найденная в первом ковчеге. Цвет ее очень темно-коричневый, почти черный. В ней на одну нить в одном направлении приходятся две нити в другом. (C) Покрывало, наброшенное на статуи-стражей у входа в погребальную камеру (т. I, таблица I). По цвету оно было гораздо светлее двух других — темно-кремовое, — а ткань его была легкой, как дымка

Пояс (таблица XXXIV), под который был заткнут кинжал, того же типа, что и первый, уже упомянутый, и отличается лишь

чеканным узором. К его передней застежке, или именной пластинке с оттиснутым картушем царя, был прикреплен передник примерно из двадцати нитей разных фаянсовых и стеклянных бусин, соединенных через промежутки золотыми распорками. Бусины большей частью осыпались со своих истлевших нитей, но по нашим фотографическим снимкам и записям их первоначальный порядок можно восстановить. Посередине задней стороны обоих поясов есть выступающие цилиндрические крепления для церемониальных висячих хвостов, какие видны на изображениях царей на памятниках, свисающими с поясов; в этом случае их действительно нашли под мумией, они спускались между ногами. К несчастью, оказавшись самыми нижними из всех предметов в гробу, эти чрезвычайно любопытные обрядовые хвосты сильно пострадали: они вросли, словно окаменелость в породу, в толстую затвердевшую массу застывших умащений, которыми была залита мумия. Их пришлось высвобождать молотком и долотом, а поскольку они состоят из бусин — один из них из плотной сетки крошечных фаянсовых бусин, сплетенной поверх основы из волокна, — вернуть им первоначальный вид будет очень трудной задачей. Они, по-видимому, совершенно подобны найденным Мейсом и Уинлоком («The Tomb of Senebtisi», с. 70 и далее); и в этом случае оба пояса, передник и хвосты, по-видимому, были сделаны только для гробницы, хотя едва ли можно сомневаться, что это подобия тех, что употреблялись при жизни в обрядах.

С самым нижним слоем украшений, найденных на груди, — тремя последними пекторалями и ожерельем, похожим на нагрудник, — совпадали и в действительности принадлежали к этой группе еще два украшения: 1) пектораль в виде ока *уджат* из ярко-синего фаянса на ожерелье из столь же ярких синих

фаянсовых, гладких желтых золотых и красных золотых цилиндрических бусин с зернью, которые своей яркостью производят впечатление почти первобытной пышности; и 2) вокруг талии — пояс из плотно нанизанных цилиндрических и дисковидных бусин из золота и фаянса, который еще предстоит очистить и собрать заново. Любопытен этот своеобразный членистый, похожий на червя пояс из бусин тем, что он объясняет назначение множества бусин, занимающих видное место среди знаменитых находок египетских украшений Среднего царства в Дахшуре и Лахуне.

Увидев то, что украшало голову и шею, туловище и руки царя, мы должны теперь посмотреть, что было положено на его ноги. Первым предметом, открывшимся нам, когда мы снимали кусок за куском массы подкладок и пелен, которыми бальзамировщики сочли нужным обложить и обмотать бедра, чтобы придать им принятую форму мумии, был церемониальный передник (таблица LXXXIII, B), принадлежавший, по всей вероятности, к первому чеканному золотому поясу, найденному нами на талии. Он составлен из семи золотых пластин, инкрустированных непрозрачным многоцветным стеклом и связанных между собой каймами из бусин. Он спускался от нижней части живота до колен, совпадая по положению и размеру с передниками, изображенными в одеянии египетских царей на памятниках. Рядом с передником, вдоль правого бедра, лежал — и, как я полагаю, тоже принадлежал к тому же поясу, что и передник, — необыкновенно тонкой работы и единственный в своем роде кинжал (таблица LXXXVII, B) в золотых ножнах (таблица LXXXVIII, C). Рукоять кинжала из золота с зернью, через промежутки украшенная поясками перегородчатой работы из цветных камней, и увенчана навершием из точеного горного хрусталя; но

поразительная и единственная в своем роде особенность этого прекрасного оружия в том, что клинок его железный, все еще блестящий и похожий на сталь!

Этот поразительный и исторический факт — если отступить от главного предмета — отмечает один из первых шагов к упадку Египетской державы, величайшей державы бронзового века. Этот металл, железо, три образца которого мы нашли на мумии царя, по всей вероятности, был ввезен хеттами в Египет из Малой Азии во времена Тутанхамона, вероятно, в небольшом количестве, когда его, несомненно, считали редкостью. Немногим более века спустя, когда в Сирии железо начало вытеснять бронзу, одна табличка сообщает, как один из хеттских царей взялся доставить Рамсесу Великому партию этого металла и что фараону в дар был послан железный меч. Для Египта железо — еще один признак чужеземного влияния в эту пору. Если изучать историю Египта, то с этого времени постепенное проникновение чужеземцев становится все заметнее и в конце концов кончается чужеземным владычеством. Бронза не могла устоять против превосходства железа, и как бронза заняла место меди, так железо заняло место бронзы — подобно тому как в наши дни железо уступило место стали.

Оба кинжала — найденный на животе и этот, — как и кинжалы Аххотеп и Камоса в Каирском музее, относящиеся к началу этой династии, по форме чужеземные. Это стиль, проникший в Египет во время нашествия гиксосов. До того рукоять кинжала была иной. Его держали между вторым и третьим пальцами, упирая навершие в ладонь, и потому им кололи прямым ударом, а не били сверху вниз от локтя, как позднейшим видом.

В ямке левого паха был заткнут широкий бочковидный браслет для руки или ноги (таблица LXXXII, B), подобный тем

украшениям, которые изображены на запястьях и лодыжках фигур в настенных росписях частных гробничных часовен и гробниц. Это был единственный образец такого рода, найденный на царе, тогда как, судя по настенным росписям, можно было бы ожидать по меньшей мере одной или трех пар — для плеч, предплечий и лодыжек.

Здесь же мы нашли царские знаки диадемы. Знак Верхнего Египта, голова коршуна Нехбет, лежал на правом бедре у колена, а знак Буто, урей Нижнего Египта, — вдоль левого бедра; как уже говорилось выше, они были положены (таблица XXX, r, s) в верном направлении, соответственно стране, к которой относятся. Остальные украшения на ногах — семь обручей (таблица LXXXII, B), вложенных в три отдельных слоя пелен на бедрах и между ними, и четыре ожерелья перегородчатой работы (таблица LXXXI, A), сложенные и смятые на коленях и голенях. Единственный обруч, найденный на животе, вместе с этими семью составляет ряд из восьми, то есть четыре пары; четыре ожерелья с их привесками, или *манхетами*, составляют две пары одного рода, и каждая пара отличается лишь числом и расположением перегородчатых пластинок, из которых она собрана. В списках на гробах Среднего царства им соответствуют ожерелья на металлической основе с перегородчатой инкрустацией из полудрагоценных камней, хотя в этом случае, поскольку они относятся к Новому царству, настоящие камни заменены подражающим им непрозрачным цветным стеклом.

Наконец, на ступнях были золотые сандалии (таблица XXXV, A), сделанные из листового металла с чеканкой в подражание плетению из тростника. Каждый палец был заключен в отдельный золотой чехол, на котором были выгравированы такие подробности, как ногти и первые суставы пальцев. Вокруг правой

лодыжки был браслет из золотой проволоки довольно простой работы (таблица LXXXII, B).

Этими последними предметами завершается ряд из 143 предметов, тщательно размещенных на голове, шее, груди, животе и конечностях юного царя в 101 отдельной группе.

Я описал их, начиная с головы и идя вниз до ступней, и в каждом случае называл сначала самый верхний предмет, а последним — самый нижний, ближайший к самой мумии. Но надо помнить, что в первоначальном порядке пеленания мумии самые нижние предметы, то есть ближайшие к царю, были положены на мумию первыми, а вложенные в самые верхние пелены — последними.

Предметы можно разделить на два разряда: настоящие личные вещи и вещи чисто религиозные и амулетные. Предметы личного характера гораздо тоньше и прочнее; другие, вообще говоря, менее прочной и более простой работы — они предназначались только для погребения и имели амулетное значение.

Прекрасные пекторали (таблица LXXXIV), быть может, лучшие из перегородчатых ожерелий (таблицы LXXX, LXXXI), большая часть перстней (таблица LXXXV) и браслетов (таблицы XXXIII, LXXXVI), кинжалы (таблица LXXXVII) и диадема (таблица LXXV) были — в этом мало сомнений — личными украшениями; а различные прочие ожерелья и амулеты из чеканного листового золота, инкрустированные амулеты, ожерелья из бусин, чехлы на пальцы ног и рук, сандалии, передник и символические хвосты предназначались лишь на пользу умершему царю.

Эти прекрасные вещи позволяют живо представить себе работу искусных мастеров Фив. Мастера фиванского двора, естественно, были отборными людьми, и здесь, в этой находке, мы можем разглядеть утонченность их искусства. Я говорю —

утонченность, потому что сама техника во многих отношениях, быть может, не так хороша по отделке и простоте, как у ювелиров Среднего царства; но если техническое мастерство и не столь высоко, вкус, который здесь проявился, превосходит все наши ожидания. Особенно если вспомнить, что перед нами вещи самого конца XVIII династии. Некоторая пышность и недостаток тщательной отделки, которые здесь, возможно, заметны, — лишь шаги к упадку, подступавшему вместе с железом и другими чужеземными влияниями. И все же лучшим нашим золотых дел мастерам и ювелирам нелегко было бы превзойти ту утонченность, какая есть в этих царских украшениях.

По множеству вещей на мумии, которые я смог описать здесь лишь бегло, мы начинаем понимать, с какой роскошью, по-видимому, было в обычае украшать бренные останки древних фараонов, погребенных в Долине. Это внушительно открывает нам сокровенные чувства этого древнего народа к своим умершим — чувства, которые, хотя во многом и скрыты, время от времени проявляются у нынешних египетских крестьян. Об умерших они обычно думают прежде всего на всех своих праздниках. Рано утром после молитвы они собираются, чтобы посетить могилы родных, особенно в начале праздника Эль-Ид эс-Сугейир (Малого праздника), в первый день месяца шавваль после рамадана (месяца поста), когда они, как я видел в Фивах, несут пальмовые ветви, чтобы положить их на могилы, и берут с собой разную снедь, чтобы раздать бедным в честь своих умерших. Позже, одетые в лучшее и самое новое платье, они навещают живых друзей.

Прежде чем закончить этот рассказ, я должен упомянуть, что обугленные останки самой мумии не сохранили следов причины или причин смерти юного царя; но масса пелен, украшений и

амулетов по крайней мере показала нам, с какой заботой отнеслись к его бренным останкам и к его будущей жизни. Это чувство, это понимание и эту заботу нельзя выразить лучше, чем словами сэра Гарднера Уилкинсона, который выполнил столько замечательных исследований в Египте в первой половине прошлого века:

> «Любовь и почтение выказывались государю не только при жизни, но сохранялись к его памяти и после его смерти; и то, как совершались его похороны, показывало, что, хотя благодетеля их уже не было, они хранили благодарное чувство за его доброту и восхищение его добродетелями. И что, говорит историк [имеется в виду Диодор], может служить большим свидетельством искренности, свободной от всякой тени притворства, чем почести, оказываемые, когда тот, кто их заслужил, уже не живет, чтобы видеть честь, воздаваемую его памяти?»

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ОТЧЕТ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ МУМИИ ТУТАНХАМОНА

✦

Дуглас Э. Дерри

В Каирском музее древностей можно увидеть мумии многих самых прославленных фараонов Древнего Египта — царей, оставивших после себя великие памятники, великолепные храмы и колоссальные статуи; имена их стали столь же привычны, как имена нынешних монархов, хотя отделены от них во времени тридцатью — сорока веками. Мало кто ожидал, что царь неясного происхождения, царствовавший недолго и без особых событий, однажды привлечет внимание всего мира, — и не благодаря собственной славе, а по одной-единственной причине: гробницы всех других фараонов, найденные до сих пор, были разграблены еще в древности, а гробница Тутанхамона оказалась практически нетронутой. В тесном пространстве этой маленькой гробницы было собрано такое множество царского имущества, какого еще никто никогда не видел. Каким же тогда должно было быть содержимое гробниц Сети I, Рамсеса III и других, где в одном только зале могли бы уместиться все богатства гробницы Тутанхамона? Но в гробницу каждого из этих монархов проникали воры, и не раз и не два, а снова и снова, пока от первоначальной погребальной утвари не осталось ни клочка. Пелены царских мумий разрывали в поисках драгоценностей, а в некоторых случаях сильно повреждалось и само тело. Большинство царских мумий жрецы перепеленывали по меньшей мере однажды,

многие — не один раз, но грабежи не прекращались, и в конце концов тела многих царей и цариц пришлось перенести в особые тайники; их обнаружили лишь в недавнее время, после новых краж, и тогда мумии доставили в Каирский музей. При столь частых потревоживаниях неудивительно, что подлинность некоторых мумий вызывает сомнения: их вынимали из собственных гробов и перезахоранивали в других, нередко более позднего времени. За одним-двумя исключениями, ни один фараон не был найден в своей первоначальной гробнице, лишь немногие — в собственных гробах, и никого, кроме Тутанхамона, не видели в тех пеленах, гробах, саркофаге и гробнице, где его первоначально упокоили.

Здесь уместно сказать несколько слов в защиту развертывания и исследования мумии Тутанхамона. Многие считают такое исследование чем-то вроде святотатства и полагают, что царя следовало оставить в покое. Из сказанного мною о непрекращавшихся ограблениях гробниц с древнейших времен до наших дней будет понятно, что, раз уж сделано такое открытие, как гробница Тутанхамона, и стало известно о богатстве находящихся в ней предметов, оставлять в гробнице хоть что-нибудь ценное — значит навлекать беду. Знание того, что в нескольких футах под землей скрыты предметы огромной ценности, непременно вызвало бы попытки ими завладеть; сильная охрана, возможно, какое-то время и не дала бы таким попыткам увенчаться успехом, но малейшее ослабление бдительности было бы тотчас использовано, и предметы, которые теперь навсегда в безопасности в Музее древностей, были бы уничтожены, а другие появились бы в более или менее поврежденном виде в руках торговцев, через которых вскоре разошлись бы по всему цивилизованному миру. Ценность

собрания, сохраненного целиком, для науки неизмерима, а то, что выставка этих древних произведений искусства дает публике и знания, и радость, само по себе — довод огромного веса в пользу их хранения в музее. Тот же довод относится и к развертыванию царя: его тело тем самым избавлено от грубых рук грабителей, охотников за драгоценностями, в изобилии уложенные на нем. Кроме того, история обогащается сведениями, которые может дать анатомическое исследование, а в этом случае, как будет подробно показано ниже, они оказались весьма важными.

Сохранение мертвого тела, доведенное древними египтянами в искусстве мумификации до высшего совершенства, всегда вызывало величайший интерес. Об этом написано много, а способы, применявшиеся в разные эпохи, исследовал профессор Эллиот Смит[1] на царских мумиях, хранящихся в Музее древностей, а также на ряде мумий жрецов и жриц XXI династии.[2] Благодаря этим и другим исследованиям у нас есть довольно ясное представление о том, как проводилось бальзамирование. И все же едва ли можно сомневаться, что успехом своим оно во многом обязано на редкость сухому климату Египта; без него сомнительно, чтобы даже самое совершенно забальзамированное тело сохранилось неизменным, как сохранились некоторые, почти четыре тысячи лет. У громадного большинства исследованных мумий внутренние органы, как оказалось, удалены через отверстие, сделанное в брюшной стенке. Так избавлялись от частей, наиболее подверженных разложению, а последующее погружение тела в соляную ванну, казалось, вполне объясняло превосходные результаты. Но недавно мистер Г. Э. Уинлок и я описали серию самых совершенных из исследованных до сих пор мумий из гробниц вблизи храма Ментухотепа XI династии в Дейр-эль-Бахри: у них нет ни брюшного, ни какого-либо другого

разреза, и ни один орган не извлечен. Столь же совершенная сохранность без мумификации видна и в останках некоторых людей додинастического населения Египта, но их обычно хоронили в песке без гробов, и быстрое высыхание, которое вызывали жара и хорошие дренажные свойства песка, вполне понятно. Случай с только что упомянутыми мумиями XI династии на первый взгляд совсем иной: их тщательно пеленали и клали в гробы и саркофаги, так что можно было ожидать, что они пострадают от замкнутой внутри влаги; тем не менее, как уже сказано, они принадлежат к самым совершенным образцам искусственного сохранения, какие только доводилось видеть, и внимательное изучение всех обстоятельств, по-видимому, указывает, что главной причиной такого результата была крайняя сухость местности, где их нашли.

[1] «Catalogue Général des Antiquités Égyptiennes du Musée du Caire. The Royal Mummies».

[2] «A Contribution to the Study of Mummification in Egypt» (Mémoires de l'Institut Égyptien, tome V, fascicule I, 1906).

Впрочем, такие способы — или отсутствие их — редки, и уже в следующей, XII династии, как показывают мумии некоторых вельмож, найденные в Саккаре, внутренности удаляли через отверстие в брюшной стенке; есть свидетельства, что так делали и еще раньше. Способ сохранения тела в XVIII династии, к концу которой принадлежит Тутанхамон, описал профессор Эллиот Смит в упомянутом каталоге. Он исследовал большинство царей XVIII династии, и среди них некоторых предков Тутанхамона.

К сожалению, большие сомнения вызывает верность опознания мумии, считающейся мумией Аменхотепа III, деда Тутанхамона. Профессор Эллиот Смит указывает, что способы, примененные при сохранении этого царя, и в особенности

любопытный обычай подкладывать под кожу конечностей, туловища, шеи и т. д. различные материалы, чтобы по возможности вернуть мертвому телу какое-то сходство с его прижизненным обликом, появились лишь в XXI династии, почти на три столетия позже. Поэтому, возможно, здесь перед нами пример ошибок, которые легко случались, когда из-за частых ограблений гробниц и осквернения тел жрецы брались переносить и перепеленывать мумии. Эта мумия лежала в гробу гораздо более позднего времени с именами трех царей, среди которых было и имя Аменхотепа III, — отсюда и опознание; но, вероятно, это тело человека более поздней эпохи.

Это утверждение находит дальнейшее подтверждение при исследовании потомков Аменхотепа: маловероятно, чтобы такой способ, появись он при Аменхотепе III, был оставлен при его ближайших преемниках. От его сына Эхнатона, правда, у нас сохранились почти одни кости, но если бы его тело и конечности были набиты так, как описывает профессор Эллиот Смит у его предполагаемого отца, какие-то следы этого, несомненно, остались бы. У Тутанхамона, как мы увидим, применены способы, принятые в его династии, и они очень близко совпадают с описаниями профессора Эллиота Смита для других, бесспорных мумий того времени. Поэтому приходится с сожалением заключить, что мумия Аменхотепа III пока не опознана.

Исследование мумии царя Тутанхамона началось 11 ноября 1925 года совместно с доктором Салех-беем Хамди. Когда мы впервые увидели мумию, она лежала в гробу, прочно приклеенная к нему смолистым веществом, которое вылили на тело, уже уложенное в гроб. Голову и плечи, спускаясь далеко на грудь, закрывала прекрасная золотая маска — изображение лица царя, его головного убора и ожерелья. Снять ее было нельзя: она тоже

была приклеена ко дну гроба смолой, высохшей до каменной твердости. Мумия была завернута в полотнище, которое удерживали бинты, проходившие вокруг плеч, бедер, колен и лодыжек. С самого начала было ясно, что ни о каком последовательном развертывании не может быть и речи: бинты были крайне хрупкими и рассыпались от прикосновения. По-видимому, причиной было то, что при погребении внутрь попала влага, а также разложение умащений, которое вызвало сильный нагрев и тем самым своего рода самовозгорание, обуглившее пелены. Такое наблюдалось не раз и породило мнение, будто мумии в таком состоянии были сожжены. Другие факты, уже отмеченные доктором Картером, свидетельствуют о том же действии сырости. Будь гробница совершенно сухой, ткани остались бы в безупречном состоянии.

Поскольку все работы приходилось вести, не вынимая мумию из гроба, доктор Картер предложил укрепить верхние слои бинтов расплавленным парафином, чтобы их можно было надрезать и отвернуть, меньше нарушая первоначальное расположение. Так и сделали, и когда парафин застыл, по средней линии пелен мумии провели разрез от нижнего края маски до ступней. Он проник лишь на несколько миллиметров, и оба получившихся лоскута отвернули в стороны. Показался ряд предметов, заключенных между слоями бинтов, и с этого времени бинты пришлось снимать по частям, чтобы открыть предметы, пронумеровать, записать и сфотографировать их, прежде чем к ним прикоснуться. На протяжении всей этой части работы, по необходимости медленной, было заметно, как все сильнее распадаются пелены. Во многих местах они превратились в прах, и ни разу не удалось снять целым сколько-нибудь длинный кусок бинта или полотнища. Поэтому проследить систему пеленания

было невозможно, хотя это легко сделать, когда состояние пелен мумии позволяет снимать слой за слоем бинты, полотнища или настоящую одежду, которые могли применяться на последних стадиях обряда мумификации. Насколько удалось установить, у Тутанхамона соблюдались общие правила пеленания, знакомые нам по мумиям и подробно описанные профессором Эллиотом Смитом в его каталоге царских мумий Каирского музея древностей. Многочисленные свертки полотна были уложены так, чтобы заполнить неровности, образованные предметами, вложенными в бинты, — тогда бальзамировщик мог гладко накладывать бинты вокруг тела и конечностей.

Часть полотна, в которое был завернут царь, была подобна тончайшему батисту — особенно то, что встретилось в самом начале исследования, и снова то, что лежало непосредственно на теле. Промежуточные бинты были более грубой выделки, а на одной из стадий вдоль передней стороны тела до колен были уложены сложенные полотнища, удерживаемые поперечными бинтами. Обычай использовать огромное количество полотна в виде сложенных полотнищ, по-видимому, был распространен в XII династии: одно такое полотнище, снятое мною с мумии вельможи, имело 64 фута в длину и 5 футов в ширину и было сложено так, что получался покров в восемь слоев. В своем отчете о снятии бинтов с мумии, именуемой Аменхотепом III (в указанном выше сочинении), профессор Эллиот Смит отмечает несколько сложенных полотнищ, а также «несколько скаток бинта… перед телом, по-видимому оставленных там по недосмотру». Эти скатки вполне могли первоначально служить для заполнения промежутков и неровностей между конечностями и телом — так делали часто, в мумиях всех эпох, и с той же целью, что и там, где ими выравнивали погребальные украшения, положенные на тело.

На груди бинты шли попеременно перекрестными и поперечными слоями; перекрестные бинты проводили через одно плечо, затем вокруг тела и обратно через противоположное плечо. В промежности перекрестное расположение бинтов было хорошо видно, хотя проследить, как его добивались, не удалось — и из-за хрупкости пелен, и потому, что на этой стадии тело нельзя было вынуть из гроба.

Все конечности были запеленаты по отдельности, прежде чем их охватили бинты, обвивавшие тело целиком. Руки были уложены так, что царь лежал с предплечьями поперек тела: правое предплечье покоилось на верхней части живота, кисть — на гребне левой подвздошной кости. Левое предплечье лежало выше, на нижних ребрах, кисть — на правой стороне груди, между грудью и правым плечом. Оба предплечья от локтевого сгиба до запястья были унизаны браслетами. Все пальцы рук и ног были забинтованы по отдельности, затем на каждый надели золотой напальчник (таблица XXXV, A), и лишь после этого накладывали бинт, закрывавший всю кисть или стопу. На ноги золотые сандалии (таблица XXXV, A) надевали одновременно с напальчниками, после того как наложили первые несколько слоев бинта, чтобы перемычку сандалии можно было пропустить между большим и вторым пальцами, — а затем все обертывали бинтом.

Когда забинтованную голову впервые открыли, оказалось, что ее верх увенчан двойным обручем, лежавшим поверх бинта, охватывавшего голову. Этот обруч, напоминавший головной шнур бедуинов, но гораздо меньшей толщины, состоял из какого-то растительного волокна, туго обмотанного бечевкой (см. выше, таблица LXXVI). Круговой бинт, в свою очередь, удерживал полотнище, проходившее через голову и лицо. Под этим полотнищем бинты шли попеременно через голову и поперек,

вокруг головы и лица. Когда лицо наконец открыли, ноздри оказались заткнуты смолистым веществом, а слой его был наложен на глаза и между губами.

Общий вид головы (таблицы XXXI, XXXII)

Голова, по-видимому, чисто выбрита, кожа на ней покрыта беловатым веществом, вероятно, из жирных кислот. Две ссадины на коже над верхней частью затылочной кости, вероятно, были вызваны давлением диадемы, которую охватывали туго намотанные головные бинты. Затычки в ноздрях и вещество, наложенное на глаза, по исследованию Лукаса, оказались тканью, пропитанной смолой. Лукас исследовал также беловатые пятна на коже верхней части спины и плеч; они оказались состоящими из «поваренной соли с небольшой примесью сульфата натрия» — по всей вероятности, из натра, примененного при бальзамировании. Глаза приоткрыты, и их никак не трогали. Ресницы очень длинные. Хрящевая часть носа отчасти сплющена давлением бинтов. Верхняя губа слегка приподнята, так что видны крупные центральные резцы. Уши маленькие, красивой формы. В мочках ушей проколоты круглые отверстия диаметром 7,5 мм.

Кожа лица сероватого цвета, сильно растрескавшаяся и ломкая. На левой щеке, чуть впереди мочки уха, — округлое углубление; кожа, заполняющая его, похожа на струп. По окружности углубления, края которого слегка приподняты, кожа изменила цвет. Какова была природа этого поражения, сказать невозможно.

Полностью открытая голова оказалась очень широкой, с плоским верхом (платицефалия) и заметно выступающим затылком. Даже с поправкой на усыхание и кожи головы, и задних

мышц шеи этот выступ все же примечателен. Левая сторона затылка заметно выпячена, а область позади брегмы вдавлена. Общая форма головы, весьма необычного типа, так схожа с головой его тестя Эхнатона, что более чем вероятно близкое кровное родство двух этих царей. Подобное утверждение, сделанное об обычном типе египетского черепа, справедливо можно было бы счесть малозначительным, но вес сравнения возрастает, если вспомнить, что необычная форма черепа царя Эхнатона привела профессора Эллиота Смита, впервые исследовавшего его в 1907 году, к заключению, что царь-реформатор страдал гидроцефалией. Последующее исследование этой теории не подтвердило — главным образом потому, что уплощенность черепа Эхнатона резко отличается от формы головы в известных случаях гидроцефалии. При ней давление жидкости в мозгу на податливые стенки черепа естественно придает ему шаровидную форму, особенно в лобной части, а это прямо противоположно тому, что видно на черепе Эхнатона. Поэтому то, что голова Тутанхамона почти в точности повторяет голову его тестя, не только окончательно опровергает теорию гидроцефалии, но и делает довод в пользу очень близкого родства чрезвычайно убедительным. Довод этот приобретает еще больший вес, если сравнить размеры обоих черепов. Ширина 154,0 мм у Эхнатона, как отметил профессор Эллиот Смит, — «совершенно исключительная ширина для египетского черепа», а у его зятя ширина составляет 156,5 мм. Если учесть толщину кожи головы, поверх которой у Тутанхамона по необходимости делались все измерения и которая, по замеру особым инструментом, не превышала 0,5 мм, ширина самого черепа равна 155,5 мм, то есть превосходит ширину черепа его тестя, которая, как мы видели, «совершенно исключительная». Соответствующие

размеры обоих черепов, насколько их можно справедливо сравнивать при разных условиях исследования, удивительно схожи и делают вероятность кровного родства почти уверенностью.

Изображение Тутанхамона на золотой маске представляет его кротким юношей с утонченными чертами. Те, кому выпала честь увидеть его подлинное лицо, когда его наконец открыли, могут засвидетельствовать мастерство и точность художника XVIII династии, который так верно передал черты и оставил навеки, в нетленном металле, прекрасный портрет молодого царя.

Полость черепа была пуста, если не считать некоторого количества смолистого вещества, введенного через нос так, как это делали бальзамировщики той эпохи после того, как тем же путем извлекали мозг.

Правые верхний и нижний зубы мудрости только что прорезались сквозь десну и доходили примерно до половины высоты второго коренного зуба. Левые разглядеть было труднее, но, по-видимому, они находились на той же стадии прорезывания.

Общий вид тела и конечностей

Растрескавшаяся и ломкая кожа, о которой уже говорилось при описании головы и лица, на теле и конечностях была в еще худшем состоянии. Брюшная стенка заметно выпячивалась справа. Оказалось, что набивочный материал протолкнули поперек брюшной полости с левой стороны, где находится разрез для бальзамирования. Это отверстие с неровными краями имеет в длину примерно 86 мм и расположено параллельно линии, проведенной от пупка к передней верхней подвздошной ости, на дюйм выше этой линии. Открыли его лишь после удаления

обугленной массы, по-видимому смолы, поэтому разрез мог быть длиннее, чем видно теперь: твердость приставшей массы мешала определить границы раны. Края раны завернуты внутрь, потому что живот туго набили массой из полотна и смолы, теперь твердой как камень. Пластины из золота или воска, которую так часто находят на разрезе для бальзамирования, не было, но при снятии пелен слева, между слоями бинтов, близ отверстия в брюшной стенке, нашли овальную золотую пластину (см. выше, таблица XXX). Разрез расположен несколько иначе, чем описанный профессором Эллиотом Смитом у исследованных им царских мумий: у них он обычно шел более вертикально, в левом боку, от нижних ребер до передней верхней подвздошной ости. В более позднее время разрез чаще делали в нижней части брюшной стенки, параллельно паховой линии, но всегда слева; бывали, впрочем, и возвраты к старому месту, и сомнительно, чтобы положение разреза имело какое-либо значение. Лобковых волос видно не было, и нельзя было сказать, было ли сделано обрезание; половой член был выведен вперед, обернут отдельно и затем удерживался в итифаллическом положении бинтами промежности.

Кожа ног, как и всего тела, была серовато-белого цвета, очень ломкая и вся в трещинах. Исследование одного ее куска показало, что он состоит не только из кожи, но и из всех мягких тканей до самой кости, которая обнажалась, когда такой кусок отделялся; вся толщина кожи и тканей в этом месте не превышала двух-трех миллиметров. Края излома походили на клей. Почти нет сомнения, что это следствие упомянутого самовозгорания. Левый надколенник (таблица XXXV, B) вместе с покрывающей его кожей удалось приподнять, и тогда открылся нижний конец бедренной кости с эпифизом, который оказался отделенным от диафиза и

свободно подвижным. Эпифизом называют ту часть кости, которая окостеневает отдельно и со временем срастается с основной костью. В костях конечностей эпифизы образуют главную часть верхних и нижних концов. В молодости они соединены с основной костью хрящом, который в конце концов полностью превращается в кость, и тогда рост прекращается. Средний возраст сращения всех эпифизов известен, поэтому приблизительный возраст можно определить в каждом случае, когда сращение еще не завершено.

Конечности казались очень усохшими и истонченными, но даже с должной поправкой на крайнее усыхание тканей и впечатление истощения, которое оно создает, все же очевидно, что Тутанхамон был хрупкого сложения и, возможно, ко времени смерти еще не вполне вырос.

Прямые измерения дали ему рост около 5 футов 4¼ дюйма, но это почти наверняка меньше его прижизненного роста — из-за упомянутого усыхания. Оценка прижизненного роста по размерам главных костей конечностей, вычисленная по формулам профессора Карла Пирсона,[3] дает рост 1,676 метра (5 футов 6 дюймов), что, вероятно, очень близко к истине. При содействии Р. Энгельбаха автор измерил две деревянные статуи молодого царя, ныне находящиеся в Музее древностей; они стояли по обе стороны запечатанного прохода в погребальную камеру и изображают его таким, каким он был при жизни. Измерения делали от корня носа до подошвы стопы: назион — единственная анатомическая точка на головах статуй, которую можно было определить с какой-то точностью, так как настоящую высоту головы у статуй скрывает головной убор. У двух статуй эта мера — высота от подошвы до корня носа — составила соответственно 1,592 и 1,602 метра. Затем к ней нужно было прибавить

расчетную высоту от этой точки до макушки. По измерениям фотографий самого царя, а также по ряду наблюдений над египетскими черепами она была оценена в 8–9 см, что вместе с уже приведенной высотой статуй дает результат, отличающийся лишь на несколько миллиметров от роста, вычисленного по костям.

[3] «Phil. Trans. of the Royal Society», т. 192, с. 169–244.

Свидетельства о возрасте царя в момент смерти дала степень сращения или несращения эпифизов. Как уже говорилось, растрескавшиеся кожа и ткани над бедренной костью позволяли ясно видеть ее нижнюю, несросшуюся часть. Эта часть срастается с диафизом около двадцати лет. На верхнем конце бедренной кости выступ, называемый большим вертелом, почти целиком приращен к основной кости, но с внутренней его стороны хорошо видна явная щель с гладкой хрящевой поверхностью, где сращение еще не завершилось. Этот эпифиз прирастает около восемнадцатого года. Головка бедренной кости соединена с шейкой, но линия сращения ясно видна по всему краю суставной поверхности. Этот эпифиз также срастается примерно на восемнадцатом-девятнадцатом году. Верхний конец большеберцовой кости тоже не сросся, а нижний, по-видимому, сросся полностью. Поскольку эта часть большеберцовой кости обычно срастается с диафизом около восемнадцати лет, Тутанхамону, судя по костям нижних конечностей, ко времени смерти было, видимо, больше восемнадцати, но меньше двадцати лет.

Но для определения возраста у нас есть не только эти кости. Удалось исследовать и верхние конечности. Здесь головки плечевых костей, срастающиеся около двадцати лет, еще не

приросли, а нижние концы полностью соединены с диафизом. У современных египтян семнадцати лет при рентгеновском исследовании нижний конец плечевой кости, как и эпифиз, покрывающий внутренний надмыщелок, оказывается полностью сросшимся с диафизом; так что если то, что наблюдается в Египте сегодня, применимо к молодому царю, то Тутанхамону, очевидно, при смерти было больше семнадцати. Нижние концы лучевой и локтевой костей у современных египтян в большинстве случаев почти или вовсе не срастаются до восемнадцати лет, а после этого срастаются довольно быстро. Сращение начинается с внутренней стороны локтевой кости и идет кнаружи, постепенно захватывая лучевую. У Тутанхамона сращение в локтевой кости, по-видимому, началось, но дистальный конец лучевой кости совершенно свободен: никакого костного сращения между диафизом и эпифизом не началось. По состоянию описанных эпифизов можно заключить, что царю в момент смерти было около восемнадцати лет. Ни один из эпифизов, которые должны срастаться около двадцатого года, не обнаруживает признаков сращения. Есть свидетельства, что в Египте эпифизы в среднем срастаются несколько раньше, чем обычно в Европе.

Уже говорилось об эпифизе внутреннего надмыщелка плечевой кости, который в Египте полностью прирастает к диафизу примерно к семнадцати годам, и об эпифизах нижнего конца лучевой и локтевой костей, которые начинают срастаться около восемнадцати. Отсутствие какого-либо окостенения здесь можно было бы счесть свидетельством того, что Тутанхамону при смерти не было восемнадцати; но против этого говорят полное сращение нижнего конца большеберцовой кости, обычно около восемнадцати лет, а также положение дел на верхнем конце бедренной кости, где большой вертел, также прирастающий около

восемнадцати лет, за исключением очень маленького участка сросся с основной костью, а головка той же кости, хотя линия сращения ясно видна по всей окружности, все же соединена с шейкой.

Таким образом, в приблизительном возрасте царя сомневаться почти не приходится, но следует помнить, что приведенные сроки — средние и к ним допустимо прибавить или отнять около года, так что Тутанхамону могло быть от семнадцати до девятнадцати лет, хотя совокупность свидетельств решительно склоняется к средней цифре — восемнадцати.

Следующая таблица показывает сходство размеров, снятых с черепа Эхнатона и с головы Тутанхамона.

	Эхнатон	**Тутанхамон**
Длина черепа	190,0	187,0
Ширина черепа	154,0	155,5
Высота черепа	134,0	132,5
Ширина лба	98,0	99,0
Высота лица: верхняя	69,5	73,5
Высота лица: полная	121,0	122,0
Ширина челюсти	99,5	99,0
Окружность головы	542,0	547,0
Рост, вычисленный по костям конечностей	1,66 метра (5 футов 5¼ дюйма)	1,68 метра (5 футов 6 дюймов)

Хотя исследование молодого царя не дало ключа к причине его ранней смерти, оно все же прибавило кое-что к немногим известным фактам истории той эпохи. Возраст Тутанхамона в момент кончины и вероятность того, что он был кровным родственником Эхнатона, — важные свидетельства для

воссоздания событий того времени, и они сыграют свою роль, когда будет написана история этой эпохи.

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ХИМИЯ ГРОБНИЦЫ

✦

А. Лукас

Здесь предполагается описать с чисто химической стороны материалы, из которых устроена гробница, и состав некоторых найденных в ней предметов. Описание будет по возможности нетехническим, и, хотя химических анализов сделано очень много, процентного состава мы приводить не станем; вместо этого результаты даются в виде выводов, вытекающих из внимательного рассмотрения анализов, а также из долгого и разностороннего опыта работы с материалами вообще и с египетскими материалами в особенности.

Гробница вместе с ведущими к ней ступенями высечена в сплошной скале. Эта скала — белый аморфный известняк с включениями кремня и кремнистых масс, нередко довольно крупных, а местами и с прожилками кальцита.

Наружный проход гробницы, как и три внутренних, был заложен камнями известняка неправильной формы, сложенными без раствора, но снаружи густо покрытыми светлой серой штукатуркой, до сих пор очень твердой и прочной; по составу она соответствует жженому гипсу, а серый цвет ей придает небольшая примесь недогоревшего топлива.

О природе штукатурки, которой пользовались древние египтяне, существует немало ошибочных представлений, и ее обычно описывают неверно, часто как известковую. На самом же деле это просто обожженный и истолченный в порошок природный гипс. Гипс широко распространен в Египте и

добывается в наше время в окрестностях как Каира, так и Александрии, а также в полосе, тянущейся от Каира на юг до Бени-Суэфа. Есть небольшие местные залежи и в других местах, но имеются ли такие поблизости от Фив, неизвестно.

Помимо штукатурки, гипс служил в Древнем Египте и строительным раствором, например при возведении пирамид в Гизе и храмов Карнака; никаких же следов применения извести в Египте для какой бы то ни было цели до времени римского владычества не найдено.

Кроме штукатурки на проходах, в гробнице немало и другой штукатурки: ею заделывали трещины и неровности в стенах лестницы, наклонного входного коридора и передней камеры; ею же исправили несколько ступеней, а также проход у подножия лестницы там, где их срубали, чтобы пронести предметы, слишком большие для первоначального входа; ею покрыта стена в северном конце передней камеры, возведенная, чтобы отгородить погребальную камеру, а также все четыре стены этой последней, где ею выравнивали поверхность перед росписью. Вся эта штукатурка — обожженный природный гипс, такой же, какой изготовляют и применяют в Египте в наше время. На восточной стене передней камеры есть немного глиняной штукатурки, покрытой тонким слоем углекислой извести, то есть побеленной, чтобы она походила на остальную штукатурку; такая же побелка есть и на деревянной перемычке первого прохода.

Бросающаяся в глаза особенность передней камеры — розовый цвет, видный повсюду, не только на стенах, но и на потолке и даже на полу. Этот розовый цвет, хотя он особенно заметен на штукатурке, не ограничивается ею и встречается также на неоштукатуренной поверхности скалы. На скале, однако, розовый цвет лежит лишь отдельными пятнами, а в нескольких

местах, где проходят прожилки кальцита, окраска алая. Этот цвет не первоначальный и не нанесен намеренно, о чем свидетельствует, например, его присутствие на полу; он вызван химическими изменениями, которые произошли в соединениях железа на поверхности штукатурки и камня.

При осмотре предметов из гробницы обнаружилось, что многие из них претерпели изменения и порчу, какие могли произойти только при участии тепла и влаги. Следовательно, в гробнице в какой-то период было и жарко, и сыро. К сожалению, обстоятельства не позволили определить ни температуру, ни влажность, когда гробницу вскрыли впервые, и хотя позже было сделано несколько наблюдений, они вовсе не обязательно имеют какое-либо отношение к условиям, бывшим в ней либо при первоначальном закрытии гробницы, либо при ее вскрытии в 1922 году.

Влажность объяснить нетрудно. Во-первых, штукатурку на стенах и в проходах неизбежно наносили сырой, и всякая влага сверх той, что нужна для химического соединения, испарялась в воздух; а поскольку гробница, состоящая всего из четырех небольших помещений, была закрыта прежде, чем штукатурка успела высохнуть, уже одно это должно было создать значительную влажность. Во-вторых, влага от дыхания и кожи людей, которые готовили гробницу, ставили ковчеги, вносили и расставляли предметы, не могла быть ничтожной. В-третьих, немного влаги испарялось из органических материалов, таких как дерево и ткани. И в-четвертых, гробница лежит на самом низком уровне Долины и близко к поверхности скалы, которая могла отсыреть от сильных дождей, выпадающих здесь примерно раз в десять лет. Нет, однако, никаких признаков того, чтобы в гробницу когда-либо проникала сама вода.

Жара в гробнице — естественное следствие ее положения в Долине, где температура обычно высока, а летом очень высока.

Насколько можно установить, никакой жизни, даже самой низшей формы, в гробнице в момент находки не было. Так, наутро после того, как вскрыли запечатанный проход в погребальную камеру, стерильные тампоны внесли в самый дальний угол камеры близ задней стороны ковчегов, ярдов на шесть дальше тех мест, где кто-либо ступал за последние более чем 3000 лет, и провели ими по стенам, по дну внешнего ковчега и под тростником на полу. Эти тампоны любезно предоставил доктор А. К. Тайсен из бактериологической лаборатории Королевского военно-морского кордитного завода близ Уэрема, и в этой же лаборатории их исследовал г-н Х. Дж. Банкер. Из пяти тампонов, с которых сделали посевы, четыре оказались стерильными, а на пятом нашлось несколько организмов, несомненно занесенных из воздуха неизбежно при вскрытии прохода и последующем осмотре камеры и к гробнице не относящихся; можно считать, что никакой бактериальной жизни там не было вовсе. Следовательно, опасности заразиться болезнетворными микробами, о которой так часто предупреждали работающих в гробнице, не существует.

Отсутствовала не только бактериальная жизнь, но и жизнь в любой форме. На стенах погребальной камеры есть грибковые наросты, столь обильные, что сильно обезображивают стены; встречаются они, хотя и в малой степени, и на стенах передней камеры, и на внешней стороне саркофага, но во всех случаях грибок сухой и, по всей видимости, мертвый. Попадаются и насекомые, но и они мертвы. Ради научного интереса образцы собрали и передали г-ну Э. У. Адэру, энтомологу Министерства земледелия в Каире, а тот переслал их г-ну А. Альфиери, энтомологу Королевского сельскохозяйственного общества в

Каире, который их и определил. Это оказались главным образом мелкие жуки из тех, что питаются мертвым органическим веществом и разрушают его; все они принадлежат к видам, обычным в Египте и поныне, и за 3000 лет ни размер их, ни строение ничуть не изменились. Нашли также паутину и останки мелких пауков. В различных деревянных предметах тоже есть отверстия, явно проделанные насекомыми, и, судя по имеющейся трухе, повреждение произошло, очевидно, тогда, когда предметы уже находились в гробнице.

Теперь мы рассмотрим важнейшие из материалов гробницы, исследованных до настоящего времени, и для удобства сделаем это в алфавитном порядке.

Клеящие вещества были представлены широко; к ним относились клей, смола, пчелиный воск и гипс.

Клей был хорошо известен в Древнем Египте, и можно описать один недавно исследованный образец. Его несколько лет назад нашел доктор Говард Картер в скальной камере над заупокойным храмом царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри: клей был отлит и первоначально имел прямоугольную форму, но теперь он съежился и покоробился от высыхания; по виду его нельзя отличить от современного клея, и он до сих пор дает обычные реакции.

Осмотр предметов из гробницы показывает, что клеем в Древнем Египте пользовались точно так же, как современный столяр: им склеивали дерево и закрепляли на месте облицовку и инкрустацию из черного дерева и слоновой кости. Его также смешивали с мелом, получая левкас (особый род грунта, которым покрывали дерево перед золочением и, как правило, перед росписью), им прикрепляли левкас к основе и наклеивали золотую фольгу на левкас.

Смола была другим широко применявшимся клеящим веществом: ею замазывали крышки алебастровых сосудов и закрепляли в гнездах инкрустацию из камня, стекла или фаянса. Иногда смолу смешивали с мелом; такую смесь ювелиры употребляют и сегодня, а смола служит и главной составной частью многих мастик, которыми насаживают ручки современных ножей и вилок. Когда этой мастикой крепили инкрустацию, впечатление усиливали тем, что мастику окрашивали в цвет вставки: так, у синей инкрустации была синяя мастика, а у красной — красная. Точно так же инкрустацию из прозрачного кварца или просвечивающего кальцита закрепляли красной мастикой, которая заметно улучшает вид камней, придавая им сходство с сердоликом.

Пчелиный воск — еще одно найденное клеящее вещество; им замазывали крышки нескольких алебастровых сосудов. Наконец, клеящим веществом служил и **гипс**, о котором уже говорилось в связи со штукатуркой и строительным раствором; но его употребляли и как мастику: им исправили крышку саркофага, разбитую еще в древности, и закрепили крышку одного глиняного кувшина.

Алебастр — название, которое прилагают к двум очень разным материалам; они весьма схожи по виду, но совершенно несхожи по химическому составу: один из них — сернокислая известь, другой — углекислая известь. Какой из двух имеет больше прав на это название, мы обсуждать не будем. Хотя древние египтяне изредка делали из сернокислой извести мелкие предметы и образцы их есть в гробнице, в египтологии слово «алебастр» всегда означает углекислую известь, или, по геологическому наименованию, кальцит; именно этот материал так широко шел на саркофаги, статуи, сосуды и другие предметы.

Алебастр довольно мягок и легко режется, поэтому обрабатывать его было нетрудно; в Египте он встречается в изобилии, главным образом в Восточной пустыне, причем каменоломни Хатнуб позади Телль-эль-Амарны особенно славились качеством добываемого камня. Этот камень, как и многие другие, применявшиеся в Египте в древности, ныне не добывается.

Фаянс был хорошо представлен в гробнице: сосуды разного рода, инкрустация на украшениях и на мебели, бусы, ожерелья и кольца. Этот материал, свойственный только Древнему Египту, состоит из сильно кремнистого черепка, покрытого цветной глазурью; глазурь же представляет собой натриево-кальциевый силикат, приготовленный из тех же материалов и тем же способом, что и стекло, от которого она отличается лишь тем, что всегда наносится на поверхность другого материала, тогда как стекло применялось само по себе.

Вещество черепка фаянса состоит из угловатых зерен кварца, несущих все признаки искусственного дробления, и, следовательно, представляет собой какую-то форму истолченного кварца — вероятно, кварцевый песок или кварцевую породу, хотя не исключено, что в разное время или в разных местах применялись разные формы кварца и выбирали ту, которую легче всего было добыть на месте. Любопытный вопрос — как такой материал, лишенный всякой природной связности, удерживался вместе при лепке и глазуровании. Обычно утверждают, что для этого к нему добавляли достаточно глины, но и химический анализ, и исследование под микроскопом доказывают, что глины в нем нет, и никакого другого связующего не обнаруживается. Отсюда возникает предположение, что могло употребляться какое-то вещество вроде камеди или клея, выгоравшее при обжиге глазури, и в пользу такой добавки есть некоторые слабые

указания. Один исследователь обходит затруднение, утверждая, что материал этот не искусственный, а просто песчаник, которому резьбой придавали множество встречающихся форм. Как ни остроумно такое решение, против него много возражений, и любого из них достаточно, чтобы его отвергнуть: во-первых, материал часто слишком рыхл, чтобы его можно было резать; во-вторых, песчаника, который соответствовал бы кремнистому черепку по строению и качеству, не существует; и в-третьих, материал, несомненно, был истолчен искусственно.

Стекло, найденное до сих пор в гробнице, за исключением нескольких маленьких чашечек и сосудов, встречается исключительно в виде инкрустации и бус. Как и древнеегипетское стекло вообще, оно очень сходно по природе составных частей, хотя и не по их соотношению, с современным стеклом обычного качества и по составу соответствует тому, что получилось бы при сплавлении смеси кремнистого песка, содержащего примесь углекислой извести, и натра (природной соды) — двух веществ, в изобилии встречающихся в Египте.

Одно большое различие между древним и современным стеклом состоит в том, что последнее широко служит для пропускания света и потому часто прозрачно, тогда как первое, не будучи нужно для этой цели, было в лучшем случае полупрозрачным, а чаще непрозрачным.

Цвета стекла, найденного в гробнице, — белый, красный, синий, зеленый, желтый и черный.

Белого стекла очень мало, а именно маленький просвечивающий сосуд, несколько колец и немного непрозрачных бусин, в которых белое чередуется с черным. Это последнее, вероятно, обязано своей белизной присутствию окиси олова — вещества, подходящего для этой цели и известного в Египте в то

время, но подтвердить это анализом пока не представилось случая.

Красное стекло все непрозрачно и сделано в подражание красной яшме. По одному внешнему виду можно сказать, что цвет почти наверняка обусловлен закисью меди, и химический анализ это доказал.

Синее стекло обычно непрозрачно, хотя в некоторых случаях просвечивает, и бывает нескольких оттенков, а именно темно-синего, в подражание лазуриту, голубого, в подражание бирюзе, и зеленовато-синего. Химический интерес этого стекла заключается в природе примененного красящего вещества, и анализ доказывает, что все три оттенка обычно обязаны своим цветом соединениям меди, но темно-синий цвет лазурита иногда получали с помощью кобальта, который обнаружился в одном образце из многих исследованных из гробницы; остальные были окрашены медью. Кобальт в Египте встречается, но лишь в ничтожных количествах как примесь в других минералах, и нет никаких свидетельств, да и очень мало вероятия, что древние египтяне знали об этом; нужный им кобальт почти наверняка ввозили. Кобальт — обычное красящее вещество для синего стекла и в наши дни.

Заметная особенность темно-синего стекла — то, как часто оно портилось: нередко оно теряло цвет и становилось серым, а иногда и совсем разрушалось, превращаясь в порошок. Голубое и красное стекло, напротив, обычно сохранилось хорошо, хотя изредка портилось и оно. Едва ли можно сомневаться, что порча во всех случаях была вызвана главным образом сыростью.

Зеленое стекло из гробницы все непрозрачно. Зеленый цвет стекла может зависеть либо от меди, либо от железа; цвет современного зеленого бутылочного стекла, например, дает

железо. Однако зеленый цвет древнеегипетского стекла обычно обусловлен медью.

Никаких сведений о природе желтой окраски в более раннем древнеегипетском стекле найти не удалось, и желтое стекло из гробницы не анализировалось; но был исследован образец XIX династии, любезно предоставленный доктором Говардом Картером, и оказалось, что цвет его обусловлен соединением сурьмы со свинцом, о чем прежде сообщалось только для египетского стекла персидского и арабского времени.

Черное стекло, найденное в гробнице, для анализа доступно не было, и потому о природе его окраски ничего сказать нельзя.

Хотя стекло, вероятно, зародилось в Египте, который долго славился качеством этого изделия, теперь в стране его не варят, а лишь изготовляют немногие простые предметы из переплавленного боя стекла иностранной выделки.

Золото. Одной из самых поразительных особенностей гробницы было не только множество золотых предметов, венцом которых стал золотой гроб, но и множество деревянных, покрытых золотом: одни были обложены листовым золотом, другие лишь позолочены, причем позолота была гораздо толще нынешней. В измеренных образцах толщина золота колебалась от одной сотой миллиметра, что соответствовало самой тонкой позолоте, до несколько более половины миллиметра у самого толстого листового золота. Под золотом, если оно лежит на дереве, как правило, находится слой белого грунта, называемого левкасом; он состоит из мела с небольшой добавкой клея для связности. Это тот же материал, каким пользуются современные мастера рам для простого золоченого багета; левкас применяют вместо жженого гипса потому, что последний недостаточно тверд, чтобы золото можно было полировать. В нескольких случаях

позолочены были медные или бронзовые предметы из гробницы, причем тонкий слой золота наложен на каком-то растворимом в воде клеящем веществе, вероятно камеди или клее.

Весьма заметной особенностью золота была разнообразная окраска, которую оно являло, иногда пятнами, а иногда по всей поверхности. Цвета включали ярко-желтый, тускло-желтый, серый и красный разных оттенков, в том числе красновато-коричневый, светло-кирпичный, кроваво-красный, тускло-пурпурный (сливовый) и весьма примечательный розовый; все они, кроме последнего, явно случайны и вызваны химическими изменениями, которые произошли за время пребывания предметов в гробнице. Ярко-желтое золото, очевидно, довольно чистое и, несомненно, соответствует «чистому золоту», упоминаемому в древних записях. Тускло-желтое, потускневшее золото содержит небольшие доли других металлов, таких как серебро и медь, которые на поверхности претерпели химические изменения и тем вызвали потускнение. Посеревшее золото содержит большую долю серебра, которое на поверхности перешло в хлорид, а тот затем потемнел, как обычно бывает с этим соединением; в нем есть также немного меди и следы железа. Такое золото соответствует природному сплаву золота и серебра, который греки называли *электрон*, а римляне — *электрум* (электр) и который широко применялся древними египтянами. Доля серебра в этих сплавах сильно колеблется; они всегда светлее чистого золота, а при большой доле серебра бывают серебристо-белыми.

Хотя упоминаний о каком-либо красном цвете на золоте найти удалось очень мало, темно-красный цвет старого золота не редкость, и даже характерный розовый цвет можно увидеть на нескольких мелких предметах в Каирском музее, хотя в описании

этих предметов определенных упоминаний о нем нет. Красновато-коричневый цвет дает реакции на железо, серебро и медь и, очевидно, вызван окислением железа и меди, содержащихся в золоте. В некоторых случаях красный или пурпурный цвет оказался окрашиванием золота органическим веществом: он не растворялся ни в кислотах, ни в органических растворителях, но легко удалялся нагреванием. Химический анализ позволяет доказать, что розовый цвет не обусловлен ни какой-либо коллоидной формой золота, ни каким-либо органическим лаком или политурой; золото можно раскалить докрасна, и цвет не исчезнет и не ослабнет, а в некоторых случаях даже усилится. Однако окрашенная пленка так чрезвычайно тонка — вероятно, тоньше одной стотысячной дюйма, — что без большего количества материала, чем желательно расходовать, химический анализ становится очень трудным. Единственный металл, найденный до сих пор, — следы железа; а поскольку хорошо известно, что самородное золото иногда краснеет, покрываясь просвечивающей пленкой окиси железа, можно предположить, что и этот цвет, вероятно, обусловлен окисью железа, но каким образом он получен, неизвестно, ибо он есть с обеих сторон большинства предметов, на которых встречается. Это наводит на мысль, что предмет, быть может, окунали в раствор соли железа, а затем нагревали. Что этот цвет намеренный, показывает его правильное и последовательное распределение на определенных предметах или на определенных частях предметов.

Золотые гвозди, которыми была закреплена крышка золотого гроба, а также золотые шляпки серебряных гвоздей первого и второго гробов при пробе на пробирном камне — способом, который, впрочем, можно считать лишь приблизительным, —

показали пробу от восемнадцати до двадцати одного карата; лигатура — главным образом серебро с небольшой долей меди.

Кроме золота, в гробнице найдены серебро, медь или бронза, железо и свинец, но все в небольшом количестве.

Серебро составляли небольшие части нескольких украшений, шипы и гвозди, скреплявшие крышку второго гроба с корпусом, гвозди первого гроба и, вероятно, также его шипы, хотя их еще не исследовали, и металлические сердечники плети и посоха, которые держали золотые руки, нашитые поверх мумии. Гвозди обоих гробов с напаянными золотыми шляпками при пробе на пробирном камне оказались состоящими приблизительно на 80 процентов из серебра, а остальное — главным образом медь.

Предметы из **меди или бронзы** еще не анализировались, и потому с уверенностью сказать, из которого из двух металлов они сделаны, нельзя; но поскольку бронза была хорошо известна при XVIII династии, вероятнее всего, это бронза. Найденные до сих пор предметы включают многие шипы ковчегов, окружавших саркофаг (остальные шипы деревянные), петли, засовы и другие запоры для деревянных предметов, несколько наконечников стрел и маленькую змею (с золотой инкрустацией) от одной из колесниц.

Предметов из **железа** всего три, а именно клинок кинжала, часть браслета-амулета и миниатюрный подголовник, все из кованого железа.

Свинец представлен одним небольшим куском.

Все эти металлы, кроме упомянутых серебряных сердечников посоха и плети, хотя и потускнели, были в хорошем состоянии.

Кожа. Первоначально в гробнице было значительное количество кожи, например в конской сбруе, на сиденьях табуретов и в сандалиях, но при находке большую ее часть можно

было узнать лишь по положению и по химическому анализу, так как она превратилась в черную хрупкую, похожую на смолу-вар массу; часть ее в какой-то период была вязкой и «потекла», а в нескольких случаях капала на лежавшие ниже предметы и склеила их между собой. Судя по положению, сыромятная кожа погибла полнее, чем дубленая: подошвы сандалий были в худшем состоянии, чем верх. Это разрушение кожи вызвано совместным действием жары и влажности гробницы. Четыре образца этой кожи любезно исследовал доктор Р. Х. Пикард, член Королевского общества, директор Научно-исследовательской ассоциации британских кожевенных фабрикантов, и оказалось, что образец с сиденья табурета — несомненно козья кожа, а образец с сандалий — возможно, телячья.

Масла и жиры, очень подверженные влияниям, вызывающим разложение, не доходят из древности в неизмененном виде, а при находке обычно состоят целиком или главным образом из твердых веществ кислотной природы, известных как жирные кислоты, — прежде всего стеариновой и пальмитиновой, — которые образовались в результате происшедших химических изменений. Это разложение очень затрудняет распознавание первоначального масла или жира.

Ряд алебастровых сосудов из гробницы, как оказалось, содержал жировое вещество, в некоторых случаях смешанное с другим материалом, который не определен; жировое вещество содержало и умастительное вещество, которое вылили и на мумию, и на золотой гроб, а отчасти и на ножной конец самого внешнего гроба. Жировое вещество из сосудов в одном случае пахнет прогорклым кокосовым маслом, но это хорошо известный результат разложения, а не первоначальный запах вещества, и он никоим образом не указывает на присутствие кокосового масла; в

другом случае запах напоминает валериановую кислоту, что опять-таки есть следствие разложения. Аналитическая работа над этими пробами еще не закончена, но из двух образцов, любезно исследованных доктором Р. Томасом, членом Института химии, один был, вероятно, первоначально касторовым маслом, а другой, возможно, говяжьим жиром.

Касторовое масло было хорошо известно в Древнем Египте, и клещевина растет в стране в изобилии. Говяжий жир также, надо думать, был хорошо известен.

Следы масла, извлеченные из льняного фитиля и металлического вместилища одного из светильников в виде знака анх, представляли собой желтоватую вязкую маслянистую жидкость кислотного характера, но, к сожалению, количество было слишком мало, чтобы ее можно было определить.

Упомянутое умастительное вещество, содержавшее жир, было черным и блестящим и по виду очень напоминало битум или вар; там, где слой был тонок, как на крышке золотого гроба, вещество было твердым и хрупким, но между золотым гробом и следующим, внешним, и под мумией, где скопился более толстый слой, внутренность массы была еще мягкой и пластичной. В холодном виде запаха почти или совсем не было, но при нагревании ощущался сильный, проникающий, не неприятный, а скорее благовонный запах. Подробного химического анализа пока сделать не удалось, но вещество содержит жир и смолу и совершенно свободно от битума, или минерального вара. Один исследованный образец содержал 46 процентов жирового вещества (теперь в большой мере или целиком жирных кислот), 19 процентов бурой смолы и черный хрупкий органический остаток, который не определен.

Жирные кислоты, образовавшиеся при разложении первоначального масла или жира этого умастительного вещества, стали причиной значительной порчи инкрустации на украшениях, лежавших поверх мумии, и на драгоценностях на самой мумии, — отчасти действуя на мастику, которой была закреплена инкрустация и которая часто состоит из смеси смолы и мела, а отчасти действуя прямо на некоторые камни, такие как кальцит и лазурит, и на стекло, особенно темно-синее, хотя иногда и на голубое и красное.

Краски. Древнеегипетские краски часто и сегодня так же ярки, как были свежими; это объясняется тем, что все они, кроме черной, минерального происхождения. Эти краски часто анализировали, и в некоторых случаях результаты как будто противоречили друг другу. Однако то, что один аналитик нашел одну составную часть, а другой — другую в краске того же цвета и даже того же периода, не обязательно говорит о противоречии, так как исследовались разные образцы, для одной и той же цели, несомненно, применялись разные вещества, и некоторые цвета в Древнем Египте получали не одним способом, точно так же, как и в наши дни. Цвета красок из гробницы — белый, красный, синий, зеленый, желтый и черный.

Белая краска древних египтян обычно состояла из мела, хотя отмечено и применение истолченного гипса. В данном случае все исследованные образцы оказались мелом. Красную краску разные авторы называют красной охрой, гематитом и жженой желтой охрой. Но поскольку красная охра есть лишь мягкая разновидность гематита с небольшой примесью землистого вещества, обычно глинистого, и красящее начало обеих — окись железа, то настоящей разницы между ними очень мало. Обе встречаются в Египте в природе, и потому неудивительно, что

один аналитик сообщает об одной, а другой — о другой. Желтая охра тоже встречается в Египте и при прокаливании дает красную охру; отмечен один случай, когда желтая охра на стене гробницы стала красной в результате поджога в камере. Вся красная краска в этой гробнице состоит из охры.

О древнеегипетской синей краске одни авторитеты утверждают, что ее цвет обусловлен медью, а другие — что кобальтом. Как и синее красящее вещество стекла, о котором уже говорилось, она бывает обязана цветом то одному, то другому, но гораздо чаще меди, чем кобальту. В первом случае это искусственная фритта, состоящая из определенного кристаллического соединения кремнезема, извести и меди. Ее исследовали многие химики начиная с сэра Гемфри Дэви в 1815 году, а позднее ее успешно воспроизвели доктор У. Т. Рассел и другие. Это, как сказано, фритта: температура, при которой ее готовили, была недостаточно высока для полного сплавления, которое дало бы стекло. Большой кусок этой фритты, найденный доктором Говардом Картером в Долине царей и относящийся к Новому царству, а также несколько небольших кусков из данной гробницы были проанализированы, и все они оказались силикатом кальция и меди; таким же оказалась и вся исследованная синяя краска из гробницы. Однако в гробнице Пернеба, относящейся примерно к 2650 году до н. э., красящим веществом синей краски, по сообщениям, был кобальт.

Общепринято, что зеленая краска древних египтян обязана своим цветом меди, но природа медного соединения не столь ясна, и часто говорят, что это малахит — природная медная руда, встречающаяся в Египте. Так обстоит дело с зеленой краской более ранних периодов, но в данной гробнице вся исследованная до сих пор зеленая краска оказалась искусственной фриттой,

сходной по составу с описанным выше синим соединением; был найден и проанализирован также небольшой кусок этой фритты.

Желтой краски в Древнем Египте применяли два рода: одну тусклого буроватого оттенка, другую ярко-канареечного цвета. Первую часто анализировали, и принято считать, что это природная желтая охра, красящее начало которой — водная окись железа. Ярко-желтая краска из гробницы, из которой исследован один образец с деревянного ларца, оказалась аурипигментом (сернистым мышьяком); а в другом случае похожая с виду краска, которой были заполнены врезанные знаки надписи на ларце и которая для анализа доступна не была, вероятно, тоже аурипигмент. В этом последнем случае краска была покрыта пчелиным воском, несомненно для защиты, и воск, испортившись, отчасти скрывает желтый цвет, так что краска кажется почти белой. Одно время аурипигмент, сначала природный минерал, а затем искусственный продукт, широко применялся в Европе как краска, но от него отказались из-за очень сильной ядовитости искусственного продукта. Природный же минерал не ядовит, и почти не приходится сомневаться, что в Древнем Египте применяли именно его; а поскольку в стране он не встречается, его, должно быть, ввозили.

Черной краской всегда служил углерод, обычно сажа, хотя, возможно, изредка и истолченный древесный уголь. Исследованные образцы этой краски из гробницы были недостаточно тонко измельчены, чтобы быть сажей, разве что очень нечистой, и, вероятно, представляли собой истолченный древесный уголь. В этой связи можно упомянуть черное покрытие на различных погребальных предметах: по всему виду оно похоже на краску, но это не краска, а черный лак. Этот черный слой — тонкое блестящее покрытие на различных деревянных

предметах; обычно его наносили прямо на дерево, хотя изредка он встречается и на левкасе. В прошлом всякий черный материал, хоть сколько-нибудь похожий на битум или вар, называли либо так, либо этак, и этот черный лак не исключение, хотя он не битум и не вар, а смола. Притом он почернел не от времени и химических изменений, как столь многие материалы, а был черным по природе и с самого начала и сходен по природе с черными лаковыми смолами, которые встречаются в Индии, Китае и Японии и служат лаками. Встречается ли такая смола ближе к Египту, чем Индия, например в Судане, неизвестно.

Много споров велось о природе связующих, которыми древние египтяне разводили краски. Пигменты нельзя было употреблять в сухом виде; их непременно смешивали с каким-то связующим. В нынешней практике два главных связующих — масло (часто олифа, то есть вареное льняное масло, разбавленное скипидаром) и вода, в которой растворено немного клея (клеевая вода), чтобы краска держалась. В Древнем Египте масло никогда не применялось для замешивания красок, а скипидар был неизвестен, и потому методом исключения, поскольку никакого иного связующего предложить нельзя, следует считать, что употребляли воду. Хотя некоторые из пигментов, особенно красная и желтая охры, держались бы до некоторой степени, будучи смешаны с одной водой, результат был бы неудовлетворителен, и весьма вероятно, что применялось какое-то связующее вещество. Природа его неизвестна; предполагали и камедь, и яичный белок, и клей (клеевую воду). Сообщалось, что камедь однажды была обнаружена, но это не подтвердилось. Что касается яичного белка (альбумина), сомнительно, существует ли реакция, позволяющая распознать его по прошествии такого времени, ибо он изменяется и денатурируется, и присутствие его

никогда не было доказано. С клеем тоже есть затруднение: этот материал, вероятно, употребляли для проклейки, чтобы заполнить поры основы, на которую предстояло писать, прежде чем наносить краски; поэтому находка клея на расписанной поверхности не доказывала бы, что он служил связующим в самой краске. И все же наиболее вероятным материалом кажется либо камедь, либо клей.

Лак, по всему виду похожий на современный, широко применялся в Древнем Египте, и примеры его употребления есть в гробнице. Исследовать этот лак химически не удалось, но другие древнеегипетские лаки, которые анализировались, состоят, как и современный лак, из смолы, хотя какая именно это смола, еще не установлено. Прежде чем нанести смолу тонким слоем на какую-либо поверхность, ее надо перевести в жидкое состояние, и в нынешних лаках для ее растворения применяют такие растворители, как олифа, скипидар и спирт. Однако все эти вещества были древним египтянам неизвестны, а никакого другого растворителя, который они могли бы употреблять, предложить нельзя. Да и лак не обнаруживает никаких признаков того, что при его приготовлении применялось масло: в скипидаре он не растворяется, но легко растворяется в спирте. В качестве растворителя предлагали вино, но даже крепкое вино содержит слишком мало спирта, чтобы растворить смолу. Остается, следовательно, предположить смолу, которая не требовала постороннего растворителя, то есть природную смолу, уже находящуюся в жидком виде. Такие смолы существуют и называются «олеорезинами»; растворителем в них служит природное масло, которое улетучивается на воздухе. Но эти олеорезины, хотя и жидки, в лучшем случае имеют густую сиропообразную консистенцию и при обычной температуре

слишком вязки, чтобы их можно было наносить тонким слоем; поэтому, если их применяли, их, вероятно, приходилось сперва нагревать, чтобы разжидить. Предполагали также, что смолу наносили в виде тонкого порошка, который затем нагревали, но это не представляется вероятным.

Древнеегипетский лак, кроме упомянутого черного, теперь всегда желтый или красноватый, но несомненно, что первоначально он был бесцветным или почти бесцветным: есть много случаев, когда белая расписанная поверхность, частично покрытая лаком, а частично нет, теперь желтая там, где лак, и белая там, где его нет, причем края покрытых лаком участков неровны и неприглядны. Объяснить это можно лишь предположением, что при нанесении лак был бесцветным и потому не был заметен.

Смола. Одно из веществ, чаще всего встречающихся при погребениях в Египте, — смола. Ныне смола не принадлежит к произведениям Египта, и производилась ли она здесь когда-либо, сомнительно, так как, по-видимому, в Древнем Египте, по крайней мере в исторические времена, как и сегодня, деревьев никогда не было очень много. Впрочем, некоторые виды небольших смоленосных деревьев, которые ныне в стране не растут, могли когда-то существовать и быть истреблены. Смола в изобилии встречается в Судане и в других частях Африки, а также в Азии и легко могла попадать в Египет из любого из этих источников.

Так как слово «смола» часто употребляют очень вольно и нередко как синоним камеди — вещества с совершенно иными свойствами, — нелишне пояснить, что хотя то и другое — выделения деревьев, истекающие либо сами собой, либо из нарочно сделанных надрезов, и хотя по виду они очень схожи, они значительно различаются и по составу, и по свойствам. Так,

смолы, как правило, в воде не растворяются и не размягчаются, но растворимы в спирте и многих других органических растворителях, тогда как камеди нерастворимы в спирте и органических растворителях и либо растворяются в воде, либо впитывают столько воды, что образуют слизь.

Смола найдена в данной гробнице во многих видах: большие куски, крупный порошок, маленькие шарики благовония, бусы, кольцо, два больших скарабея, мастика, лак — как черный на погребальных предметах, так и обычный, покрывающий и защищающий расписанные поверхности, — а также в смеси с жировым веществом в виде умастительного вещества, вылитого на мумию. Ботаническое происхождение различных видов примененной смолы не установлено.

Камни, употреблявшиеся для украшений, амулетов, личных уборов и инкрустации, включали аметист, кальцит, сердолик, халцедон, зеленый полевой шпат, красную яшму, лазурит, кристаллический известняк, малахит, обсидиан и бирюзу. Немногие из этих камней сочли бы в наши дни «драгоценными», но такие камни, как алмаз, рубин и сапфир, в Древнем Египте были неизвестны, а жемчуг вошел в употребление лишь в птолемеевское время. Однако для инкрустации, даже в ювелирных изделиях, начиная с Нового царства часто применяли стекло и, в меньшей мере, фаянс.

Ткани. Одним из разочарований гробницы была очень плохая сохранность почти всех тканей. Они, по большей части первоначально белые, при находке были окрашены от светлого желтовато-коричневого до очень темного коричневого, почти черного цвета и обычно находились в очень плохом состоянии, причем чем темнее цвет, тем хуже состояние; лучше всего сохранившиеся были хрупкими и непрочными, а худшие

превратились в массу черного порошка. Материал тканей, вероятно, во всех случаях лен, хотя под микроскопом это подтверждено лишь в немногих случаях. Потемнение и распад распределялись неравномерно даже на одной и той же ткани, и вполне обычно было найти одну часть ткани сильно потемневшей и сильно истлевшей, а другую часть той же ткани, находившуюся, по-видимому, в сходных условиях, — менее потемневшей и сохранившейся гораздо лучше. Такую же неравномерность обнаруживали даже сложенные вещи: и снаружи, и внутри часто попадались участки материала в хорошем состоянии рядом с участками в плохом. Пелены мумии были в таком же истлевшем состоянии и имеют совершенно такой вид, будто частично обгорели. Этот распад, по-видимому, есть следствие своего рода медленного самовозгорания, в котором почти наверняка участвует рост грибка. Точная природа этого явления еще не установлена, но высказывается предположение, что началось оно с поражения грибком, вызванного теплом и влажностью, а через некоторое время последовали химические изменения.

Черными и истлевшими были не только пелены мумии, но и сама мумия. Такое состояние мумий не раз отмечалось и прежде и приводило к ошибочным утверждениям, будто тело было сожжено или пропитано битумом. Ни одно из этих утверждений, однако, не оправдывается фактами, которые все указывают на совместное действие грибка и химических процессов на органическое вещество как тканей тела, так и костей.

Дерево из гробницы было в целом в превосходном состоянии и очень хорошо сохранилось. Породы дерева мы обсуждать не будем, так как их определение — задача не химическая. Египет беден лесом и всегда был беден, и большую долю необходимого дерева всегда приходилось ввозить.

Шпаклевка. Одна бросающаяся в глаза особенность, замеченная при обращении с деревянными предметами, — то, что для заделки изъянов дерева и сокрытия швов применяли шпаклевку точно так же, как это делают сегодня. Эта шпаклевка состоит из смеси мела и клея и обычно окрашена под цвет дерева, на котором употреблена.

Из приведенного описания природы материалов гробницы видно, что древние египтяне обладали немалым знанием химических процессов, и естественно возникает вопрос, как далеко простиралось это знание. Ответ не вызывает сомнений. Что касается химии как науки, то нет ни свидетельств, ни вероятия, что она была хоть сколько-нибудь понята; но химическое ремесло было известно в очень большой мере, вероятно, в большей, чем обычно признают. Древние египтяне были искусны в изготовлении глазури, стекла и гончарных изделий; в приготовлении и применении растительных красителей; в добыче и обработке золота, меди и свинца; в выплавке бронзы, требовавшей применения олова; в бродильных промыслах, о чем свидетельствуют их пиво и вино; в добыче различных природных минеральных пигментов и в изготовлении других, особенно некоторых весьма замечательных синих и зеленых фритт; в приготовлении лака, клея и штукатурки; в добыче и применении растительных масел; в выделке кожи, бумаги (папируса) и чернил. Все эти работы были «по своей природе производственными процессами, эмпирическими по характеру и утилитарными по результату».

Нет сомнения, что египетский мастер был эмпириком, но в этом он был не одинок: эмпиризм до недавнего времени был правилом в большинстве производственных процессов во всем мире и даже теперь не совсем изжит. Благодаря долгой практике и

многим неудачам мастер, несомненно, знал, как лучше выбрать материалы и какие меры предосторожности принять в работе, чтобы достичь желаемых результатов, которые даже по нынешним меркам часто изумительны. Применявшиеся способы, вероятно, составляли тайны ремесла или семьи и ревниво оберегались.

Так как предметы из гробницы все были очень грязны, а в некоторых случаях сломаны или плохо сохранились, понадобились известная очистка, починка и консервирующая обработка, чтобы их можно было брать в руки, фотографировать, упаковывать и перевозить. Обработка, проведенная на месте, была всецело предварительной, так как ни времени, ни средств для чего-либо большего не было. Об этом уже говорилось в предыдущем томе, и здесь мы лишь очень кратко коснемся химической стороны дела. Прежде чем предмет можно будет очистить или законсервировать, нужно знать его природу и природу всех происшедших в нем изменений и повреждений, а также кое-что о свойствах материалов вообще, ибо на этом знании и должна строиться необходимая обработка. Поэтому помощь, которую химия может оказать археологии, не ограничивается анализами, проводимыми для определения необычных материалов, чтобы их можно было правильно описать или чтобы стали известны вещества, из которых они изготовлены, но включает и задачи очистки и консервации. Теперь это начинает получать всеобщее признание, и химик в конце концов займет место необходимого сотрудника во всех музеях и археологических экспедициях, как он это сделал в данном случае впервые.

ПРИЛОЖЕНИЕ III. ОТЧЕТ О ЦВЕТОЧНЫХ ВЕНКАХ ИЗ ГРОБОВ ТУТАНХАМОНА

✦

Перси Ньюберри

П. Э. Ньюберри, магистр искусств, кавалер ордена Британской империи; в прошлом профессор египтологии на кафедре Бруннера в Ливерпульском университете; почетный преподаватель египетского искусства в Ливерпульском университете; член Королевского колледжа в Лондоне и т. д.

С незапамятных времен существовал обычай украшать тела умерших венками из цветов. Когда в 1881 году в Дейр-эль-Бахри, в усыпальнице одного из царей XX династии, были обнаружены мумии царей Яхмоса I, Аменхотепа I и Рамсеса II, в их гробах нашли много цветочных венков. Некоторые из них сохранились поразительно хорошо, и доктор Швейнфурт, осмотревший их вскоре после того, как они были извлечены на свет, заметил, что кое-где прекрасно сохранились даже цвета цветов. Мумию царевны Несихонсу, также найденную в Дейр-эль-Бахри, украшала гирлянда из листьев ивы, цветов мака и васильков; о цветах мака доктор Швейнфурт сказал, что «столь совершенные и хорошо сохранившиеся образцы этого хрупкого цветка редко встречаются в гербариях; окраска лепестков удержалась в высокой степени, как у засушенных образцов наших дней».

Венки, найденные доктором Картером в гробах Тутанхамона, к сожалению, сохранились не так хорошо, как те, что доктор Швейнфурт исследовал из тайника в Дейр-эль-Бахри, но все же их

состояние достаточно хорошее, чтобы можно было определить почти все виды растений, которыми пользовались царские цветочники. Большая часть листьев, из которых были сделаны венки, оказалась слишком хрупкой, чтобы брать их в руки, когда их вынули из гробов, поэтому перед исследованием их на несколько часов замачивали в теплой воде. Два-три цветка рассыпались в пыль от прикосновения, но из лучше сохранившихся частей венков были отобраны другие образцы, и их оказалось достаточно, чтобы я мог определить их род и вид. Всего было найдено три венка.

I. Маленький венок (таблица XXII). Он был обвязан вокруг знаков коршуна и урея на лбу второго гроба царя. Он составлен из листьев оливы (*Olea europea*, L.), лепестков голубой кувшинки (*Nymphæa cærulea*, Sav.) и цветков василька (*Centaurea depressa*, M. Bieb.). При изготовлении этого венка основой служила полоска сердцевины папируса; на нее были сложены листья оливы, которые служили зажимами для васильков и лепестков кувшинки; листья оливы были прочно скреплены в один ряд двумя более тонкими полосками сердцевины папируса, одна из которых проходила над листьями, а другая под ними, через лист. Листья были уложены так, что один лист был обращен наружу верхней стороной, а следующий — нижней, и это давало сочетание тускло-зеленого листа с серебристым. Этот венок был, вероятно, «венком оправдания» царя. Такому венку была посвящена особая глава «Книги мертвых» (глава XIX), и сохранилась магическая формула, которую следовало произносить, когда такой венок возлагали на гроб. Эти «венки оправдания» были обычны от XXII династии до греко-римского времени.

II. Нагрудная гирлянда (таблица XXII). Эта гирлянда была сделана из четырех полос, уложенных полукружиями на груди второго гроба. Первая и вторая полосы составлены из оливы (*Olea europea*, L.) и васильков (*Centaurea depressa*, M. Bieb.). Третья — из листьев ивы (*Salix safsaf*, Forsk.), васильков и лепестков голубой кувшинки. Четвертая, самая нижняя полоса — из листьев оливы, васильков и листьев дикого сельдерея (*Apium graveolens*, L.). При изготовлении этого венка листья ивы сложены поверх узких полосок сердцевины папируса и служат зажимами для васильков, лепестков кувшинки и веточек дикого сельдерея.

III. Цветочное оплечье (таблица XXXVI). Это цветочное оплечье, найденное на третьем гробу, составлено из листьев, цветков, ягод и плодов различных растений вместе с бусинами-блестками из синего стекла; все это расположено в девять рядов и прикреплено к полукруглому листу из сердцевины папируса. Оно принадлежит к типу, известному только по образцам[1] времени Тутанхамона, и особенно любопытно тем, что показывает, какие именно листья, цветы и плоды служили образцами для фаянсовых оплечий из бусин-подвесок второй половины XVIII династии. Доктор Картер поместил снимок одного из многих таких фаянсовых оплечий на таблице XXXIX первого тома этой книги.

[1] Теодор Дэвис в 1908 году нашел в Долине царей несколько предметов, принадлежавших к погребальному убранству Тутанхамона. Среди них были цветочные оплечья, очень похожие на описанное здесь; теперь они находятся в музее Метрополитен в Нью-Йорке, но еще не изданы.

Первые три ряда и седьмой ряд этого оплечья одинаковы: они составлены из бусин-блесток синего стекла и ягод паслена сладко-горького (*Solanum dulcamara*, L.), нанизанных на тонкие полоски листьев финиковой пальмы. Блестки и ягоды расположены группами поочередно: от двадцати до двадцати

четырех блесток и четыре ягоды. Четвертый ряд — из листьев ивы и одного еще не определенного растения, расположенных поочередно и служащих зажимами для лепестков голубой кувшинки; все они скреплены бок о бок полосками сердцевины папируса, проходящими над листьями и под ними. Пятый ряд состоит из ягод паслена сладко-горького, нанизанных на полоску листа финиковой пальмы. Шестой ряд составлен из листьев еще не определенного растения, цветков василька и горлюхи (*Picris coronopifolia*, Asch.), а вдоль ряда через равные промежутки помещено одиннадцать плодов мандрагоры (*Mandragora officinalis*, L.)[2]. Плоды мандрагоры разрезаны пополам вдоль, чашечки срезаны, после чего их пришили к оплечью. О седьмом ряде см. описание рядов с первого по третий. Восьмой ряд составлен из листьев оливы и неопределенного растения, расположенных поочередно. Девятый, крайний ряд составлен из листьев того же неопределенного растения, что и в шестом и восьмом рядах, вместе с цветками василька.

[2] За определение плодов мандрагоры я обязан г-ну Л. А. Будлу из Джодрелловской лаборатории Королевских садов в Кью и миссис Клемент Рид.

Замечания об определенных растениях. Дикий сельдерей (*Apium graveolens*, L.). Это растение уже было известно в Древнем Египте по двум находкам. Очень красивый венок из его листьев и лепестков голубого лотоса был обнаружен в гробнице XXII династии в Фивах в 1885 году и хранится теперь в Каирском музее. Другой, отчасти похожий венок нашел Скьяпарелли в гробнице Ха, зодчего Аменхотепа III, в Дейр-эль-Медине (теперь в Турине). Дикий сельдерей (σέλινον) был также любимым растением у плетельщиков венков в Греции и Риме (Анакреонт, 54; Феокрит, 3, 23); победителей Истмийских и Немейских игр венчали венками из его листьев (Пиндар, «Олимпийские оды», 13,

46; Ювенал, 8, 226); такие венки вешали и на гробницы, откуда о тяжелобольных говорили σελίνου δεῖται — «нуждается в сельдерее» (Плутарх, 2, 676 D). Любопытно отметить здесь, что несколько семян дикого сельдерея из египетской гробницы хранятся в музее во Флоренции (№ 3628) и что семена этого растения были одной из составных частей, которыми скифы бальзамировали тела царей (Геродот, IV, 71).

Василек (*Centaurea depressa*, M. Bieb.). Это был один из самых обычных цветов, которыми древнеегипетские цветочники пользовались для плетения венков, и много его образцов сохранилось в гирляндах от XVIII династии до греко-римского времени. В Египте он не растет дико и, должно быть, был завезен из Западной Азии или с материковой Греции, вероятно, сначала как сорняк хлебных полей[3], а затем стал разводиться в садах Фив. В наши дни мест его произрастания в Сирии и Палестине нет, но он встречается в Аркадии и на Аттической равнине, где цветет в апреле.

[3] Ньюберри в книге Питри «Хавара, Биахму и Арсиноя», с. 49.

Мандрагора (*Mandragora officinalis*, L.) не растет дико в долине Нила, но, несомненно, была завезена в древности из Палестины, где это обычное растение, особенно на болотистых равнинах. Это «яблоки любви» — мандрагоровые яблоки Книги Бытия (XXX, 15 и далее) и Песни песней (VII, 13); ее плоды на Ближнем Востоке считались и до сих пор считаются возбуждающими любовное влечение и способствующими зачатию. На стенных росписях нескольких фиванских гробниц XVIII династии изображены корзины с этими плодами, а иногда женщины, которые нюхают или едят их на пирах[4]. Само растение с листьями и плодами изображено в одной фиванской гробнице[5]. Тристрам[6] пишет, что

это очень приметное растение, которое сразу привлекает внимание величиной листьев и необычным видом цветков. Он отмечает, что находил его цветущим в Палестине на Рождество в теплых местах, а плоды собирал в апреле и мае. Следовательно, пора его созревания — время жатвы пшеницы. Плод бледно-желтого цвета, мягкий, пресного и приторного вкуса. Арабы считают, что он веселит и возбуждает вплоть до безумия, отсюда их название для него — *tuffah el jinn*, «яблоко джиннов»[7]. Вероятно, это плод *didi* (ср. евр. *dudaim* — «мандрагора»), часто упоминаемый в египетских надписях Нового царства; говорится, что его собирали на Элефантине и иногда подмешивали в пиво, чтобы вызвать беспамятство. Любопытно отметить, что карфагенский военачальник Магарбал, по преданию, захватил или перебил множество мятежников, которых ему удалось опоить смесью мандрагоры с вином[8]. Вокруг этого растения сложилось необычайное множество народных поверий; их собрал и разобрал сэр Джеймс Фрэзер во втором томе своего труда «Фольклор в Ветхом Завете», с. 372–397.

---

[4] Н. де Г. Дэвис, «Гробница Нахта», таблицы X и XVII.

---

[5] Уилкинсон, «Нравы и обычаи древних египтян», 2-е изд., т. II, с. 413, № 5.

---

[6] «Естественная история Библии», с. 468.

---

[7] Томсон, «Земля и Книга», т. II, с. 380.

---

[8] Фронтин, «Стратагемы», II, 5, 12.

Голубая кувшинка (*Nymphæa cærulea*, Sav.) и была знаменитым лотосом древних египтян; они плели из нее венки начиная с эпохи пирамид. Она растет дико в долине Нила, но теперь встречается главным образом в канавах и стоячих прудах Дельты, где обычно цветет с июля по ноябрь.

Олива (*Olea europea*, L.). В наши дни это дерево разводят лишь в очень немногих садах Верхнего Египта, но есть веские свидетельства того, что в древности оно было распространено по долине Нила гораздо шире[9]. Оно упомянуто в перечне растений, которые Инена выращивал в своем фиванском саду во времена царицы Хатшепсут, а Феофраст, Плиний и Страбон говорят о том, что его выращивали в Верхнем Египте. Первый из них прямо пишет (IV, 2, 9), что в его время оно росло в Фиванской области.

[9] См. Ньюберри в журнале «Древний Египет», 1915, с. 97–100.

Горлюха (*Picris coronopifolia*, Asch.) — небольшое сложноцветное растение, очень обычное на окраинах пустыни у Фив и в других местах Верхнего Египта. Она цветет в марте и апреле.

Ива (*Salix safsaf*, Forsk.) до сих пор встречается в диком виде на берегах Нила в Нубии, но в собственно Египте доктор Швейнфурт считал ее лишь занесенной рекой беглянкой, настоящая родина которой — на юге.

Паслен сладко-горький (*Solanum dulcamara*, L.). В египетских гробницах найдены только ягоды этого растения; они всегда нанизаны на тонкие полоски листьев финиковой пальмы. Ягоды этого паслена часто встречаются в венках греко-римского времени[10]. Плиний («Естественная история», XXI, 105) упоминает, что паслен использовали египетские плетельщики венков.

[10] Ньюберри в книге Питри «Хавара, Биахму и Арсиноя», с. 51.

Заметка о времени года, когда был погребен Тутанхамон. По цветам и плодам, найденным в этих венках, можно указать время года, когда царь Тутанхамон был положен на покой в своей гробнице. Василек цветет около времени жатвы, в марте или апреле, и как раз в это время созревают плоды мандрагоры и паслена сладко-горького. Маленькая горлюха тоже цветет в марте

и апреле. Хотя кувшинка цветет в канавах и стоячих прудах Нижнего Египта с июля по ноябрь, весьма вероятно, что, выращиваемая в садовых водоемах в Фивах, она зацветала гораздо раньше в году. Поэтому можно с уверенностью сказать, что Тутанхамон был погребен в пору от середины марта до конца апреля.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV. ЗАМЕТКИ О ПРЕДМЕТАХ ИЗ ГРОБНИЦЫ

✦

Александр Скотт

Александр Скотт, член Королевского общества, доктор наук (Кембридж), доктор наук (Эдинбург), директор научных исследований Британского музея

Следующие заметки о предметах, находившихся в гробнице царя Тутанхамона и вынесенных из нее, могут представить интерес; они дополняют более систематический отчет г-на А. Лукаса. Часть опытов была проведена на месте в январе 1924 года, с самыми простыми химическими приборами и на ничтожных количествах вещества.

А. Покров и другие ткани. Ткань покрова, который находился внутри первого (внешнего) ковчега, но покрывал второй ковчег, была очень ветхой, однако сохраняла достаточно прочности, чтобы выдержать слабое растяжение, какое возникло бы при попытке намотать ее на валик. Чтобы она стала достаточно прочной для любого другого обращения, казалось необходимым укрепить нити каким-нибудь гибким веществом, которое связало бы волокна между собой. Были испытаны различные растворы, которые по своим известным свойствам казались пригодными для этой цели. Самыми обещающими оказались следующие.

I. «Дюропрен». В продажном виде он слишком вязок, чтобы его было удобно наносить, и впитывается не легко и не быстро. Когда его разбавили равным объемом ксилола, нанесли этот раствор на

ткань мягкой кистью и дали высохнуть, желаемый результат, по-видимому, был достигнут сразу. Хотя при нанесении раствора промежутки между нитями ткани полностью заполнялись, при высыхании эти соединяющие пленки жидкости высыхали так, что все растворенное вещество оставалось в нитях и нигде не было видно блестящих пленок, а ткань по цвету и строению выглядела почти неизменившейся. Повторное нанесение раствора «дюропрена» на уже обработанный и высохший участок покрова, по-видимому, не дало действительного улучшения или прибавки прочности. Очень полезными оказались и еще более слабые растворы — в треть и даже в четверть первоначальной крепости.

II. Целлулоид в ацетоне. Раствор целлулоида в ацетоне (крепостью 2½ процента) дал результаты, сходные с теми, что были получены с раствором «дюропрена». Прочность, хотя и сильно возросшая, не достигала той, что придавал «дюропрен», а гибкость обработанной ткани была заметно меньше.

III. Коллодий. Был испытан и коллодий, но, в отличие от двух только что описанных растворов, его жидкая пленка высыхала так, что оставляла твердую пленку, протянутую от нити к нити. Это придавало обработанной ткани глянцевый, почти серебристый вид, что одно уже делало его непригодным для этой цели. Естественно, он и прибавлял ткани меньше прочности на разрыв, чем другие растворы.

Поэтому для сохранения покрова использовались растворы «дюропрена», а разбавителем служил ксилол, а не бензол или толуол, — из-за высокой наружной температуры перед гробницей Сети II, которая была приспособлена под лабораторию.

Были исследованы три ткани, и они заметно различались по строению, как видно на увеличенных снимках таблицы XXXVI, A. Все они увеличены в пятнадцать раз.

Все они были из чистого льна и не содержали никаких следов хлопка. Этими сведениями (в которых все сошлись), а также тем, что волокна принадлежат *Linum usitatissimum*, я обязан доктору А. У. Хиллу, директору садов Кью, доктору А. У. Кроссли, директору Научной ассоциации по хлопку, и доктору А. К. Тайсену, заведующему бактериологической лабораторией Королевского военно-морского кордитного завода в Холтон-Хите, которые любезно исследовали эти древние ткани. Ни в одном из присланных им кусков ткани не удалось обнаружить следов бактерий или плесени.

Б. Бурый порошок, найденный на дне связки парадных жезлов (таблица VIII). Некоторые из деревянных жезлов, обернутых сильно истлевшей льняной тканью (таблица VIII, б), имели следы повреждений, причиненных насекомыми. У нижнего конца льняной обертки было немало тонкого бурого порошка, похожего на вид на обычный нюхательный табак. Все указывало на то, что этот тонкий бурый порошок появился оттого, что какое-то насекомое точило дерево. Порошок, нагретый на платиновой фольге, выделял горючие газы, нисколько не плавясь и не спекаясь, а затем сгорал, оставляя белую золу. Это полностью подтверждает сделанный выше вывод.

Исследование под микроскопом показало, что порошок появился в результате работы насекомого-точильщика, которое не пропускало буровую муку через свой организм. Частицы были очень мелкими и состояли из обломков клеток, сердцевинных лучей и обломков более крупных сосудов, на которых еще сохранились отчетливые признаки (например, пористые сосуды). Вместе с этими мельчайшими частицами были гораздо более крупные колбасовидные комочки, которые, очевидно, и были настоящими выделениями насекомого и обычно имели темно-

бурый цвет. При прокаливании они тоже оставляли чисто белую золу, сохранявшую форму колбасовидных комочков.

Спирт извлекал, по-видимому, очень мало, кроме следа смолистого вещества; раствор нашатырного спирта тоже растворял некоторое смолистое вещество, которое, высохнув, оставляло буроватую пленку с отчетливыми трещинами. Спирт, по-видимому, не оказывал заметного действия на высушенную аммиачную вытяжку.

В. Бурые пятна на расписных стенах погребальной камеры. По всем росписям погребальной камеры были замечены темно-бурые пятна величиной от монеты в три пенса до полукроны. Они никак не зависели от краски и не встречались гуще ни на одном цвете, не выказывая предпочтения какому-либо из них. Это, по-видимому, указывает, что вещество, за счет которого росла плесень, было клеем, использованным в известковой побелке под расписной поверхностью или в самой краске. Несколько отчетливых пятен нашлось и на нерасписанных стенах передней камеры. Все, что можно было увидеть, указывало на то, что эти пятна образовали плесени, грибковые наросты или какие-то бактерии, находившие пищу в клее (или белке), который служил для проклейки.

Эти бурые пятна были совершенно поверхностными и отслаивались от прикосновения лезвия ножа, причем под ними не было видно никакого следа окраски. На многих из этих пятен посредине виднелось нечто похожее на отчетливые кристаллы. Они ярко искрились при сильном свете, словно у них были блестящие плоские грани, а при осмотре в ручную лупу напоминали кристаллы селенита. Нагретые на платиновой фольге, они сильно вспучивались, причем вздувшаяся масса была белой или жемчужной; при дальнейшем, еще более сильном

нагревании она обугливалась, после чего черная масса сгорала, как трут, и оставляла чисто белую золу. Зола растворялась с шипением в разбавленной соляной кислоте.

Бурое пятно, помещенное на платиновую фольгу и смоченное каплей соляной кислоты, сильно вскипало из-за штукатурки под ним и давало желтый вязкий раствор, в котором, однако, нельзя было обнаружить ни мицелия, ни каких-либо строений, похожих на плесень. При выпаривании жидкости досуха оставался белый остаток, который при нагревании тоже сильно вспучивался, обугливался и сгорал, оставляя белый остаток с немногими частицами угля.

При осмотре под микроскопом малого увеличения пятна казались сплошь глянцевыми и студенистыми, и вид их напоминал обыкновенную бурую морскую водоросль. Ни на одном пятне не удалось найти спорангиев или чего-либо на них похожего. Несколько пятен поместили в воду (которая отделила большую часть штукатурной подложки), а затем к жидкости добавили немного разбавленного раствора желатины. Часть этого оставили в стакане на чистом воздухе Долины царей, но через несколько дней не нашли никаких бурых или окрашенных наростов, а лишь серые пятна *Penicillium*. Тонкий слой раствора желатины нанесли на белый глиняный сосуд и положили на него кусочек бурого пятна, чтобы посмотреть, не вырастет ли что-нибудь. И здесь не удалось обнаружить ничего, кроме желтого или оранжевого ободка вокруг пятна. Доктор Тайсен, располагая всеми средствами хорошо оборудованной бактериологической лаборатории и большим опытом подобной работы, также не смог получить никаких наростов или каких-либо признаков живых бактерий, плесени или их спор.

Что касается того, что было описано как кристаллы, следует указать, что доктор Тайсен не согласен, что это действительно кристаллы. Он пишет: «Мне они кажутся просто выпотом клея или связующего вещества, которым углекислый кальций стенной обмазки превращали в пластичную массу». Связующее вещество растворимо в воде и азотисто по своей природе.

Имев большое преимущество наблюдать эти тельца в большом числе на месте, я все же остаюсь убежден, что это настоящие кристаллы, вероятно, кальциевой соли какой-то органической кислоты, образовавшейся от действия какой-то формы жизни на вещество, служившее клеем.

Значение того, что здесь разобрано, состоит в том, что оно дает ключ к своеобразному потускнению листового золота, покрывающего ковчеги, и объясняет его. Золото хорошей пробы не должно тускнеть ни в какой обычной атмосфере, а тем более в такой, как в гробнице, высеченной в чистом известняке. К тому же потемнение не походило на обычное потускнение металлической поверхности. Исследование под микроскопом показало, что золото покрыто тем же буроватым веществом, похожим на морскую водоросль, что и на стене, — пятнами с подобными кристаллообразными тельцами, только меньшей величины и того же янтарного оттенка. Когда окрашенное таким образом в красный цвет золото нагревали, наблюдались в точности те же явления вспучивания и прочего, а когда сдували белую золу, золото оказывалось своего обычного блестящего желтого цвета. Объяснение, которое подсказывают эти наблюдения, таково: когда листовое золото наклеивали на ковчег, на золоте осталось немного грунтовочной массы (углекислого кальция и клея), и на нем произошли те же химические изменения, что и на стенах, с теми же веществами и под действием тех же причин.

Г. Глянцевое (смолистое) вещество на бронзовых шпонках ковчега. Вид вещества, покрывающего бронзовые шпонки, сразу наводил на мысль о смоле, наплавленной на бронзу при нагревании. Поверхность была сплошь глянцевой, без единой царапины или повреждения. Почему оно было на нижних частях бронзовых шпонок, а не на чередующихся с ними деревянных? Почему только на нижних частях? Почему оно выглядит наплавленным? Каково его назначение?

Немного его соскоблили и испытали, чтобы узнать, не родственно ли оно черной смоле, которой так много покрыто различных предметов. Порошок был бледного красновато-бурого цвета. Он легко плавился в темно-бурую жидкость, которая при остывании быстро застывала. При более сильном нагревании на платиновой фольге он выделял горючие газы и сгорал, оставляя лишь след золы. Он легко растворялся в спирте и при выпаривании раствора оставлял бурый остаток. Вода осаждала смолу из спиртового раствора.

Черная смола в порошке вела себя совсем иначе. При нагревании на платиновой фольге она выделяла много газа с запахом, почти как от нагретого каучука. Она сгорала, но оставляла в качестве промежуточного продукта много рыхлого угля и след золы. В спирте она почти не растворялась, а то, что растворялось, оставляло бурый смолистый остаток. Те же явления отличали и черную смолу, нанесенную на дерево, и кусок неиспользованной смолы, который раскалывался с раковистым изломом.

Прозрачная смола буроватого цвета, бывшая в шаровидных комочках величиной с небольшой грецкий орех, давала более светлый порошок, растворявшийся в спирте. Этот порошок тоже плавился, но выделял гораздо больше газа, чем порошок с

бронзовых шпонок, и давал в спирте гораздо более светлый раствор.

Смола со шпонок во всем вела себя как шеллак; ни одна из других так себя не вела.

Д. Черный налет на скобах дверей ковчега. Металлические скобы, в которые входят засовы из черного дерева и с помощью которых закрывались двери ковчегов, оказались покрыты черным налетом, легко отслаивавшимся. Снятый налет оказался металлическим по природе. Исследование под микроскопом показало, что он сильно кристаллический и ослепительно бел на краях и других изломах. Так как металл плавился нелегко, это явно не было ни олово, ни свинец, и он не тускнел при накаливании докрасна. Эти простые испытания указывали, что металл — серебро высокой чистоты. Этот вывод подтвердился тем, что он полностью растворился в азотной кислоте, за исключением нескольких черных чешуек (золото?), а образовавшееся азотнокислое серебро было искристо-белым, разве что в одном месте с легким зеленоватым оттенком. Это могло бы указывать на след меди, но даже если так, она могла попасть с бронзовой скобы. При добавлении избытка раствора нашатырного спирта не удалось заметить никакого синего окрашивания.

При нагревании с крепкой серной кислотой до сильного дымления налет придавал кислоте отчетливый бурый цвет, как если бы содержал органическое вещество. При таком нагревании одна его сторона становилась чистой и блестящей, а другая оставалась черной. Несмотря на выделение сернистого газа, черное вещество держалось очень крепко и под микроскопом показывало много трещин. Они могли появиться при расплющивании первоначально выпуклой поверхности. Черный

налет, по-видимому, нисколько не отставал и вообще не изменялся ни от пиридина, ни от раствора едкого натра.

Нет никаких действительных доказательств, что серебро было покрыто черной краской какого-либо обычного рода, и маловероятно, чтобы скобы, если их предполагали красить, стали бы покрывать серебром, ведь бронза приняла бы краску ничуть не хуже.

Любопытно отметить, что серебро, первоначально наложенное в виде тонкого ковкого листа, стало сильно кристаллическим и хрупким просто от течения времени.

Е. Металлическая полоса вокруг основания внешнего ковчега. По общему виду этой полосы, очищенной соскабливанием ножом или азотной кислотой, ее считали чистой медью. То, что это не *чистая* медь, было видно по ее гораздо большей твердости и по тому, что после очистки азотной кислотой оставался бурый налет, легко стиравшийся пальцем, как бывает у многих видов бронзы.

Когда ее растворили в азотной кислоте и выпарили досуха, остаток окиси олова имел лиловатый оттенок, вероятно, от следа золота.

Анализ показал следующий состав сплава:

	Процентов
Медь	97,2
Олово	2,5
Серебро	0,3
	100,0

Никаких признаков свинца найти не удалось.

Металл был покрыт темно-зеленым налетом, что наводило на мысль, будто его окрасили (особенно ввиду того, что вокруг основания каменного саркофага была найдена широкая полоса, окрашенная в такой же темно-зеленый цвет). К несчастью, при сгибании и скручивании металла, когда его отделяли от дерева ковчега, этот налет почти весь сошел. Один кусок при нагревании в стеклянной трубке как будто показал вздутие налета, словно в нем была примесь масла. Спирт растворил немного чего-то, что обугливалось с крепкой серной кислотой. Из оставшегося едкий натр, по-видимому, ничего не растворял, даже в присутствии спирта, так как раствор при подкислении серной кислотой не давал никакого осадка и даже помутнения, а этот раствор после выпаривания досуха и нагревания не показал никаких следов обугливания.

Поэтому вероятно, что эта металлическая полоса первоначально была окрашена в темно-зеленый цвет, хотя едва ли можно сказать, что это доказано.

Ж. Исследование косметического средства из кальцитового сосуда. Кальцитовый сосуд для притираний (с. 80, таблицы L и LI) оказался полон большим количеством жирного вещества, явно предназначенного для употребления в качестве притирания. Это благовонное притирание было полностью отрезано от воздуха тем, что само вещество вступило в реакцию с углекислой известью сосуда и с наружным воздухом и образовало сплошную корку из устойчивых веществ вокруг крышки. Благодаря этому представилась единственная в своем роде возможность изучить поведение природного жира, пролежавшего при сравнительно высокой температуре воздуха более 3000 лет, даже если бы при исследовании жир оказался смешанным с нейтральными веществами.

Косметическое средство очень тщательно исследовал доктор Г. Дж. Плендерлейт в исследовательской лаборатории Британского музея, но из-за разложения вещества нельзя было применить никаких решающих проб, чтобы с какой-либо уверенностью определить первоначальный источник жира или хотя бы решить, животного он или растительного происхождения. Чтобы извлечь как можно больше из этого исключительного материала, оказавшегося в нашем распоряжении, мы обратились к г-ну А. Честону Чапмену, члену Королевского общества, и он весьма любезно согласился поделиться с нами своим обширнейшим опытом и знанием жиров и масел и, совершенно независимо, также провел полное исследование косметического средства. Эти два исследования дают очень тщательное химическое изучение этого вещества и показывают ценность чистой науки для того, чтобы прийти к верным выводам в задачах, нередко чрезвычайно трудных, которые ставит археолог.

Косметическое средство находилось в широкогорлом сосуде из того, что часто ошибочно называют алебастром, а на самом деле является кальцитом, одной из форм углекислого кальция, тогда как алебастр в строгом смысле слова — водная сернокислая известь. Эта разница здесь имеет некоторое значение, потому что кальцит может разъедаться и легко разъедается самыми слабыми кислотами, а настоящий алебастр — нет. Когда доктор Картер вскрыл сосуд, оказалось, что содержимое весит около 1 фунта (450 граммов); оно было несколько липким и пахло, напоминая кокосовый орех. На вид это была неоднородная смесь желтоватых комочков с веществом шоколадного цвета. Уже при температуре руки вещество размягчалось и, по крайней мере отчасти, начинало плавиться, а запах становился сильнее, но все еще почти всем, кто его нюхал, напоминал кокосовый орех. Его описывали

также как похожий на запах цветов ракитника или как валериановый по характеру. Запах можно было назвать определенно жировым, но это, безусловно, не был запах, свойственный далеко зашедшему прогорканию. Тщательное исследование под микроскопом не обнаружило никаких следов растительного или иного органического строения.

Любопытно отметить в этой связи, что жир, найденный в египетских сосудах, защищенных толстыми слоями ила, описали Питри и Квибелл[11]. Он относится к гораздо более раннему периоду египетской истории и обладает по крайней мере внешними признаками разбираемого образца. Однако в жире из Накады при исследовании под микроскопом нашли растительные волокна. Хотя гистологическое исследование остатков, проведенное доктором Тизелтоном-Дайером в Кью, не дало никакого определенного результата, эти исследователи, по-видимому, убеждены, что присутствие волокон в жире указывает на его растительное происхождение, — вывод небесспорный, если принять во внимание, что, по самым достоверным сведениям, египтяне сохраняли жиры, закатывая их в растительные волокна. Питри и Квибелл, утверждая, что природа их образца еще не установлена, заключают, что единственным известным для него источником могло бы быть одно из растительных масел — масло дерева ши или масличной пальмы. Однако кажется маловероятным, чтобы душистые составные части таких масел или жиров оказались достаточно устойчивыми, чтобы выдержать действие кислорода и влаги в течение столь долгого времени. Следует упомянуть, что раскопщики твердо утверждают, что этот кокосовый запах часто заметен у только что выкопанных образцов, и это наводит на мысль, что он может происходить от

какого-то пахучего продукта разложения таких веществ, как жиры, смолы или бальзамы.

[11] «Накада и Баллас», 1896, с. 39.

Образец при систематическом анализе оказался органическим по природе, хотя при сжигании оставлял остаток в 2 процента своего веса в виде углекислого кальция. Он получился от сгорания солей, образованных кислотами жира, которые разъедали кальцит, из которого был сделан сосуд. Косметическое средство не содержало соединений с азотом или серой. Как показывает анализ, приведенный ниже, жирное вещество, растворимое в эфире, составляло почти 88 процентов, а весь глицерин, свободный и связанный, — почти ровно 5½ процента.

Исчерпывающее качественное и количественное исследование относительного содержания кислот ряда стеариновой кислоты и «окисленных» кислот, происходящих от кислот ряда олеиновой кислоты, приводит к выводу, что жирная составная часть была скорее животного, чем растительного происхождения. Из-за медленного и долгого окисления кислородом воздуха все более характерные, но неустойчивые составные части животного жира, в отличие от растительного, исчезли.

Общий приблизительный анализ

	Процентов
Жирные вещества, растворимые и в легком петролейном эфире, и в эфире	59,1
Жирные вещества, растворимые в эфире, но практически нерастворимые в легком петролейном эфире	28,6
Вещества, растворимые в спирте, но нерастворимые в эфире	0,9
Вещества, растворимые в воде, но нерастворимые в спирте	4,4
Вещества, нерастворимые ни в одном из перечисленных растворителей	4,7
Влага (потеря при высушивании при 105° C)	2,3
	100,0

Подводя итог своим исследованиям, Чапмен и Плендерлейт пишут[12]: «В целом мы склонны считать, что химические данные подтверждают мнение о животном характере жира, так как маловероятно, чтобы в распоряжении был какой-либо растительный жир с той малой долей олеина, которую, по-видимому, первоначально содержал этот. Химические данные в целом, по-видимому, исключают кокосовое масло и масло из ядер масличной пальмы. Принимая во внимание все результаты, представляется вероятным, что косметическое средство состояло примерно на 90 процентов из нейтрального животного жира и примерно на 10 процентов из какой-то смолы или бальзама».

[12] «Журнал Химического общества», т. CXXIX, с. 2614–2619.

3. Анализ серебряного гвоздя с золотой шляпкой (из второго гроба). Диаметр золотой шляпки (заметно бледной по цвету) был 10½ миллиметра. Сам гвоздь имел в длину 49½ миллиметра, в диаметре у шляпки — 4¾ и постепенно сужался до 2,9 у острия,

где был круто закруглен. Цветом он был почти черный и, будучи промыт раствором нашатырного спирта, давал жидкость, которая сильно опалесцировала при добавлении чистой азотной кислоты. Это объясняло потускнение, доказывая присутствие хлора, несомненно, из поваренной соли в поте древних мастеров, изготовивших гвоздь. Удельный вес серебряного сплава был 10,52.

Анализ показал, что вещество гвоздя состоит из:

	Процентов
Серебро	90,2
Золото	5,1
Медь	4,5
Свинец	0,2
	100,0

И. Анализ золотого гвоздя (из золотого гроба). Золотой гвоздь был бледного цвета, а металл хрупок. При накаливании докрасна на воздухе он становился темно-бурым, что указывало на заметное количество меди в сплаве, из которого он был сделан. Диаметр шляпки был 8½ миллиметра, а стержня гвоздя — 5 миллиметров. Длина его была 25 миллиметров, то есть почти ровно один дюйм. Удельный вес был, насколько можно было определить, 14,5. Близ острия в металле был ясно заметный изъян, но удельный вес гвоздя в целом в точности совпал с удельным весом пробы, взятой для анализа, которую сплавили в шарик и затем расплющили молотком.

Анализ показал следующий состав сплава:

	Процентов
Золото	67
Серебро	25
Медь	8
	100

К. Бурое пушистое вещество с наружной стороны саркофага. Оно представляет большой интерес, так как это единственный предмет из гробницы, на котором обнаружены несомненные плесневые наросты или вообще какие-либо низшие формы жизни. Единственный клочок, похожий на крошечный комочек ваты, был найден на наружной стороне саркофага; он начинался чуть выше вырезанной строки иероглифов, идущей вокруг верхней части, и продолжался по ней. Тогда же было замечено, что нечто похожее на грибные гифы расползлось по знакам, окрашенным в красный цвет, но обходило знаки, окрашенные в желтый, и, встречаясь с ними, резко сворачивало на неокрашенный камень между отдельными знаками. Это было дополнительным доказательством того, что эти гифы были живыми: ядовитость желтого сернистого мышьяка останавливала их рост, как только они до него доходили.

По собственному исследованию этого пушка под микроскопом я убедился, что он состоит из грибных гиф, на которых было несколько шаровидных скоплений прозрачного, довольно светлого бурого цвета; я надеялся, что это окажутся спорангии и тем самым дадут ключ к определению этой плесени.

Поэтому я отправил весь материал доктору А. У. Хиллу, директору садов Кью, которому, как и мисс Э. М. Уэйкфилд, проводившей само исследование, я очень обязан за следующий тщательный отчет:

Бурое пушистое вещество с саркофага. В нем найдены грибные гифы, но никаких органов плодоношения, поэтому определение невозможно. Гифы бесцветны, но покрыты аморфным бурым веществом, напоминающим неровную корочку желатины или камеди. Там, где есть ветвление, это вещество иногда собирается в крупные округлые или продолговатые капли, которые я считаю теми тельцами, что были приняты за возможные органы размножения. При обработке очень слабыми растворами едкого кали бурое вещество исчезает, и гифы становятся едва видимыми. Оно растворяется также, но медленнее, молочной кислотой.

Жаль, что не сообщается, на каком веществе мог расти гриб. Если на краске, смешанной с желатиной, то возможно, что гриб разжижил желатину и она таким образом смогла образовать покров вдоль гиф. Или, возможно, подобным же образом была затронута камедь. Природу бурого вещества установить не удалось, отчасти потому, что неизвестно, какие изменения могли произойти за столь долгий срок, а отчасти потому, что невозможно применить химические пробы, такие как реакция Миллона на белок, к столь ничтожным количествам вещества, так легко растворимого и в кислотах, и в щелочах.

Примечание. Для сведения интересующихся следует упомянуть, что полный отчет о химическом исследовании косметического средства напечатан в «Журнале Химического общества» за 1926 год, т. CXXIX, с. 2614–2619.

ПРИЛОЖЕНИЕ V. ОТЧЕТ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ОБРАЗЦОВ ИЗ ГРОБНИЦЫ

✦

Гарольд Плендерлейт

Г. Дж. Плендерлейт, кавалер Военного креста, доктор философии

Исследовательская лаборатория Британского музея, июль 1926 года.

(1) Тростниковый факел (из мусора на полу погребальной камеры). Сердцевина пропитана черной камедесмолой, которую, вероятно, влили в тростник в расплавленном виде. Она легко растворяется в спирте и в большей части растворяется также в эфире. Небольшая нерастворимая часть при извлечении водой дает след камеди. Кислотное число исходного продукта — 137,9. Камедистая часть в водном растворе слегка вращает плоскость поляризации вправо. Исследование под микроскопом остатка, нерастворимого в спирте, обнаружило пористые сосуды, свойственные древесине хвойных, а растворы имели отчетливый запах сосны.

Опытные данные указывают, что этот образец — какая-то сосновая смола, возможно, можжевеловая.

(2) Красная смола (из киосков, таблица LIII, б). Она была красная и очень порошистая. Около 93,9 процента растворялось в спирте и 6,1 процента — в воде. При нагревании она давала скипидарный запах. Ее кислотное число было 137,7. Она была практически нерастворима в бензоле и в эфире. Качественные данные о растворимости указывают на шеллак, но для него

кислотное число слишком высоко. Возможно, это ангольский копал.

(3) Вещество, которым чинили саркофаг. При исследовании оно оказалось смесью камедесмолы с углекислым кальцием и песком. Желтый цвет, по-видимому, объясняется потемнением поверхности.

(4) Кусок раствора из гробницы. Оказалось, что он состоит из сернокислого кальция с небольшим количеством известняковой крошки и песка.

(5) Сероватый порошок (из киосков, таблица LIII, б). Этот порошок в основном органический по природе; он в большой части растворим в воде, но заметно не растворяется в спирте. Водный раствор сильно щелочной. Он содержит углекислые и сернокислые соли, натрий и калий, со следами меди и азота.

В порошке есть также остатки (надкрылья) множества жуков длиной от 3 до 5 миллиметров, которые вместе с мелкими кусочками коры легко заметить плавающими в водном растворе. В остатках насекомых сохранилось недостаточно подробностей, чтобы определить точный вид, но нет сомнения, что это жуки из семейства табачного жука, которые живут на таких растениях, как корица и перец, а также на табаке.

Поэтому это вещество, по-видимому, состоит из остатков какой-то камеди или пряности.

(6) Исследование «освятительной жидкости». Смесь была неоднородной. Средняя проба при извлечении дала:

	Процентов
А. Вещества, растворимые в спирте	56
Б. Вещества, нерастворимые в спирте	44
	100

А. Вещества, растворимые в спирте. Выпаренный остаток этой части полностью растворялся в сероуглероде, бензоле, хлороформе, скипидаре и пиридине и давал мутный эфирный раствор. Он умеренно растворялся в ацетоне, не растворялся в воде, но в большой части растворялся в едком натре. При нагревании вещество плавилось приблизительно при 130° С (размягчаясь примерно с 110° С) и издавало характерный смолистый запах, похожий на запах мирры и, возможно, бделлия.

Б. Вещества, нерастворимые в спирте. Этот черный остаток полностью растворялся в сероуглероде, бензоле, хлороформе, скипидаре и пиридине, но лишь слабо — в эфире и ацетоне. Он плавился около 70° С и имел отчетливый запах пека.

Очевидно, что душистые смолы сплавили с пеком и использовали как освятительную жидкость. Вопрос о том, какой пек здесь применен — минеральный или древесный, — должен остаться открытым, так как это определяется относительной растворимостью пека в спирте, а эту величину здесь получить нельзя, ведь спирт пришлось с самого начала употребить для удаления смолистой части.

Попытки отделить смолу от пека (1) по разнице температур плавления и (2) замораживанием, измельчением в порошок и по небольшой разнице в удельном весе оказались безуспешными.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI. ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТОВ

✦

(Таблицы XXXVII–LXXXVIII)

A

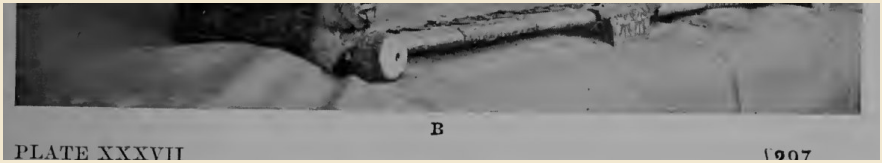

Таблица XXXVII. Кузов первой парадной колесницы

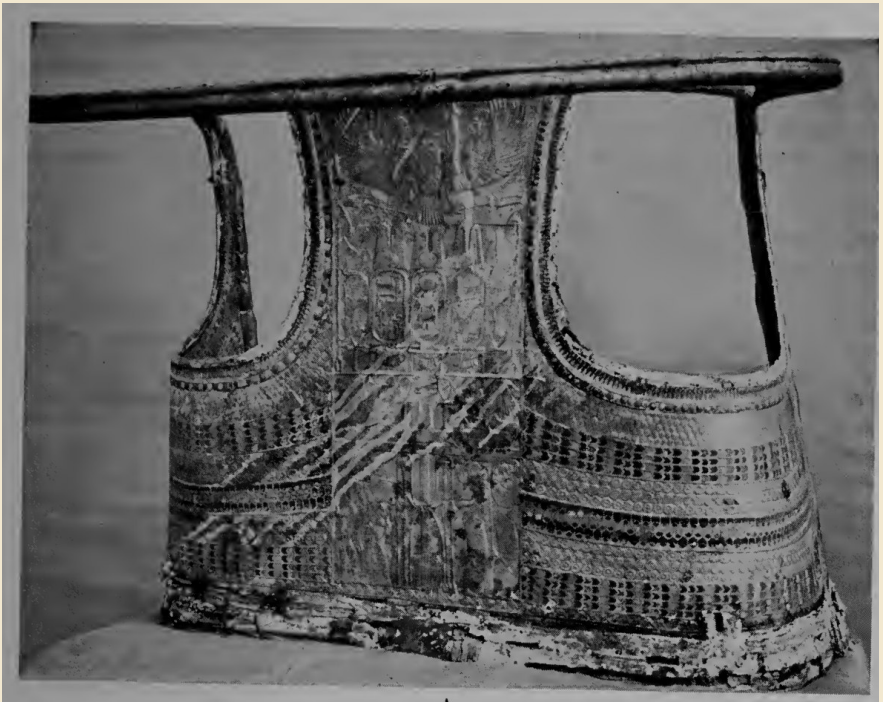
Таблица XXXVII

Кузов первой парадной колесницы

Сделан из гнутого дерева и целиком обложен тонким полированным листовым золотом по левкас. Края и другие части инкрустированы полудрагоценными камнями и многоцветным стеклом.

На передней стороне (а) чеканный орнамент состоит из имен Тутанхамона, средней вертикальной полосы с растительным узором и боковых панелей со сложным узором из спиралей. На внутренней стороне (б) — панель с картушами царя и символическим «Соединением Двух Царств», к которому снизу привязаны пленники Севера и Юга. Ниже — великолепный фриз из чужеземных пленников со связанными за спиной руками, стоящих на коленях перед всемогущим львом с человеческой головой (сфинксом) — Тутанхамоном. На нижней перекладине — муфты из инкрустированной золотой работы, а по обе стороны, в месте соединения каркаса «кузова», — богато украшенные выпуклые накладки, увенчанные причудливыми головами бога Беса.

(См. главу IV; таблицы XVII, а, XVIII–XX, XXI, б.)

A

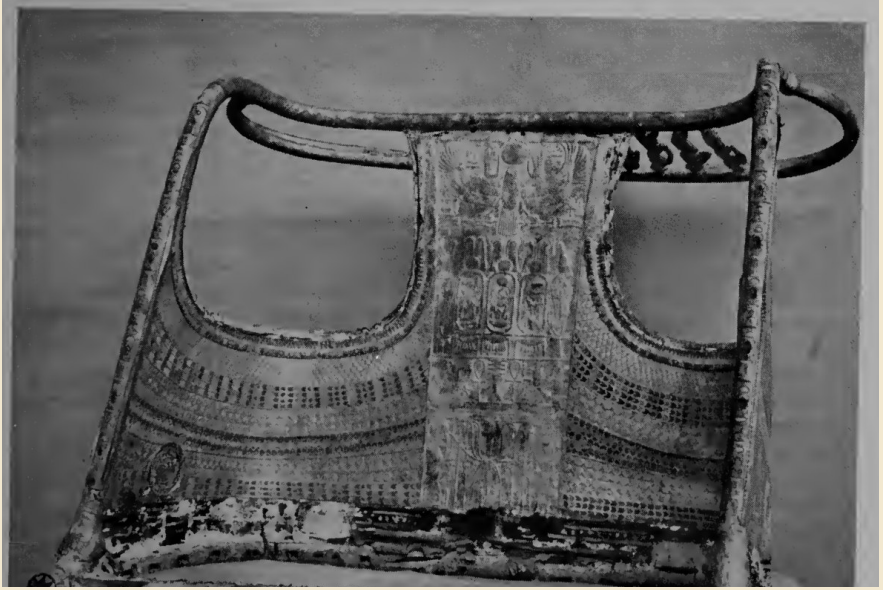

Таблица XXXVIII. Кузов второй парадной колесницы

Таблица XXXVIII

Кузов второй парадной колесницы

Сделан из гнутого дерева и обложен золотом по левкас. Края панелей и вертикальные стойки «кузова» инкрустированы полудрагоценными камнями и многоцветным стеклом.

На передней стороне (а), в середине, на листовом золоте вычеканены солнечный сокол, картуши царя, *рехит* (то есть народ) и символическое «Соединение Двух Царств», к которому привязаны чужеземные пленники. По сторонам — чеканные и инкрустированные узоры из перьев, «бычьего глаза» и спиралей.

На внутренней стороне (б) убранство почти в точности такое же, как на передней. Стойки «кузова» инкрустированы иероглифическим знаком, в который входит тронное имя царя, а в местах соединения стоек с основанием — выпуклые накладки, украшенные камнями.

(См. главу IV; таблицы XVII, б, и XXI, а и в.)

Таблица XXXIX. Оси парадных колесниц

Таблица XXXIX

Оси парадных колесниц

Эти оси сделаны из прочного (?) дерева, и их открытые части обложены листовым золотом по левкас. Как видно на изображениях (а и б), на обложенных частях через промежутки идут муфты и пояски из более массивной золотой работы, богато инкрустированные иероглифическими и растительными узорами из стекла и полудрагоценных камней; средняя часть образует (?) нечто вроде подножки.

(См. главу IV.)

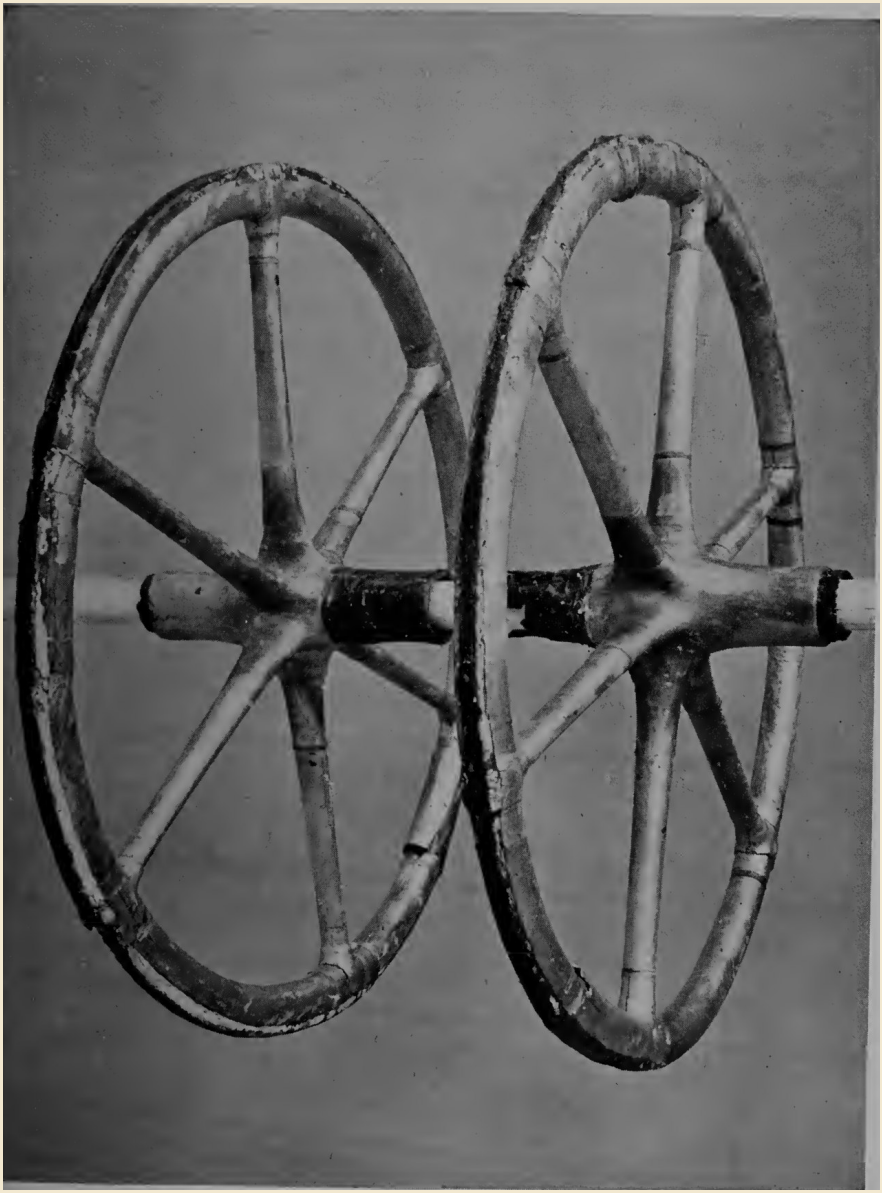
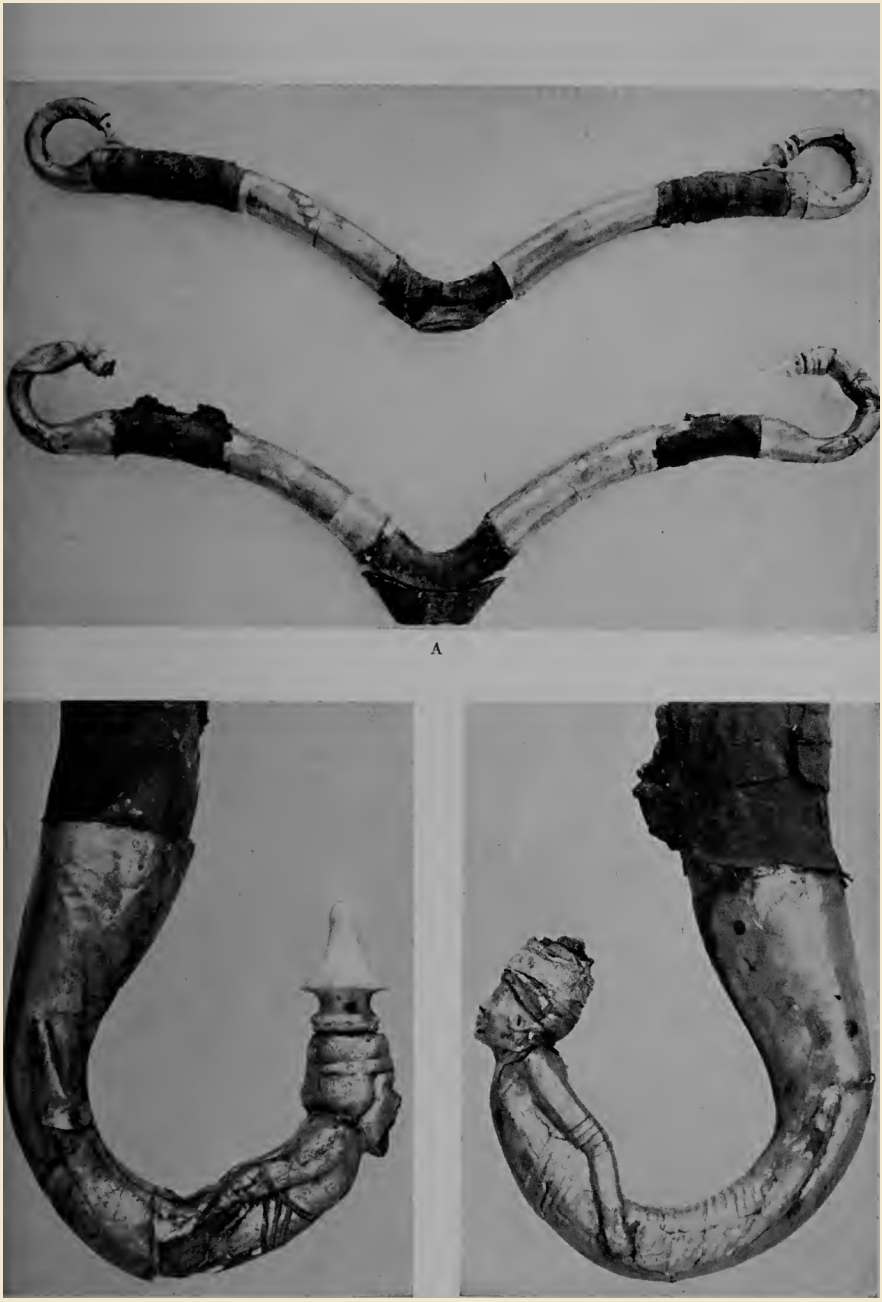

Таблица XL. Колеса парадных колесниц

Таблица XL

Колеса парадных колесниц

Ободья, шесть спиц, ступицы и втулки сделаны из разных пород дерева и обложены листовым золотом по левкас. Подробное описание и вероятное устройство колес см. в главе IV. Шины были кожаные.

A

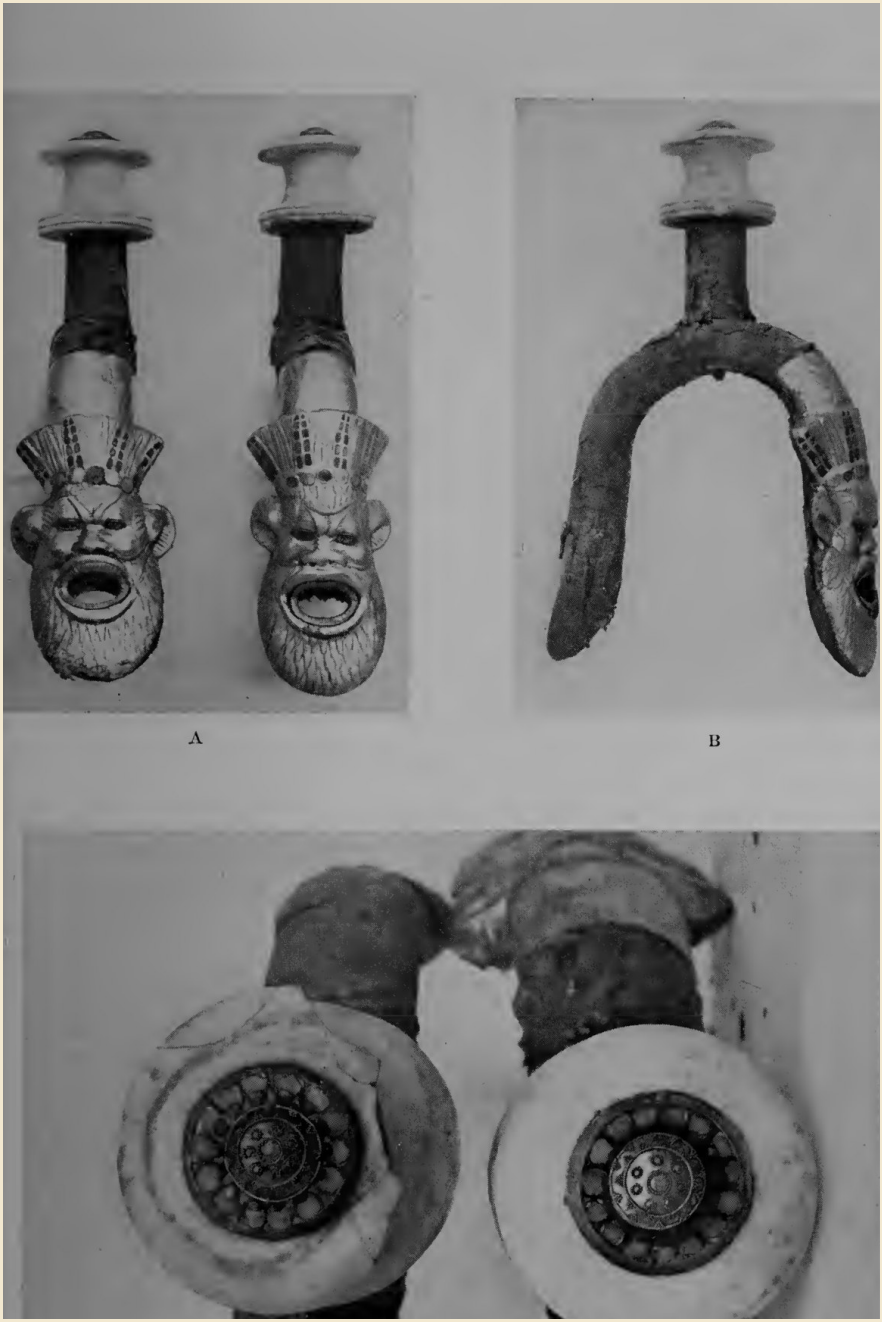
Таблица XLI

Ярма парадных колесниц

(а) Эти ярма, которые крепились к дышлу колесницы, сделаны из гнутого дерева, обложены листовым золотом, а их «опоры» обтянуты кожей. Изогнутые концы ярм оканчиваются шишками из непрозрачного кальцита.

У ярма первой парадной колесницы, кроме каменной шишки на конце, изогнутые концы выполнены в виде фигуры северного пленника (б) и фигуры южного пленника (в).

(См. главу IV.)

A

B

Таблица XLII. Упряжные седелки парадных колесниц

Таблица XLII

Упряжные седелки парадных колесниц

(а и б) Эти седелки сделаны из гнутого дерева и были обтянуты кожей. Левый конец левой седелки и правый конец правой седелки выполнены в виде головы бога Беса. Эти головы обложены золотом по левкас и инкрустированы многоцветным стеклом; их широко раскрытые рты устроены так, чтобы сквозь них проходили подпружные ремни. Кальцитовые катушки (в) наверху седелок украшены золотой зернью и инкрустированы.

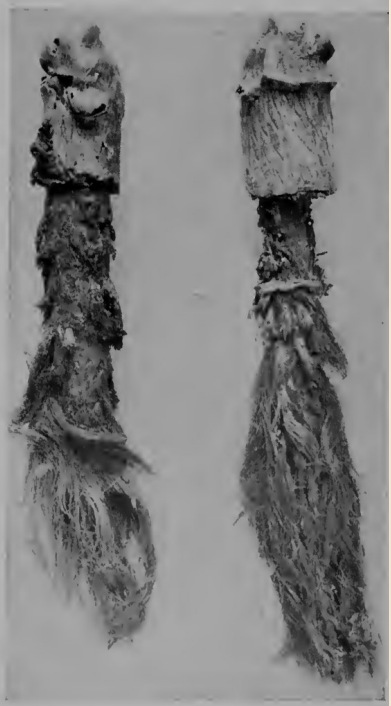
(См. главу IV.)

A

B

C

Таблица XLIII. а) Наглазники; б) стрекала; в) опахала от мух

Таблица XLIII

(а) **Наглазники** из коры, обложенные золотом и инкрустированные многоцветным стеклом.

(б) **Шпоровидные стрекала**, которые прикреплялись к узде и нагрудной упряжи, чтобы лошади не сбивались с линии тяги.

(в) **Опахала от мух** из конского волоса с узорными рукоятями в виде головы леопарда.

(См. главу IV.)

Таблица XLIV. Солнечный сокол с дышла парадной колесницы

Таблица XLIV

Солнечный сокол с дышла парадной колесницы

(а и б) Вид спереди и сзади одного из солнечных соколов с дышел парадных колесниц, служивших своего рода кокардой царского дома.

Эти соколы вырезаны из дерева и целиком обложены листовым золотом. Знак на передней и задней сторонах солнечного диска, укрепленного на голове сокола, включает тронное имя царя и намекает на его предполагаемое солнечное происхождение.

(См. главу IV.)

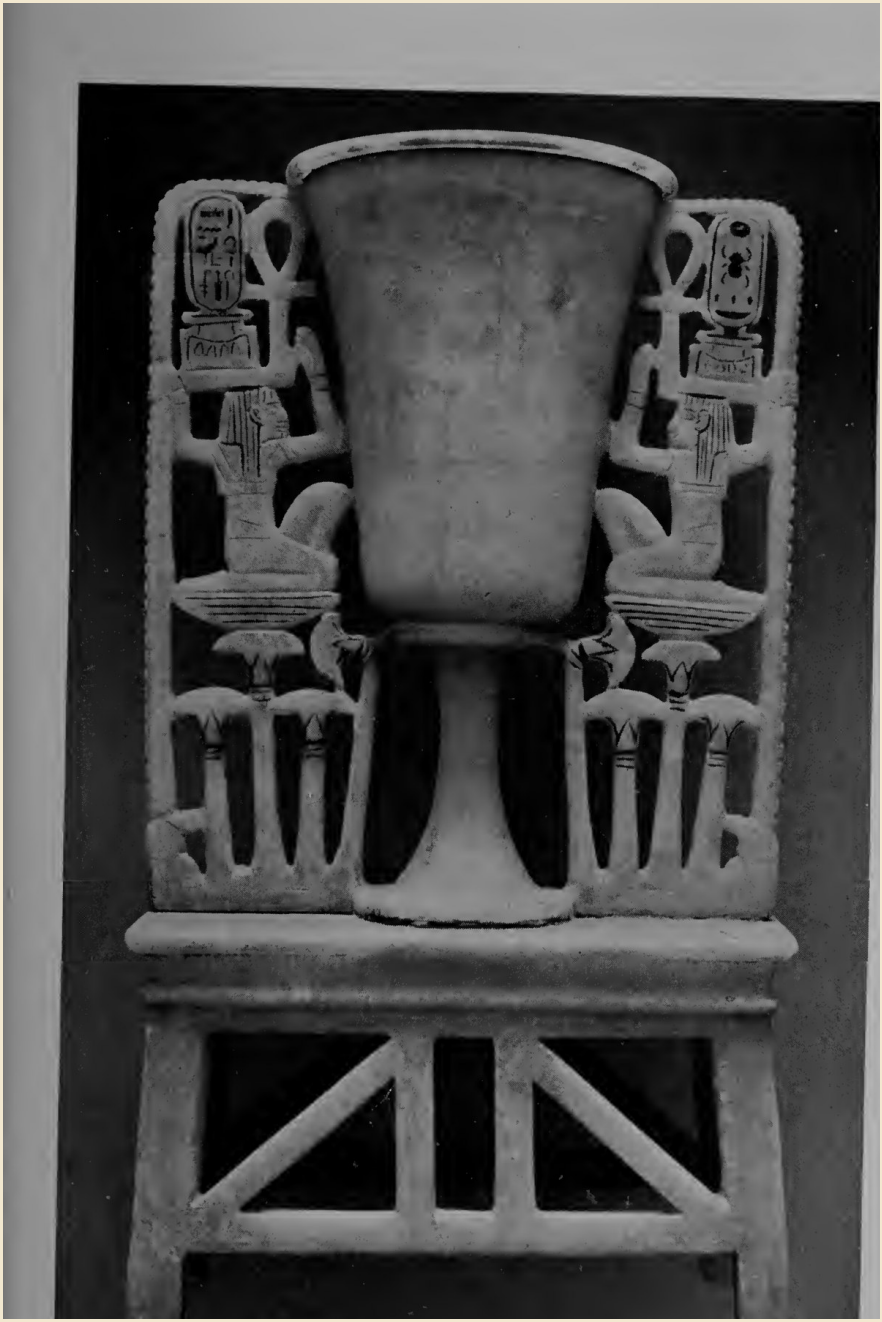

Таблица XLV. Алебастровый (кальцитовый) светильник

Таблица XLV

Алебастровый (кальцитовый) светильник

Дворцовый светильник в форме чаши на решетчатой подставке, вырезанный из просвечивающего кальцита. По бокам его — ажурный орнамент, означающий «Единство» и «Вечную жизнь». С каждой стороны — имя Тутанхамона.

(См. главу II; таблица XLVI.)

Таблица XLVI. Алебастровый (кальцитовый) светильник зажженным

Таблица XLVI

Алебастровый (кальцитовый) светильник зажженным

(а) Передняя сторона: в толще просвечивающих стенок чашеобразного сосуда видны в ярких красках царь и царица.

(б) Задняя сторона: таким же образом показаны тронное и личное имена Тутанхамона между гирляндами растительного орнамента.

(См. главу II; таблица XLV.)

Таблица XLVII

Тройной светильник

Изысканный тройной светильник в форме цветка, вырезанный из цельной глыбы просвечивающего кальцита. По замыслу он состоит из трех масляных чашечек в форме лотосов со стеблями и листьями лотоса, вырастающими из круглого основания. По всей вероятности, светильник символизирует Фиванскую триаду.

(См. главу II.)

Таблица XLVIII

Сосуд для благовоний царя и царицы

Этот прекрасный и замысловатый сосуд вырезан из четырех отдельных кусков кальцита, скрепленных между собой, и украшен золотом и расписной слоновой костью. По бокам центрального сосуда стоит ажурный орнамент, означающий «Соединение Двух Стран» (то есть Верхнего и Нижнего Египта); он выполнен в виде цветков лотоса (Верхний Египет) и папируса (Нижний Египет), стебли которых завязаны узлом вокруг горла сосуда. С каждой стороны — двуполая фигура нильского бога Хапи. Они поддерживают не только боковой орнамент, но и тонкие скипетры в виде лотоса и папируса, обвитые уреями, которые несут на головах белую и красную короны (соответственно) «Двух Царств». На широком устье сосуда, в короне *атеф* Осириса, — богиня Мут в образе коршуна с раскрытыми крыльями. Ажурные панели решетчатой подставки изображают солнечных соколов, поддерживающих крыльями картуш царя на знаках *нуб* (золото).

(См. главу II; таблица XLIX.)

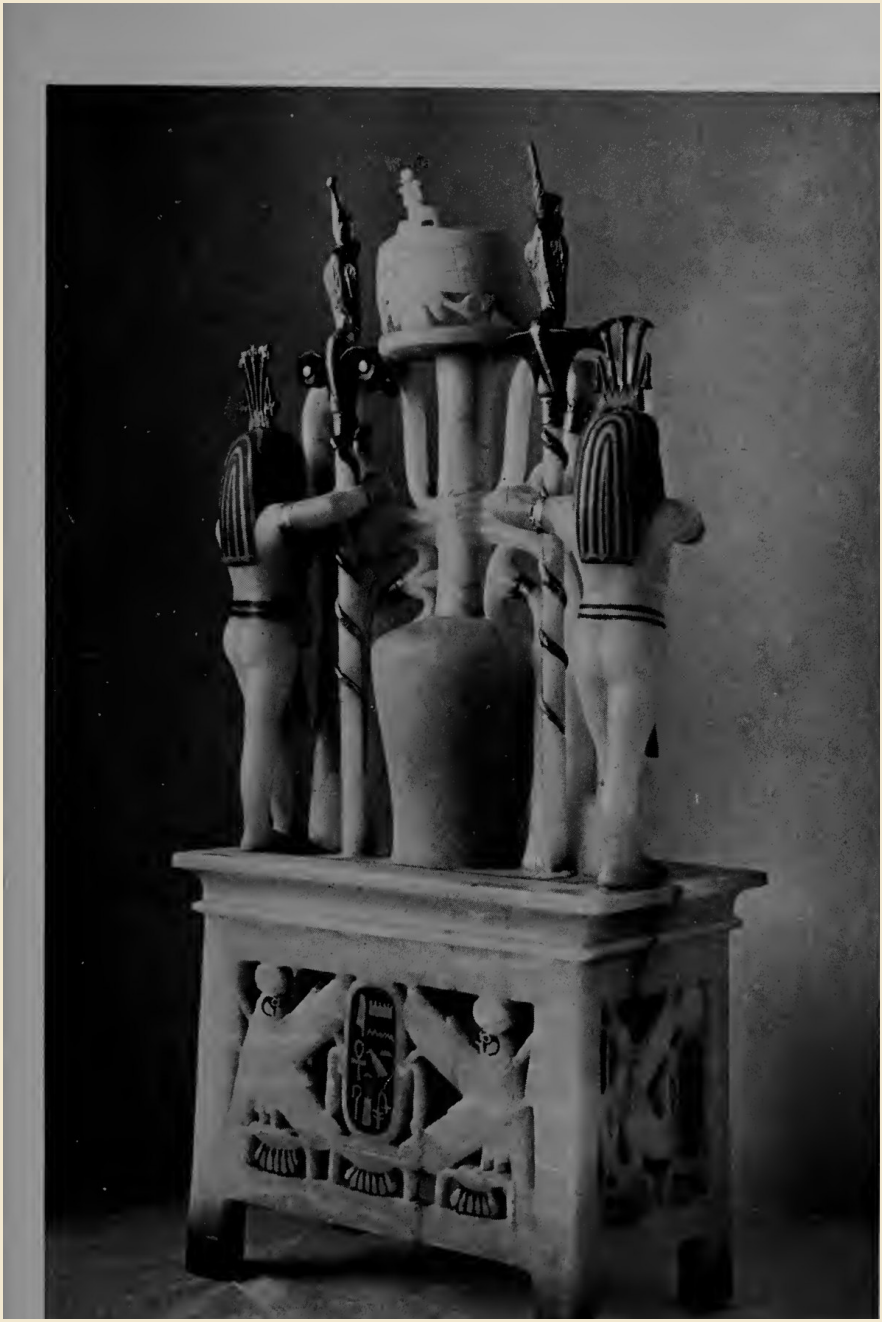

Таблица XLIX. Сосуд для благовоний царя и царицы

Таблица XLIX

Сосуд для благовоний царя и царицы

Вид сзади; описание см. к таблице XLVIII.

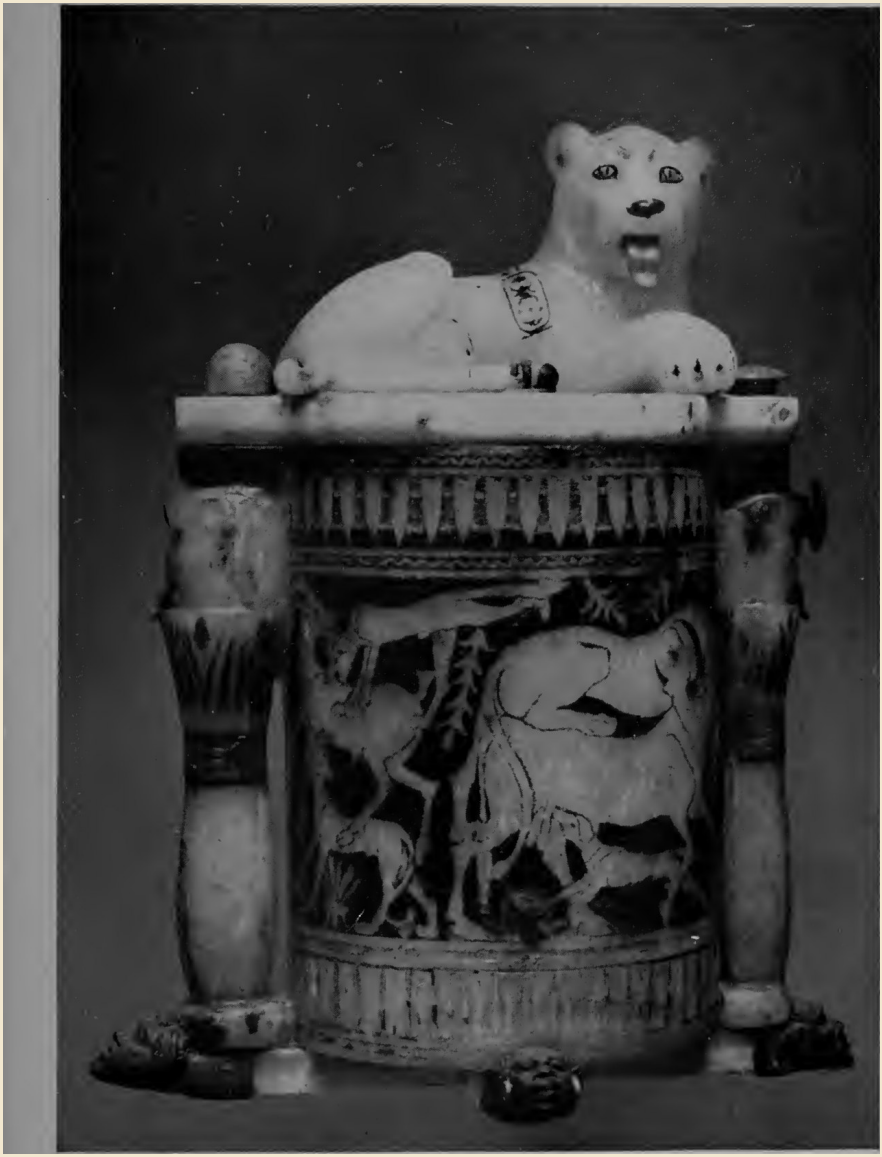

Таблица L. Сосуд для притираний

Таблица L

Сосуд для притираний

Цилиндрический сосуд для притираний, вырезанный из полупрозрачного и непрозрачного кальцита, с головами пленников из черного и красного твердого камня. Язык лежащего льва на поворотной крышке, петля и шишечки сделаны из слоновой кости, окрашенной в красный цвет. Сцена охоты и гирлянды на стенках сосуда награвированы по камню и заполнены красками разных цветов.

(См. главу II и приложение IV; таблица LI.)

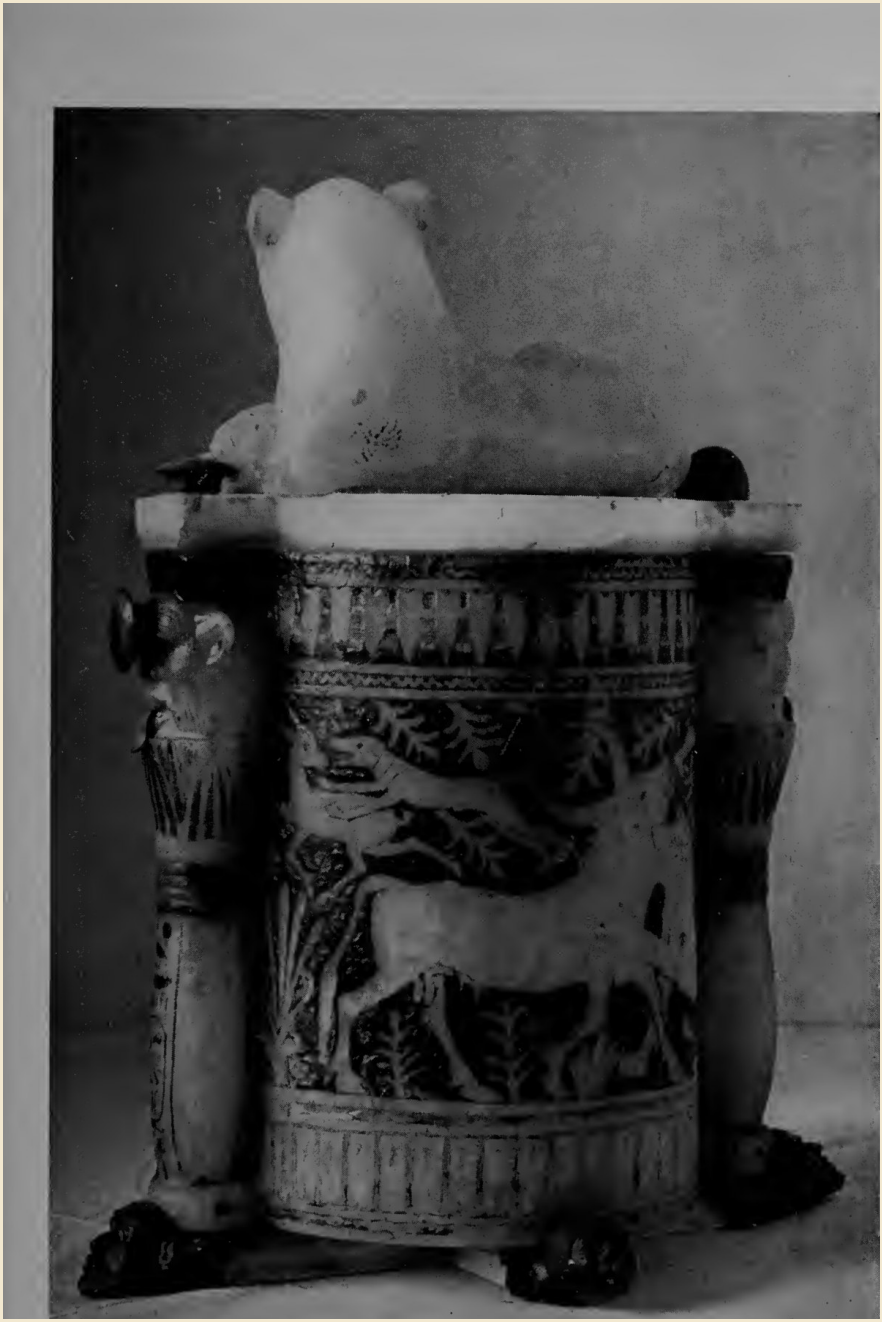

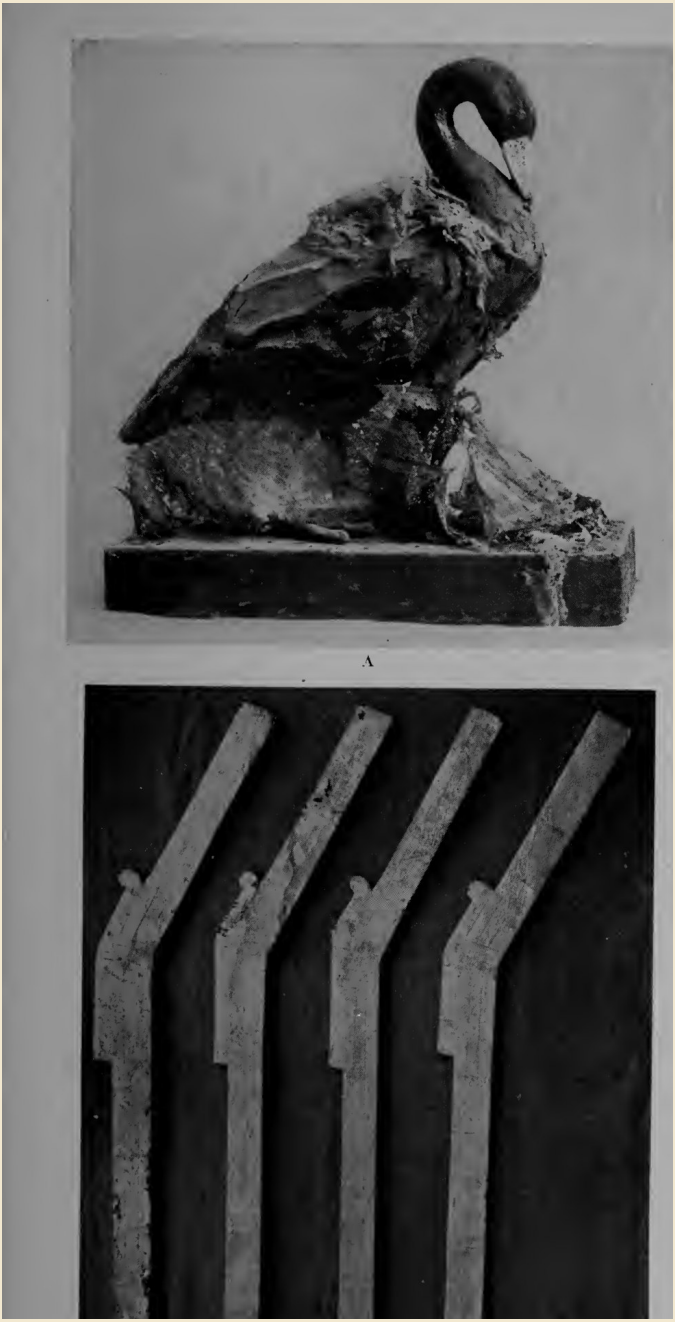

Таблица LI. Сосуд для притираний, вид сзади

Таблица LI

Сосуд для притираний, вид сзади

Вырезан из полупрозрачного и непрозрачного кальцита.
(См. главу II и приложение IV; таблица L.)

A

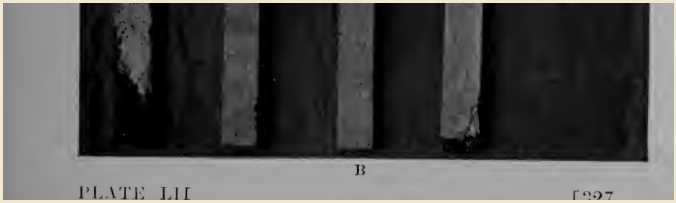

Таблица LII. а) Священный гусь Амона; б) четыре любопытных символа из позолоченного дерева

Таблица LII

(а) Священный гусь Амона

Нильский гусь (*Chenalopex Ægyptiacus*, Linn.), вырезанный из дерева, покрытый черной смолой и завернутый в тонкий лен, похожий на батист.

(См. главу II.)

(б) Четыре любопытных символа из позолоченного дерева

Эти любопытные деревянные символы, покрытые позолотой по левкас, быть может, означают пелены мумии; а так как от них, по-видимому, происходит фонетический иероглиф «пробуждаться», они, возможно, как-то связаны с «пробуждением» умершего.

(См. главу II.)

A

Таблица LIII. а) Сосуд хес между пропилеями; б) два деревянных киоска и перья из камня

Таблица LIII

(а) Сосуд *хес* между пропилеями

Эта необычная эмблема из северо-восточного угла погребальной камеры вырезана из дерева и густо покрыта черной смолой.

(См. главу II.)

(б) Два деревянных киоска и перья из камня

В деревянных киосках, покрытых черной смолой, стоят чаши из синего фаянса, наполненные соответственно натроном и смолой; они из северо-западного угла погребальной камеры.

(См. главу II и приложение V; таблица V, № 193.)

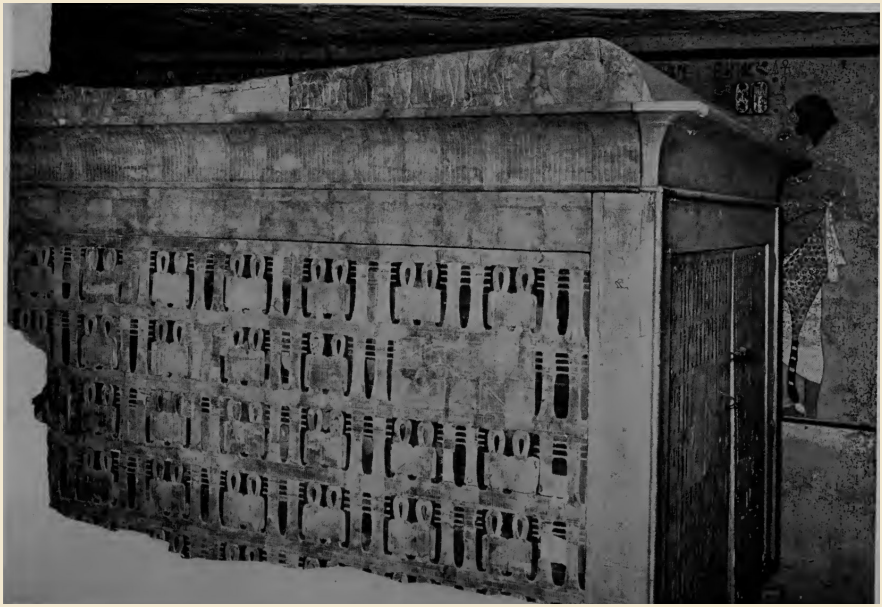

Таблица LIV. Первый (внешний) ковчег

Таблица LIV

Первый (внешний) ковчег

17 футов на 11 футов, высотой 9 футов; сделан из дубовых досок толщиной 2¼ дюйма и обложен золотом по левкас; боковые, торцовые и дверные панели инкрустированы ярко-синим фаянсом, и их убранство состоит главным образом из чередующихся пар охранительных знаков — столба *джед* и пряжки *тет*.

(См. главу III; таблицы IV, V и XI.)

A

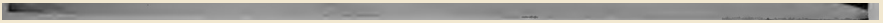

Таблица LV. а) Сматывание льняного покрова с его горизонтальных деревянных подпорок; б) горизонтальные деревянные подпорки покрова

Таблица LV

(а) Сматывание льняного покрова с его горизонтальных деревянных подпорок

(б) Горизонтальные деревянные подпорки покрова

Обратите внимание: под подпорками видна крыша второго ковчега.

(См. главу III; таблицы IV и LVI.)

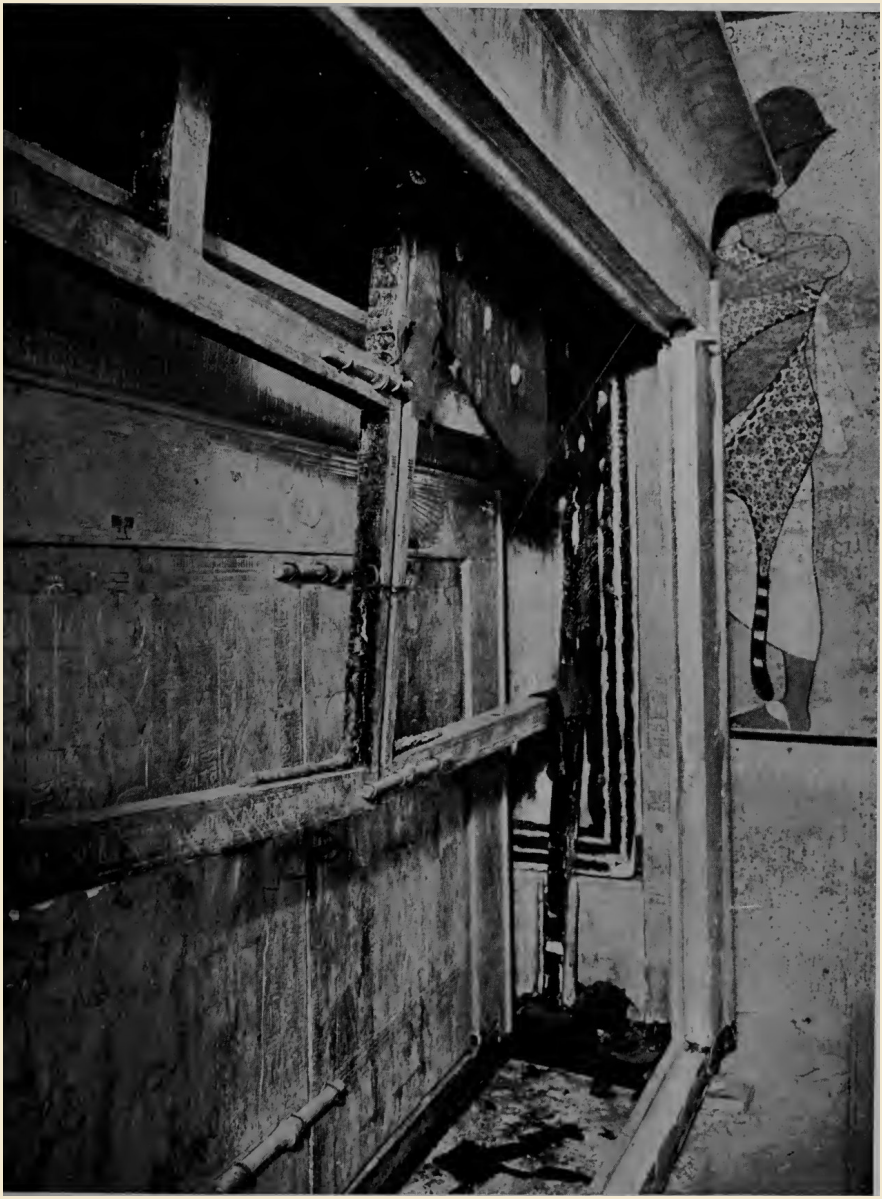

Таблица LVI. Вертикальные деревянные подпорки покрова между первым и вторым ковчегами

Таблица LVI

Вертикальные деревянные подпорки покрова между первым и вторым ковчегами

(См. главу III; таблицы IV и LV.)

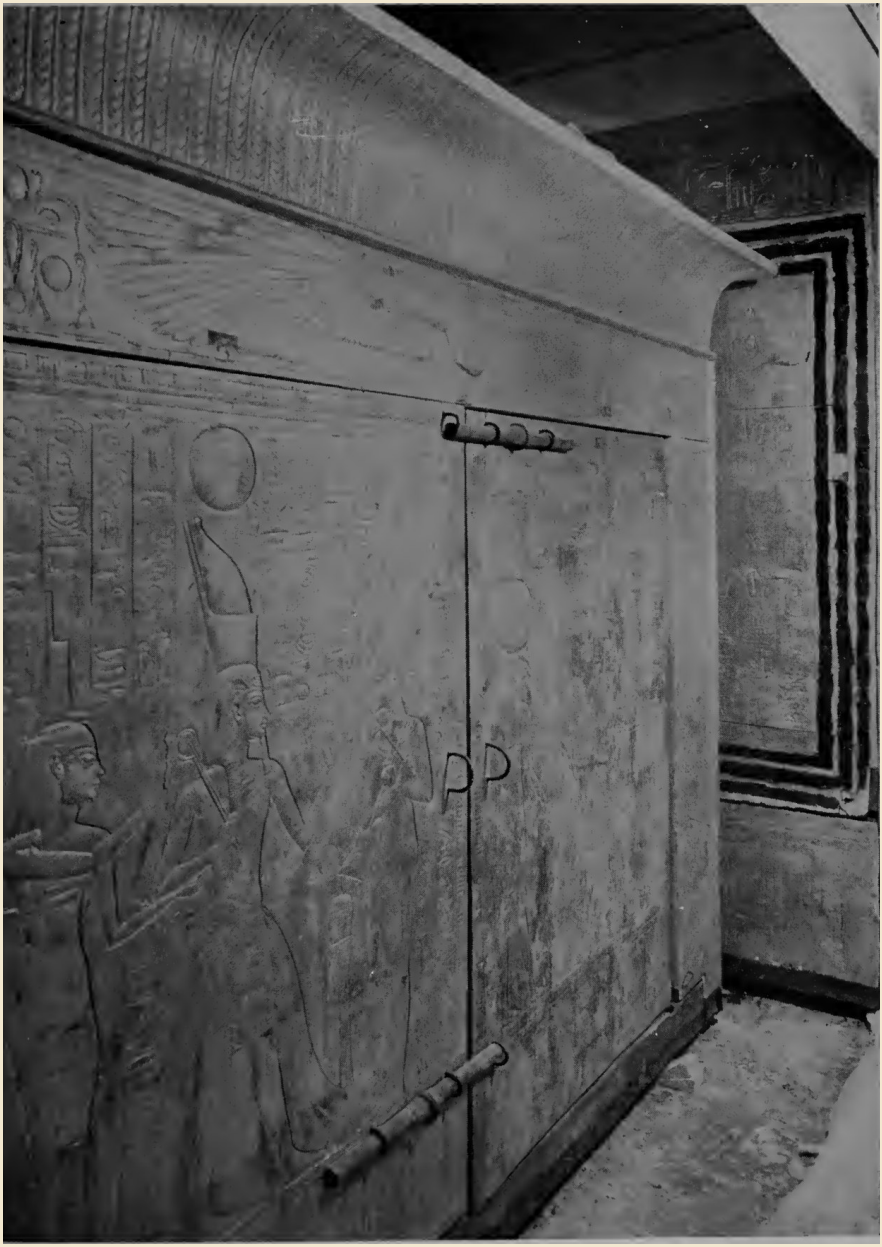

Таблица LVII. Второй ковчег

Таблица LVII

Второй ковчег

Прекрасное сооружение, сделанное, как и первый (внешний) ковчег, из дубовых досок, обложенных золотом по левкас. Как и у других ковчегов, вся наружная и внутренняя поверхность покрыта сценами и текстами из книги «О том, что в подземном мире», из «Истребления рода человеческого» и других.

(См. главу III; таблицы LV и LVI.)

Таблица LVIII. Четвертый (внутренний) ковчег

Таблица LVIII

Четвертый (внутренний) ковчег

Сделан из дубовых досок и обложен золотом по левкас. Убранство этого ковчега выполнено низким рельефом — в отличие от врезанной работы на трех предыдущих ковчегах. Он в точности облегает стоящий внутри большой кварцитовый саркофаг.

(См. главу III; таблицы XV и LIX.)

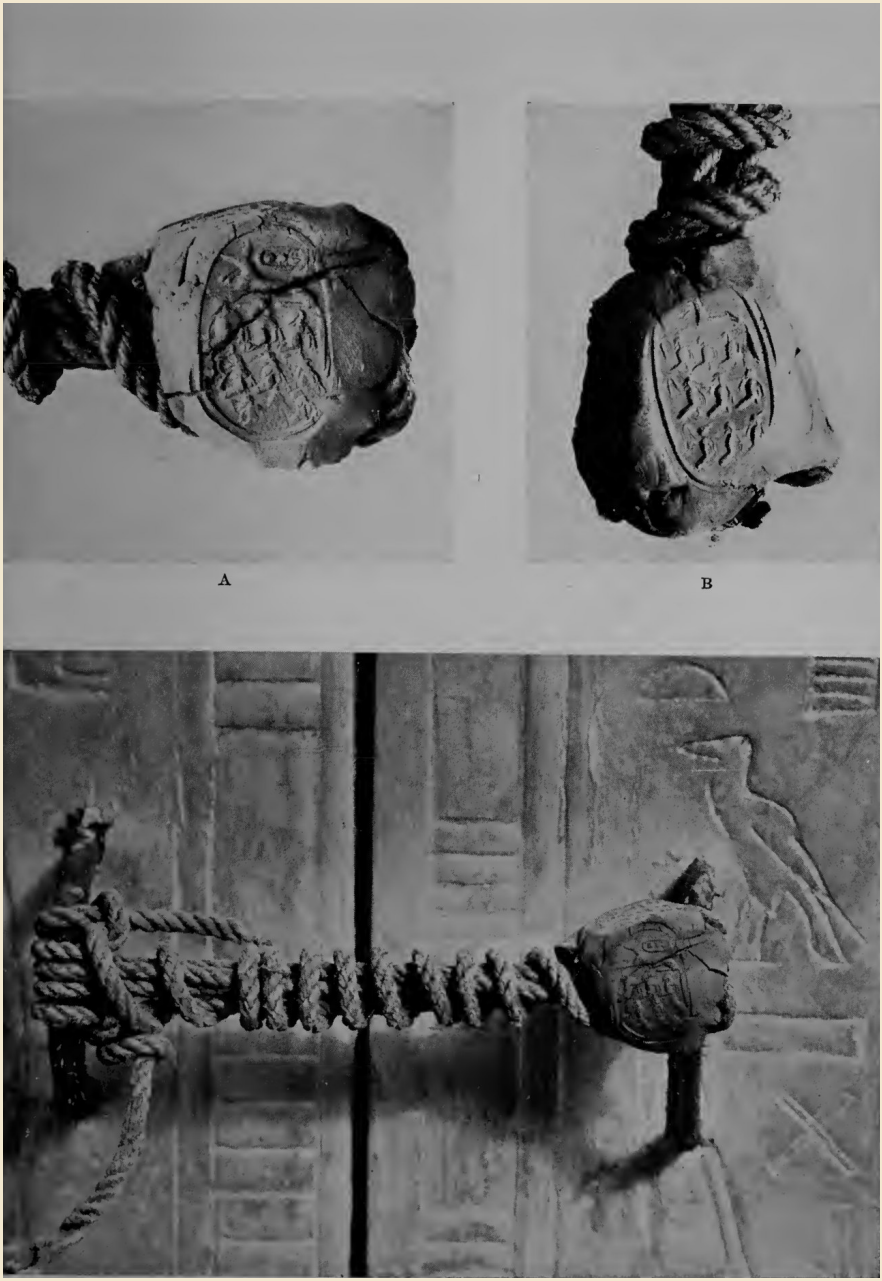

Таблица LIX

Одна из створчатых дверей четвертого (внутреннего) ковчега

На ней низким рельефом изображена богиня Нефтида. Засовы, как и на предыдущих ковчегах, из черного дерева и задвигаются в металлические скобы.

(См. главу III; таблицы XV и LVIII.)

A

B

Таблица LX

Образцы печатей на гробничных ковчегах

Двери второго и третьего ковчегов запирались засовами из черного дерева, задвинутыми в металлические скобы, а в середине (в) были закреплены шнуром, привязанным к металлическим скобам, и запечатаны. На глиняной печати на шнуре стояли оттиски двух разных печатей: на одной (а) — картуш Тутанхамона, Небхепрура, и лежащий шакал Анубис над девятью врагами, или пленниками; на другой (б) — знак царского некрополя, «Шакал над девятью врагами», без иных отличительных знаков или царских регалий.

(См. главу III.)

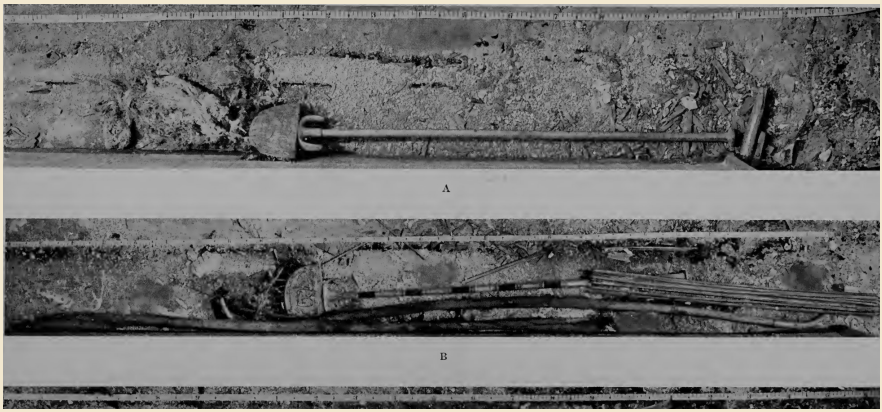

Таблица LXI. Опахала, луки и стрелы, найденные между третьим и четвертым ковчегами

Таблица LXI

Опахала, луки и стрелы, найденные между третьим и четвертым ковчегами

(а) Золотое опахало (таблица LXII) на месте находки, у западного конца четвертого (внутреннего) ковчега; заметны остатки страусовых перьев.

(б) Опахало из черного дерева (таблица LXIII) вместе с луками и стрелами на месте находки, у южной стороны четвертого (внутреннего) ковчега. Еще видны обломки страусовых перьев, приставшие к лопасти опахала.

(в) Длинный лук и стрелы на месте находки, у северной стороны четвертого (внутреннего) ковчега.

(См. главу III.)

Таблица LXII. Золотое опахало

Таблица LXII

Золотое опахало

(а) Лицевая сторона: на золотой поверхности вычеканен юный царь в колеснице; в сопровождении своей борзой-салюки он охотится на страусов ради перьев для опахала.

(б) Оборотная сторона: юный «Владыка доблести» изображен здесь возвращающимся с охоты со своей добычей — двумя страусами, которых несут двое прислужников. Перья видны у него под мышкой.

(в) Рукоять; врезанная на ней надпись сообщает, что это событие произошло «в Восточной пустыне Гелиополя».

(См. главу III; таблица LXI, а.)

A

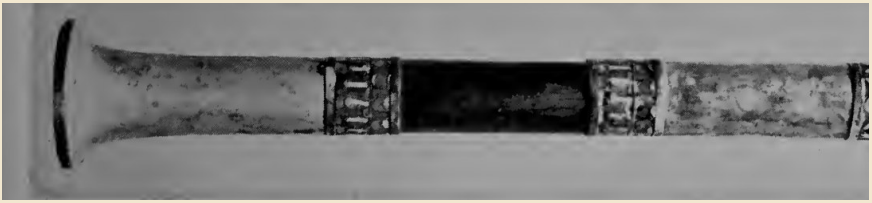

Таблица LXIII. Опахало из черного дерева

Таблица LXIII

Опахало из черного дерева.

Это опахало с надписью «Жизнь Прекрасному Правителю» сделано из черного дерева, обтянуто листовым золотом и инкрустировано стеклом бирюзового, лазуритового и сердоликового цвета, а также полупрозрачным кальцитом. Лопасть (A) опахала украшена картушами Тутанхамона, а рукоять (B) через равные промежутки охвачена инкрустированными золотыми поясками. (См. главу III и таблицу LXI, B.)

Таблица LXIV. Саркофаг

Таблица LXIV

Саркофаг.

Кварцитовый саркофаг, только что освобожденный от четырех накрывавших его ковчегов. Крышка из розового гранита, раскрашенная под цвет саркофага, была расколота поперек посередине. Трещину, как и края крышки там, где она входит в фальц по верху саркофага, тщательно замазали цементом и тоже раскрасили под цвет остальных поверхностей. (См. главу III и таблицы XIV и LXV.)

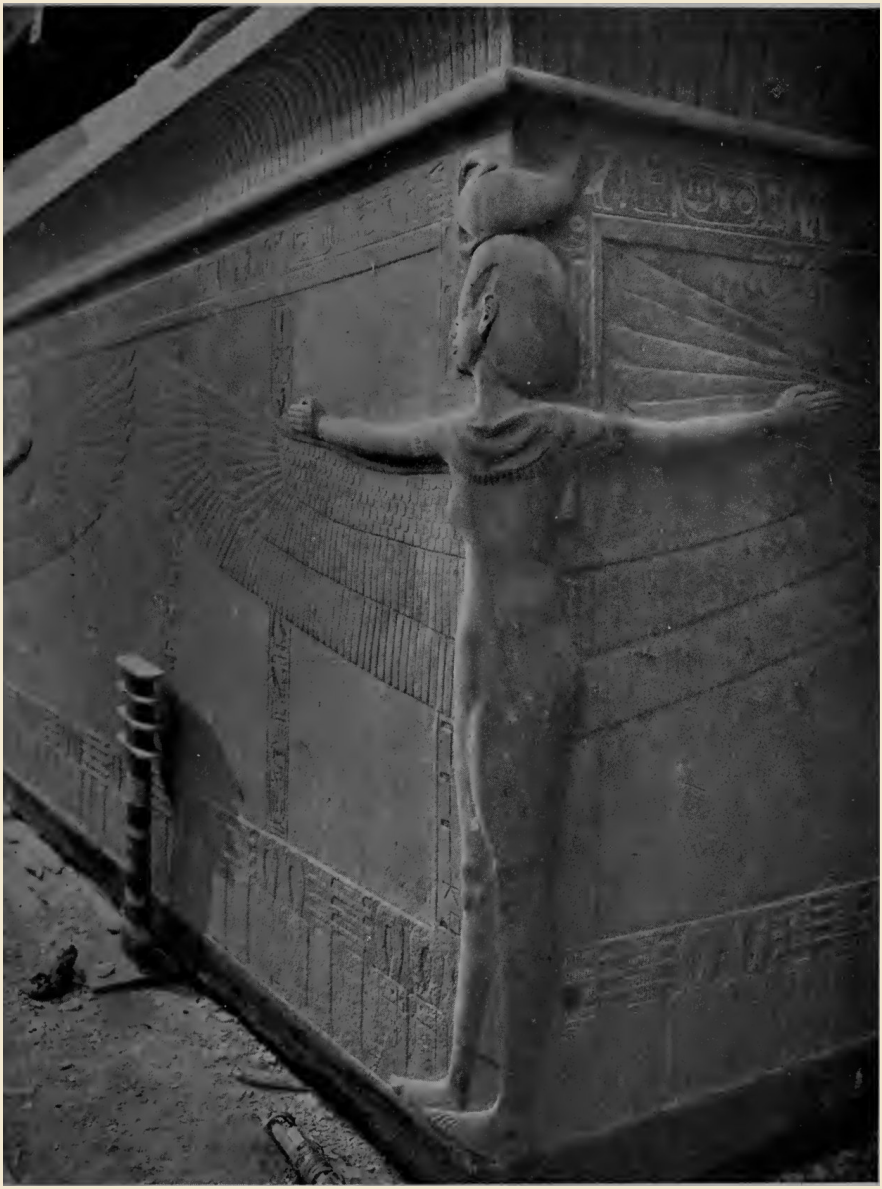

Таблица LXV. Саркофаг

Таблица LXV

Саркофаг.

Богиня Селкит — одна из четырех богинь-хранительниц, высеченных горельефом на четырех углах саркофага, по одной на каждом.

Эти богини — Исида (северо-запад), Нефтида (юго-запад), Нейт (северо-восток) и Селкит (юго-восток) — изображены так, что их широко раскинутые крылья и протянутые руки охватывают саркофаг охранительным объятием.

С южной стороны, посередине, стоял большой расписной деревянный столб *джед*. (См. главу III и таблицы XIV и LXIV.)

Таблица LXVI. Первый (внешний) гроб

Таблица LXVI

Первый (внешний) гроб.

Первый гроб внутри саркофага после того, как с него сняли покрывавшие его льняные пелены. Длина его 7 футов 4 дюйма; он

вырезан из тяжелого дерева и покрыт тонким золотом по левкасу, а лицо и руки сделаны из более толстого золота. Эмблемы на лбу инкрустированы непрозрачным цветным стеклом и фаянсом. Брови и веки — из стекла цвета лазурита, глазные яблоки — из кальцита, зрачки — из обсидиана. Осирические знаки власти в руках инкрустированы темно-синим фаянсом и цветным стеклом. Вокруг эмблем на лбу этого изображения лежит крошечный венок из цветов (см. главу III и приложение III). (См. главы III и V и таблицы XVI и LXVII.)

PLATE LXVII

Таблица LXVII. Голова царского изображения на первом гробе

Таблица LXVII

Голова царского изображения на первом гробе.
(См. таблицу LXVI.)

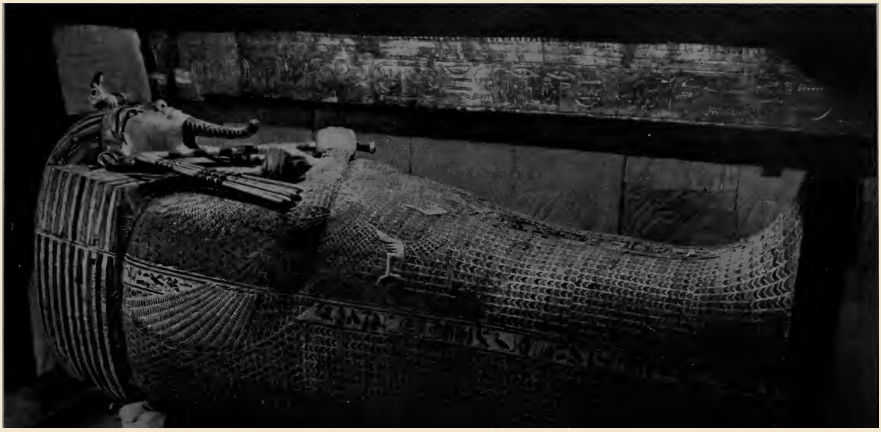

Таблица LXVIII. Второй гроб

Таблица LXVIII

Второй гроб.

Этот прекрасный образец фиванского мастерства эпохи Нового царства имеет в длину 6 футов 8 дюймов. Он вырезан из тяжелого дерева (дуба?), покрыт листовым золотом по левкасу и роскошно инкрустирован непрозрачным многоцветным стеклом, подражающим соответственно красной яшме, лазуриту и бирюзе. На голове у него платок *немес*, узор его — перистого рода, а поверх рук и живота нанесено дополнительное украшение — богини-хранительницы Нехбет и Буто в образе грифов. (См. главу V и таблицы XXII, XXIII и LXIX.)

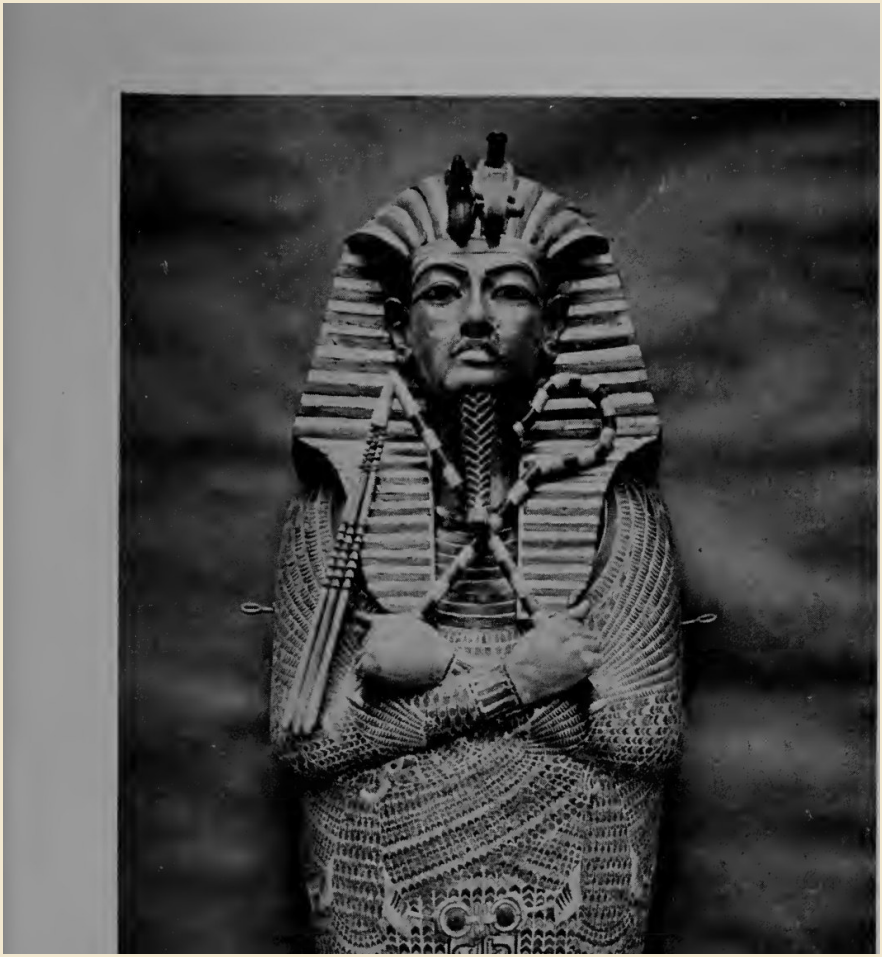

Таблица LXIX. Крышка второго гроба

Таблица LXIX

Крышка второго гроба.

Это изображение, образующее крышку второго гроба, представляет царя в облике Осириса. Описание см. в главе V. (См. таблицы XXII, XXIII и LXVIII.)

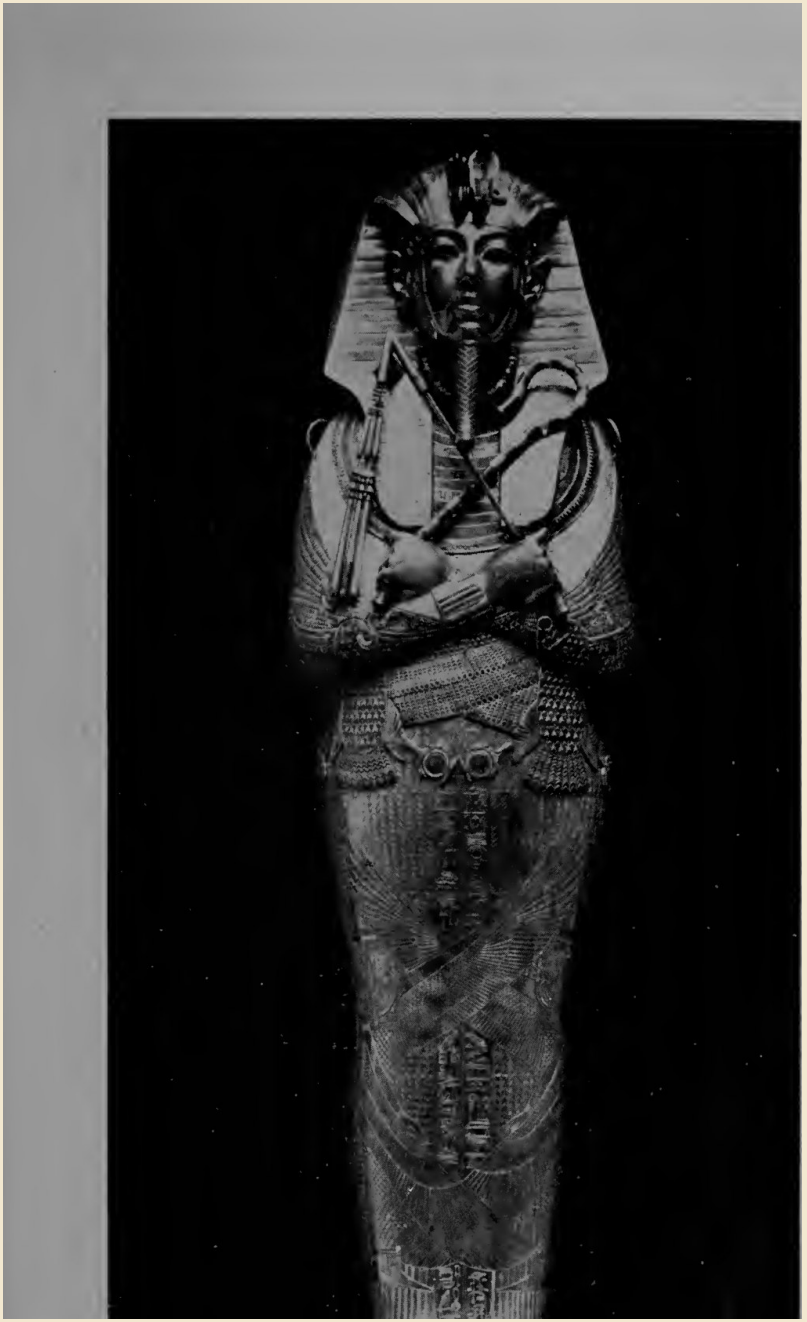

Таблица LXX. Золотой гроб царя

Таблица LXX

Золотой гроб царя.

Этот единственный в своем роде третий (самый внутренний) гроб, в котором лежала мумия, имеет в длину 6 футов 1¾ дюйма; он выкован из золота толщиной от 2½ до 3½ миллиметров в виде лежащей фигуры юного царя, представляющей Осириса.

Головной убор — в форме *немес*; лицо, шея и руки отполированы; вокруг шеи — двойное ожерелье из дисковидных бусин красного и желтого золота и синего фаянса; грудь покрывает обычное оплечье накладной перегородчатой работы. Вся поверхность гроба покрыта гравированным узором *риши* (перистым), а поверх ног добавлены крылатые фигуры Исиды и Нефтиды; но главное в его убранстве — две богини, Нехбет и Буто, в образе грифов, наложенные поверх рук и живота в роскошной перегородчатой работе; инкрустация этих богинь, как и оплечья, — из полудрагоценных камней и цветного стекла. (См. главу V и таблицы XXIV, XXXVI, LXXI и LXXII.)

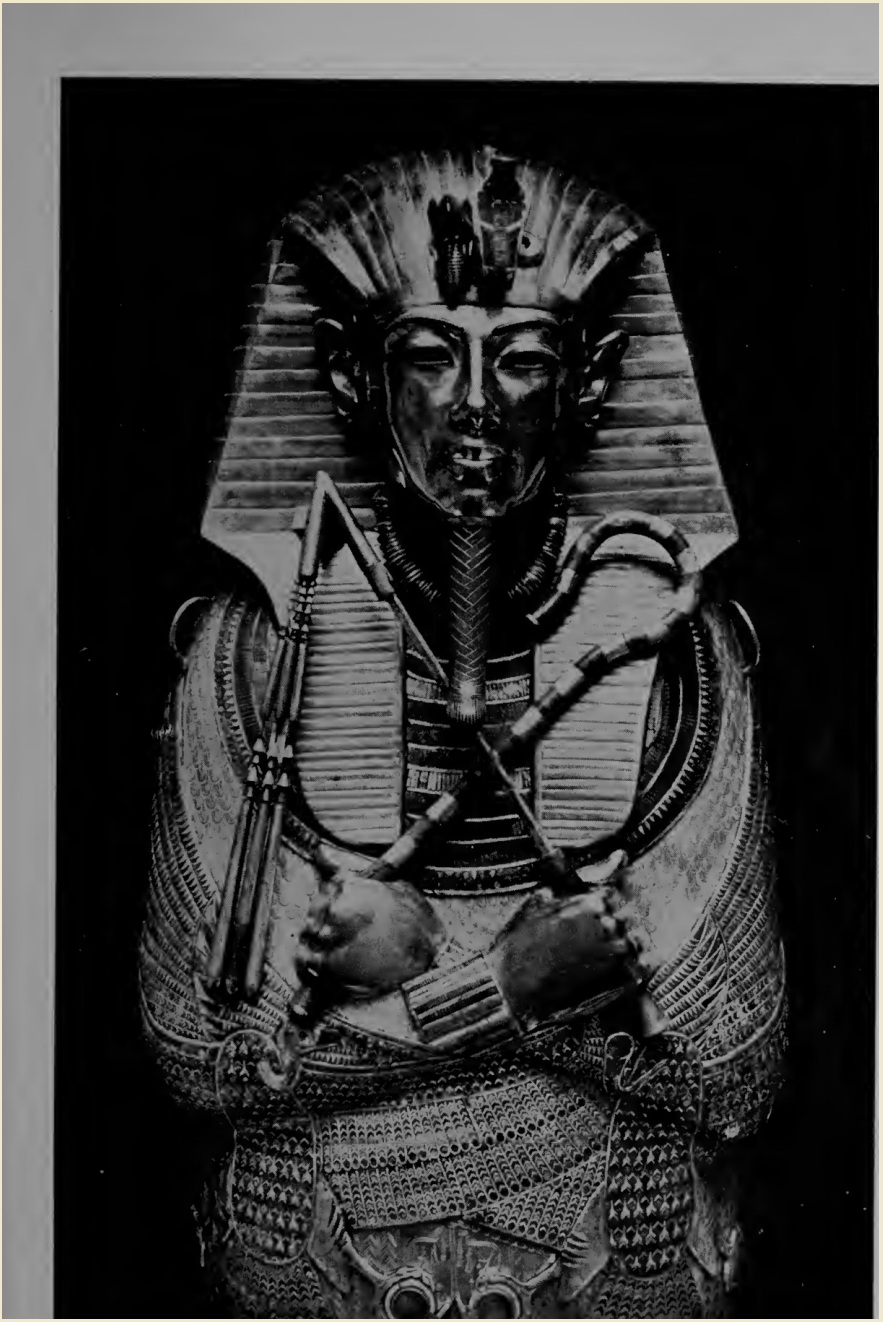

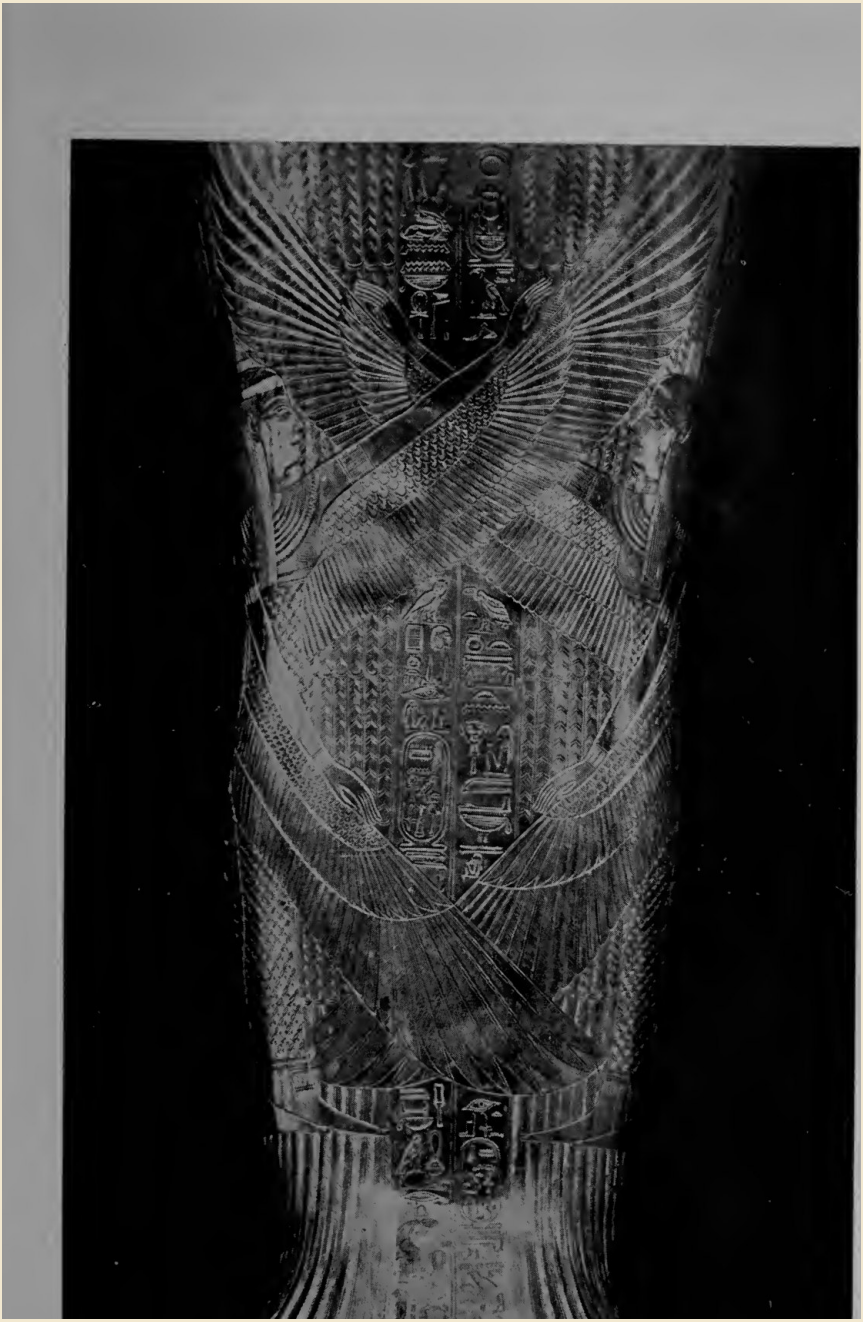

Таблица LXXI. Золотой гроб царя

Таблица LXXI

Золотой гроб царя.

Подробности верхней части третьего (самого внутреннего) гроба, выкованного из золота и богато украшенного перегородчатой работой. (См. главу V и таблицы LXX и LXXII.)

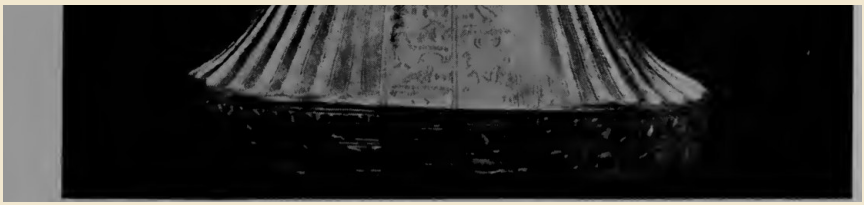

Таблица LXXII. Золотой гроб царя

Таблица LXXII

Золотой гроб царя.

Подробности нижней части третьего (самого внутреннего) гроба, выкованного из золота и богато покрытого гравированным «перистым» узором и фигурами богинь Исиды и Нефтиды. (См. главу V и таблицы LXX и LXXI.)

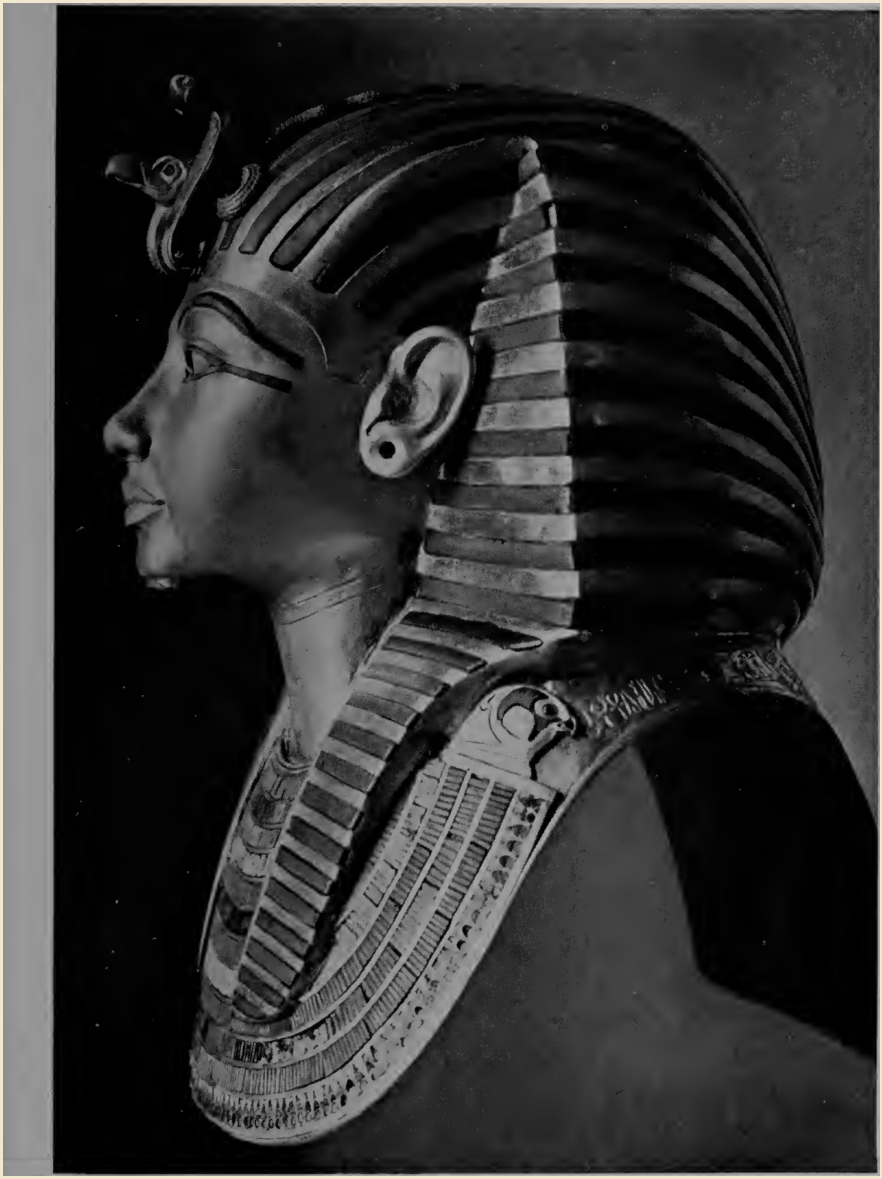

Таблица LXXIII. Золотая маска Тутанхамона

Таблица LXXIII

Золотая маска Тутанхамона.

Маска Тутанхамона, покрывавшая голову и плечи его мумии, в профиль. Этот прекрасный портрет юного царя в одних ракурсах напоминает его тестя, Эхнатона, в других же, особенно в этом профиле, — еще сильнее царицу Тии (ср. Дэвис, «Гробница царицы Тии», таблица XXXV), мать Эхнатона; по сути, в нем заметно явное сходство с обоими этими предшественниками.

Маска в натуральную величину сделана из кованого полированного золота и инкрустирована непрозрачным многоцветным стеклом, а также лазуритом, зеленым полевым шпатом, сердоликом, кальцитом и обсидианом. Тройное ожерелье, прикрепленное к шее, и условную бороду (см. таблицу XXV) сняли, чтобы черты царя были лучше видны. (См. главу V, фронтиспис и таблицу XXV.)

Таблица LXXIV. Сосуд царя для благовоний

Таблица LXXIV

Сосуд царя для благовоний.

(A и B) Это изысканное произведение ювелирного искусства высотой около 6 дюймов сделано из золота на серебряной подставке. Оно имеет форму двойного картуша (каждый картуш — отдельное вместилище для благовоний) с высокой выпуклой и чеканной орнаментикой; передняя и задняя стороны инкрустированы непрозрачным многоцветным стеклом и полупрозрачным кальцитом. Фигура внутри картушей на передней стороне изображает юного царя с локоном Гора под солнечным диском, сидящего на праздничных знаках *хеб*. Узор на боковых стенках сосуда включает имена царя и фигуру *Хех* — «Вечность». По краям серебряной подставки идет чеканный бордюр из знаков *анх* и *уас*, а на нижней ее поверхности — изображение болот и диких птиц, напоминающее искусство Эль-Амарны.

Двойные перья Шу с солнечным диском, образующие крышку, инкрустированы многоцветным стеклом. (См. главу V.)

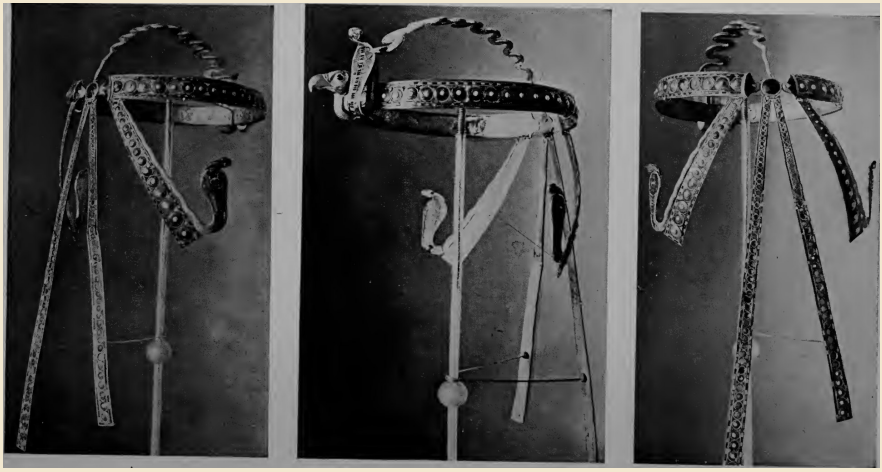

Таблица LXXV. Диадема царя

Таблица LXXV

Диадема царя.

(B) Диадема в виде обруча-повязки, найденная на голове царя. Она сделана из золота и инкрустирована соприкасающимися кружками полупрозрачного сердолика с крошечными золотыми выпуклостями посередине, окаймленными узором из стекла цвета лазурита и бирюзы. Условный бант из цветов и дисков на затылочной части обруча (C) инкрустирован малахитом и сардониксом. Эмблемы (B) — то есть гриф Нехбет и змея Буто — съемные: их нашли отдельно, на бедрах мумии (ср. таблицу XXX, R, S). Свисающие сзади ленты и боковые подвески (A и C) прикреплены к обручу на шарнирах и поэтому могли прилегать к парику, поверх которого носили диадему. (См. главу VII.)

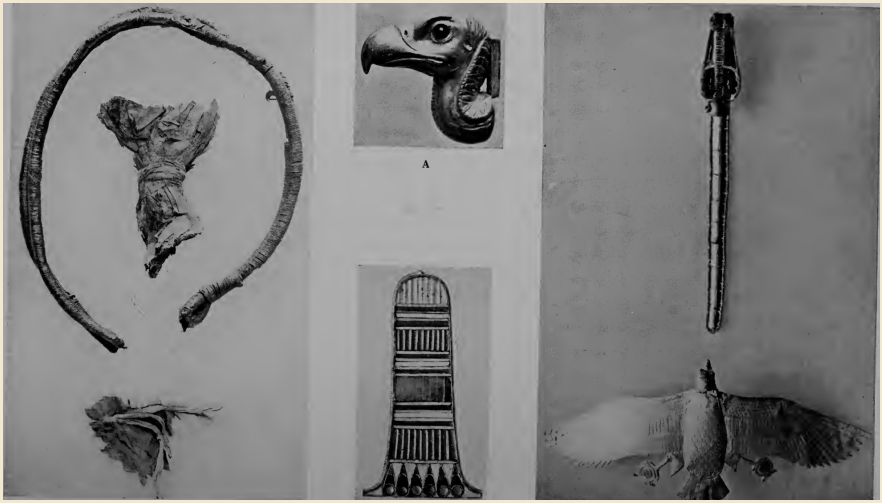

Таблица LXXVI. (A) Золотой гриф Нехбет с глазами из обсидиана. (B) Золотой манхет, инкрустированный многоцветным стеклом. (C) 1. Двойной обруч, найденный вокруг головы царя. 2. Часть косицы льняного головного убора хат. 3. Бант от ленты, удерживавшей на месте золотую височную повязку. (D) Эмблемы головного убора хат

Таблица LXXVI

(A) Золотой гриф Нехбет с глазами из обсидиана. С диадемы (таблица LXXV, B).

(B) Золотой *манхет*, инкрустированный многоцветным стеклом. С оплечий (таблица LXXXI, A).

(C) 1. Двойной обруч, найденный вокруг головы царя. Он сделан из волокна и обмотан шнуром.

2. Часть косицы льняного головного убора *хат*.

3. Бант от ленты, удерживавшей на месте золотую височную повязку (таблица LXXVII, A).

(D) Эмблемы головного убора *хат*.

Гриф сделан из чеканного листового золота, а у инкрустированной змеи гибкий хвост из золотых звеньев,

нанизанных одно за другим и окаймленных мельчайшими фаянсовыми бусинками. (См. главу VII.)

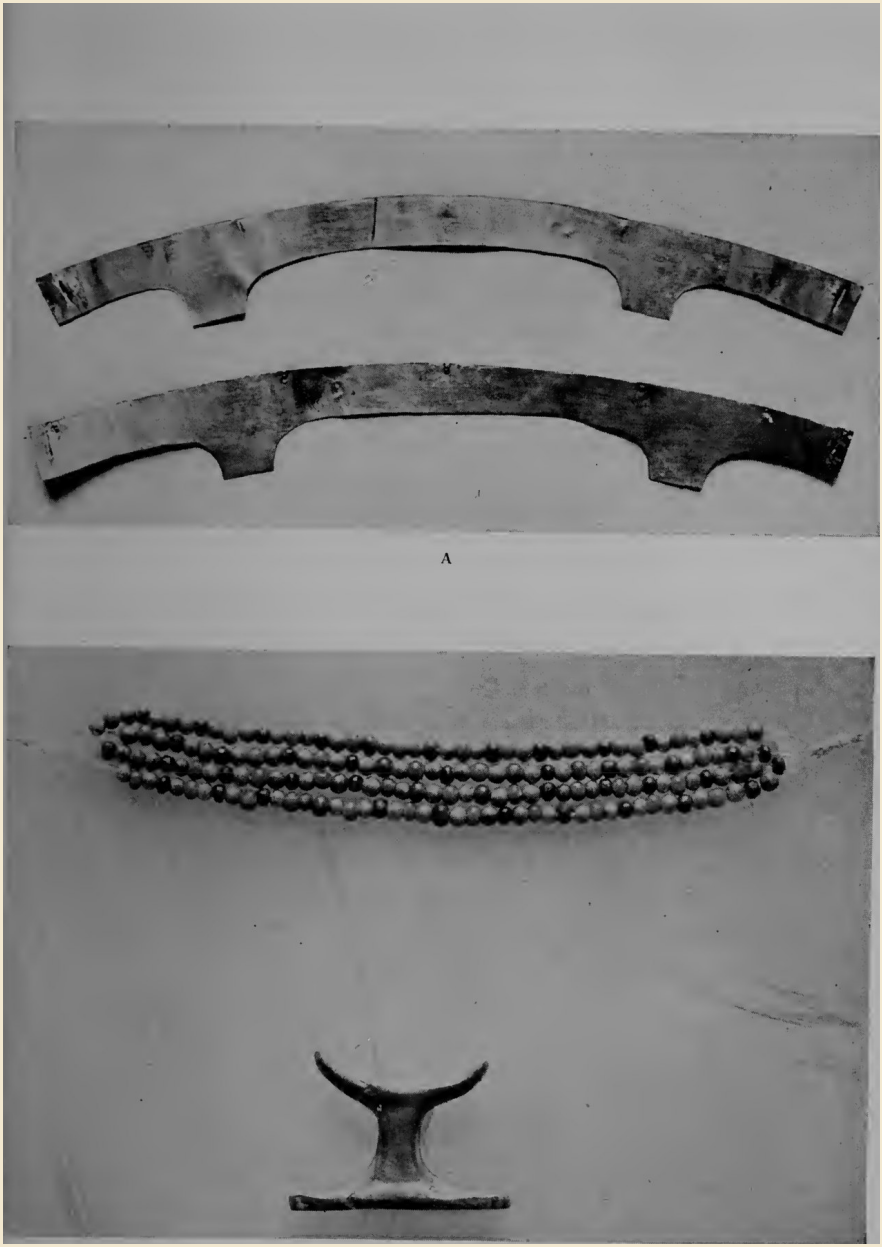

Таблица LXXVII. Предметы с головы и шеи царя

Таблица LXXVII

Предметы с головы и шеи царя.

(A) Две золотые височные повязки, удерживавшие на месте головной убор *хат* и шапочку. Обратите внимание на прорези на концах — для лент, которыми повязки завязывали на затылке, — и на ушки по краю, к которым пришивали полотно головного убора (ср. таблицы XXXI и LXXVI, C, 3).

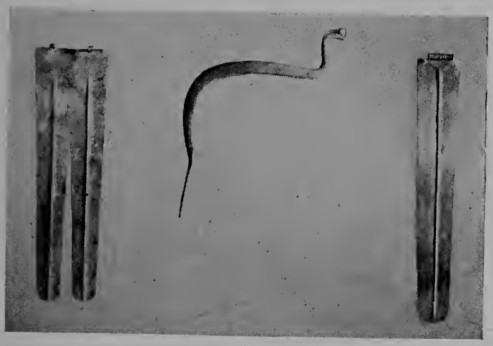
(B) Ожерелье из четырех нитей золотых бусин и бусин цветного стекла и амулет — подушка *урс*, или подголовник, из железа (другие железные предметы см. на таблицах LXXXII и LXXXVII). (См. главу VII.)

A

B

C

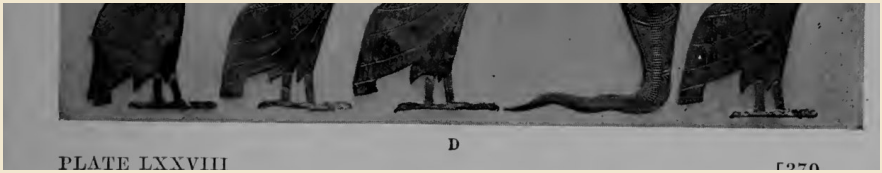

Таблица LXXVIII. Амулеты с шеи царя

Таблица LXXVIII

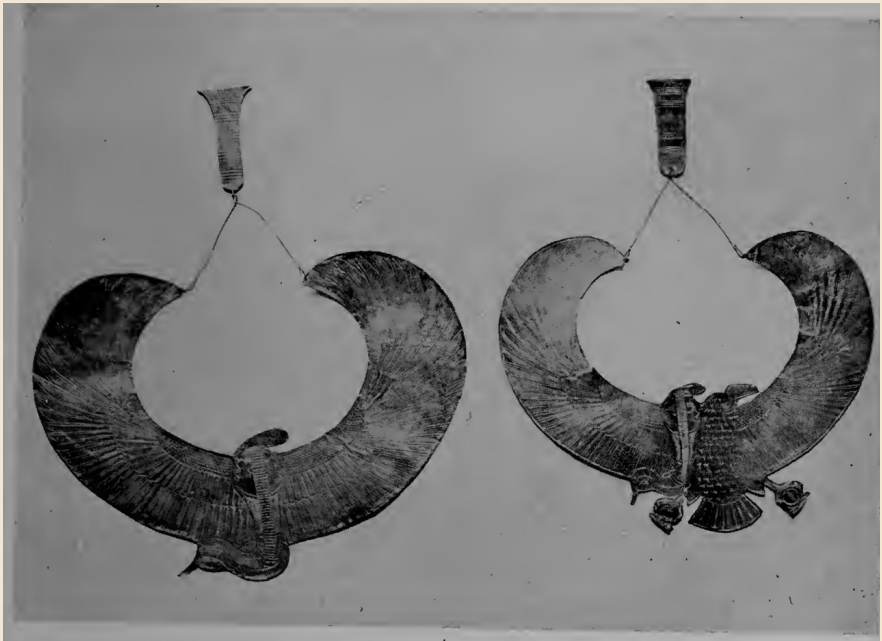
Амулеты с шеи царя.

(A) (Слева направо) пряжка *тет* из яшмы, золотой столб *джед*, золотой *уаз*, инкрустированный зеленым полевым шпатом, и золотой столб *джед*, инкрустированный синим фаянсом.

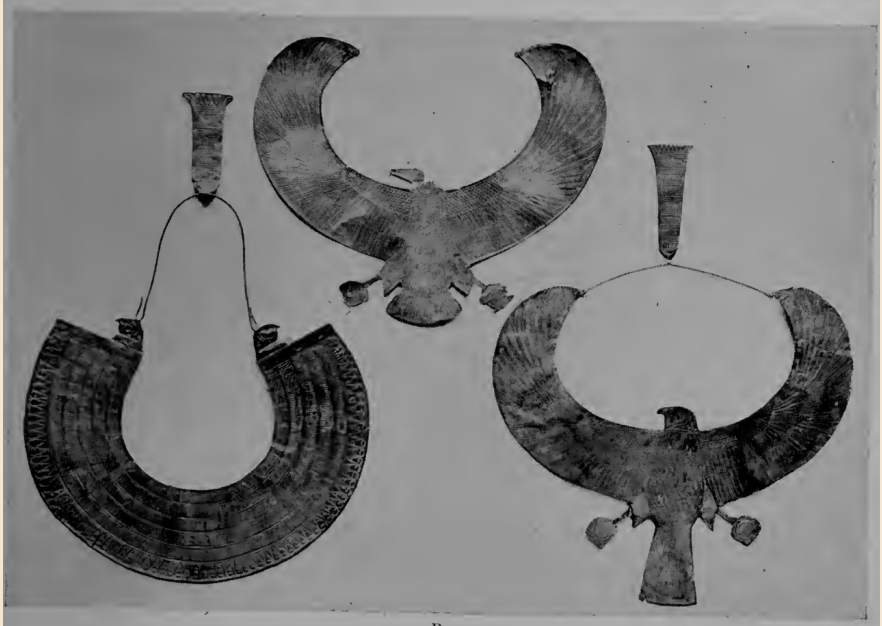
(B) (Слева направо) Тот, инкрустированный зеленым полевым шпатом; змеиная голова из сердолика в золотой оправе со вставными глазами; Гор из золота, инкрустированный лазуритом; Анубис из золота, инкрустированный зеленым полевым шпатом, и *уаз* из золота, инкрустированный зеленым полевым шпатом.

(C) Два любопытных подвесных амулета в виде листьев и змея *зт* из листового золота.

(D) Восемь амулетов из чеканного листового золота в виде грифов, уреев и крылатого урея с человеческой головой. На оборотной стороне у них ушки для подвешивания. (См. главу VII.)

A

B

PLATE LXXIX

Таблица LXXIX. Амулетные оплечья из чеканного листового золота с шеи и груди царя

Таблица LXXIX

Амулетные оплечья из чеканного листового золота с шеи и груди царя.

(A) «Оплечье Буто» и «Оплечье Небти» (то есть Нехбет и Буто).

(B) «Оплечье Нехбет», «Оплечье Сокола» и «Оплечье Гора». (См. главу VII и таблицы XXX, LXXX и LXXXI.)

A

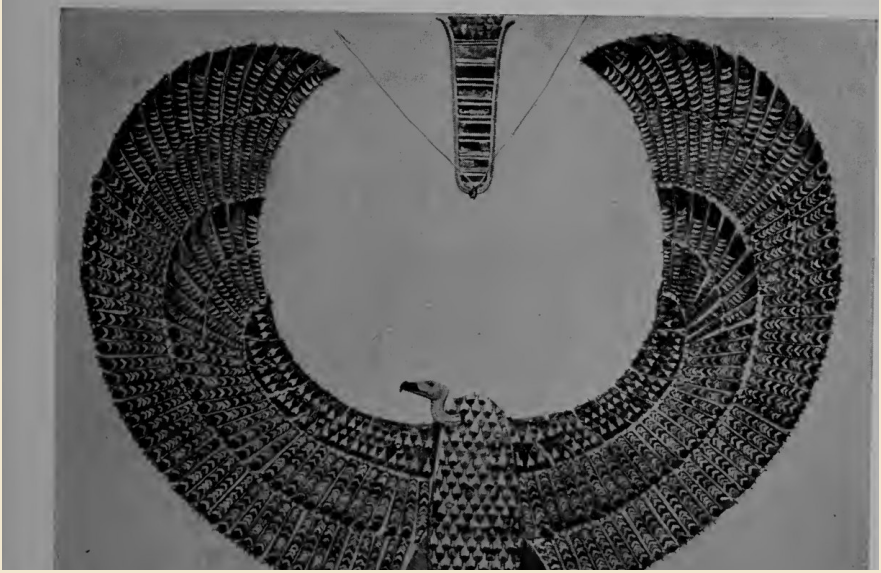

Таблица LXXX. Нагрудные оплечья перегородчатой работы с мумии царя

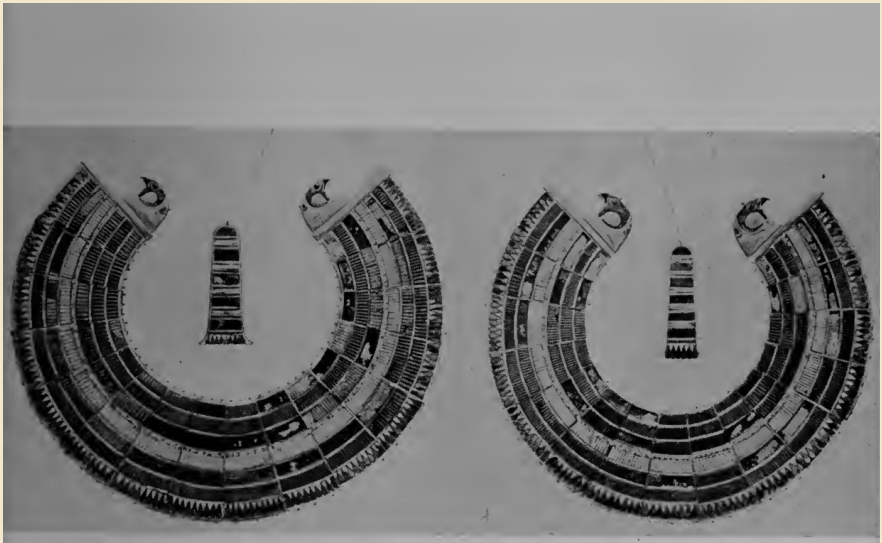
Таблица LXXX

Нагрудные оплечья перегородчатой работы с мумии царя.

(A) Гибкое «Оплечье Гора» из 38 золотых пластинок, искусно инкрустированных многоцветным стеклом и скрепленных между собой каймами из мельчайших бусинок. С груди. (См. главу VII.)

(B) Гибкое «Оплечье Нехбет» из 256 золотых пластинок, искусно инкрустированных многоцветным стеклом и скрепленных между собой каймами из мельчайших бусинок. С груди. (См. главу VII.)

(См. таблицы LXXIX и LXXXI.)

A

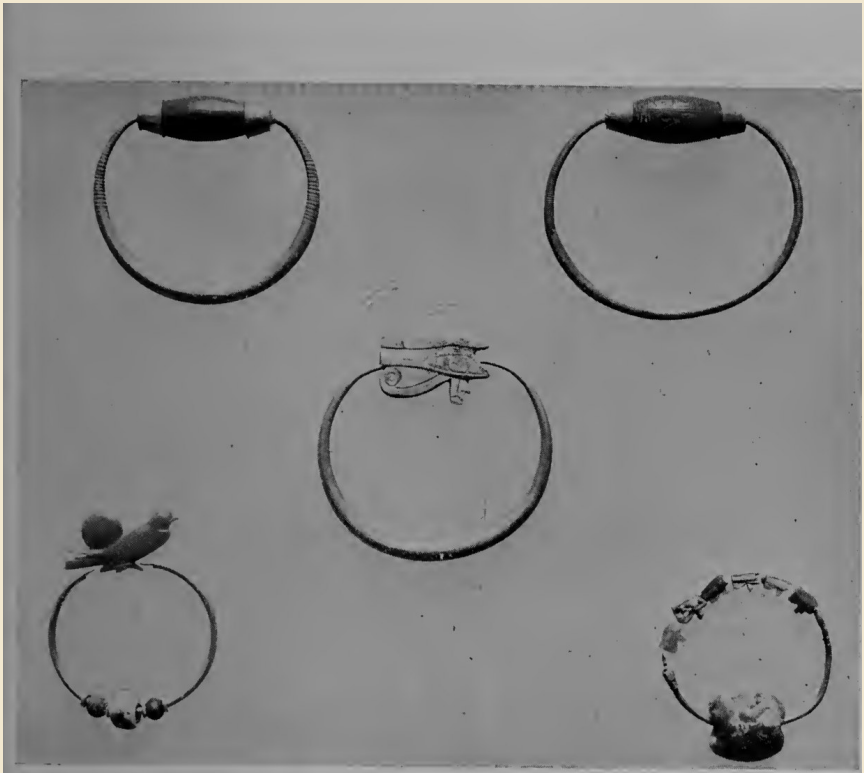
Таблица LXXXI

Нагрудные оплечья перегородчатой работы с мумии царя.

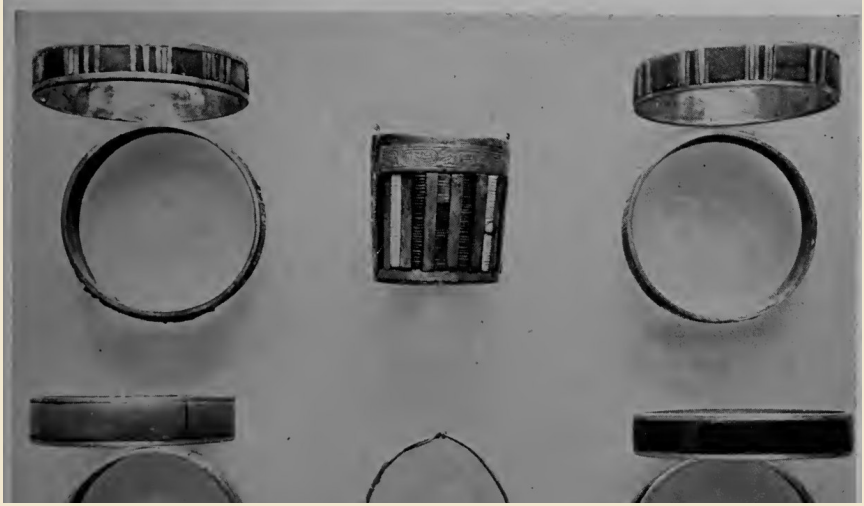
(A) Гибкие оплечья «Сокола» из золотых пластинок, инкрустированных многоцветным стеклом. Найдены смятыми на ногах. (См. главу VII.)

(B) Гибкое «Оплечье Небти» (то есть Нехбет и Буто) из 171 золотой пластинки, искусно инкрустированной многоцветным стеклом. С груди. (См. главу VII.)

(См. таблицы LXXIX и LXXX.)

A

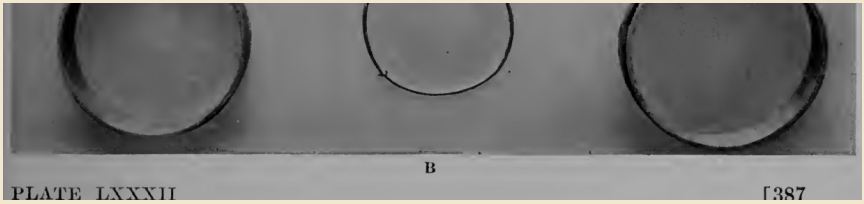

Таблица LXXXII. Амулетные браслеты и ножной браслет с мумии царя

Таблица LXXXII

Амулетные браслеты и ножной браслет с мумии царя.

(A) С груди: 1 — золотой браслет с лазуритовой бусиной; 2 — золотой браслет с сердоликовой бусиной, покрытой надписью; 3 — золотой браслет с железным оком *уджат*. С рук: 4 — золотой браслет с птицей *мент* из сердолика; 5 — золотой браслет с семью очами *уджат* и крупной бусиной из разных материалов. (См. главу VII.)

(B) Четыре пары золотых обручей, инкрустированных цветным стеклом, — с разных частей тела и ног; ножной браслет из золота и многоцветного стекла — с живота; браслет из золотой проволоки — с правой лодыжки. (См. главу VII.)

(См. таблицу XXX, N.)

Таблица LXXXIII. Амулеты и амулетный передник с мумии царя

Таблица LXXXIII

Амулеты и амулетный передник с мумии царя.

(A) Два узла с груди, предмет в форме буквы T с живота, овальная пластинка и знак в форме перевернутой буквы Y с левого бока — все из простого листового золота. (См. главу VII.)

(B) Передник из семи золотых пластинок, инкрустированных многоцветным стеклом и скрепленных между собой каймами из бусин. Его нашли ниже живота, между бедрами. (См. главу VII.)

(См. таблицу XXX, J и M.)

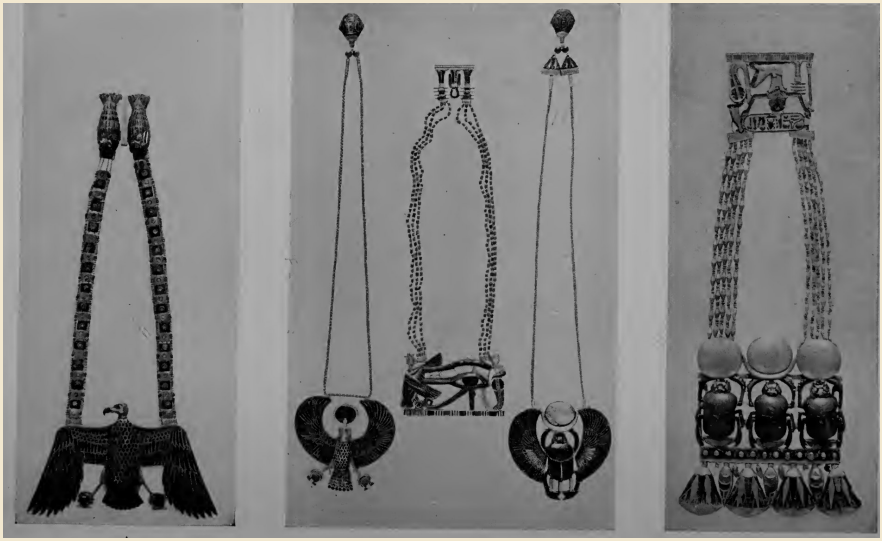

Таблица LXXXIV. Пять пекторалей, подвешенных на шее царя

Таблица LXXXIV

Пять пекторалей, подвешенных на шее царя.

(A) Пектораль с грифом Нехбет из золота, инкрустированная зеленым стеклом, лазуритом и сердоликом.

Она подвешена на гибких ремешках из золотых и лазуритовых пластинок, нанизанных на нити, с каймами из золотых и синих фаянсовых бусин. Два сокола, образующие застежку, выполнены из золота перегородчатой работой и инкрустированы цветным стеклом. (См. главу VII.)

(B) Пектораль с солнечным соколом (справа) из золота; тело сокола сделано ажурным и заключает в себе зеленый камень.

Пектораль с лунным серпом и диском (слева) из золота, инкрустированная многоцветным стеклом.

Пектораль с оком *уджат* (в середине) из золота, инкрустированная лазуритом, бледно-зеленоватым камнем и

многоцветным стеклом. (См. главу VII.)

(С) Пектораль с жуками-хеперами, поддерживающими солнечный и лунный диски, из золота (серп и лунный диск — из сплава золота с серебром), инкрустированная так:

жуки и маргаритки — из лазурита, маленькие подвесные бутоны — из сердолика, большие подвесные цветы и бутоны лотоса — из многоцветного стекла. Она подвешена на пяти нитях гладких и зерненых золотых бусин; застежка из ажурного золота, инкрустированная многоцветным стеклом, включает разные символы и картуш с надписью: «Прекрасный бог, Небхепрура-Амон-Ра, избранник Ра». (См. главу VII.)

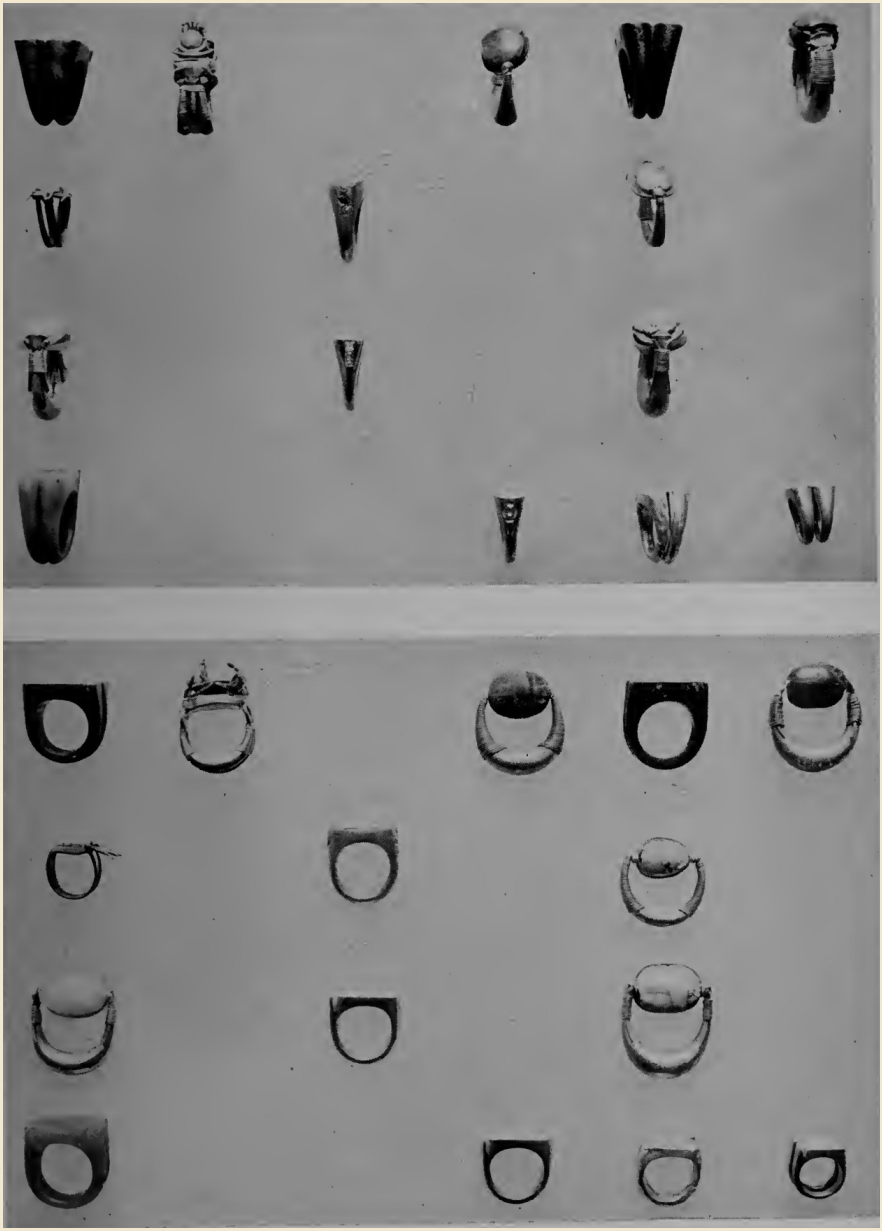
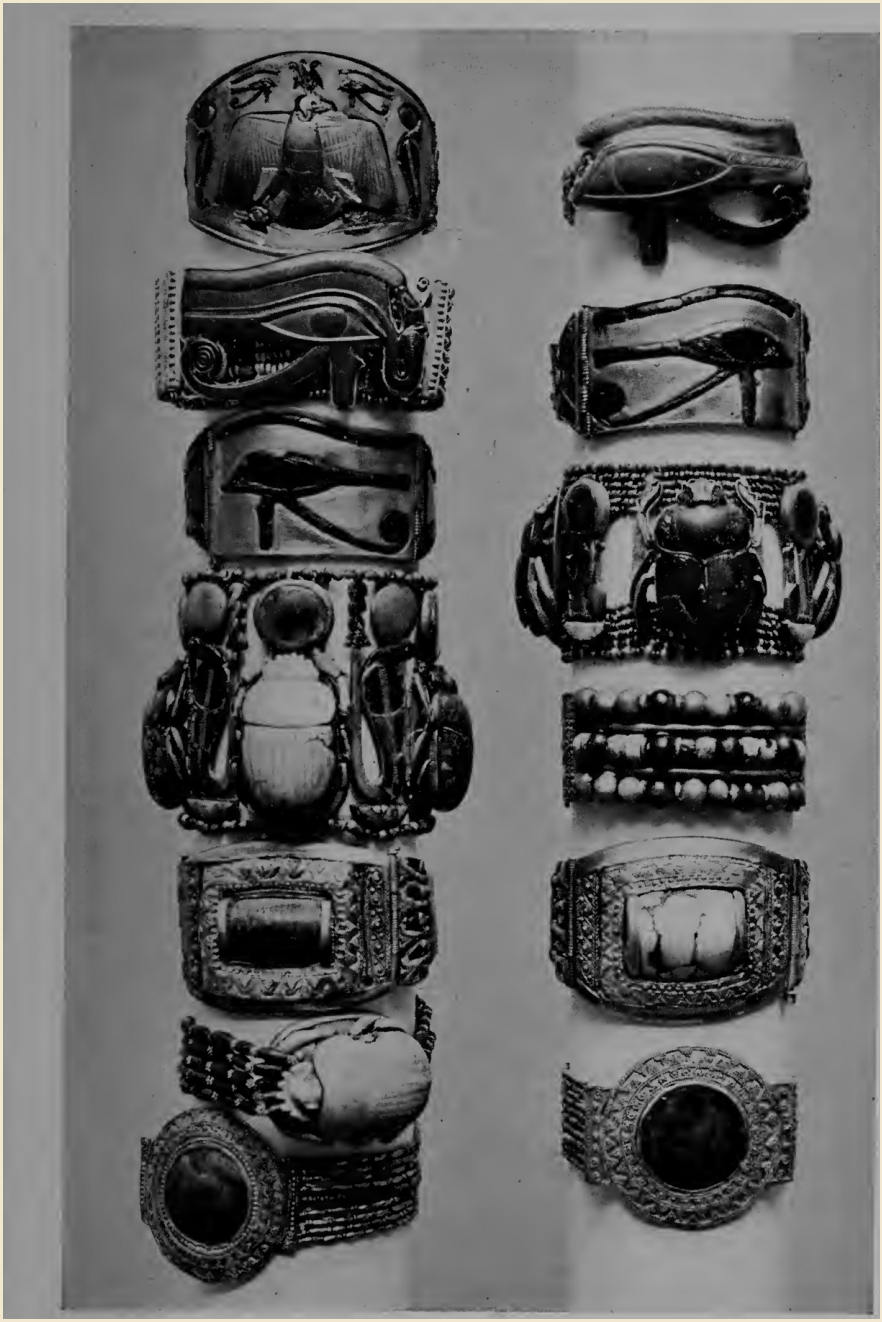

Таблица LXXXV. Перстни с мумии царя

Таблица LXXXV

Перстни с мумии царя.

Перстни из золота, лазурита, мутно-белого и зеленого халцедона, бирюзы и черной смолы. Обратите внимание на особые метки по бокам перстней — по-видимому, раннюю форму пробирного клейма. Два перстня (в середине) сняты с левой руки царя, группа из пяти (слева) найдена у его правого запястья, а группа из восьми (справа) — у левого запястья. (См. главу VII.) На снимках перстни показаны с двух сторон.

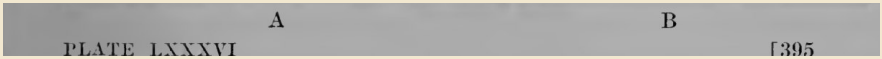

Таблица LXXXVI. Браслеты с предплечий царя

Таблица LXXXVI

Браслеты с предплечий царя.

(A) Семь браслетов с правого предплечья и (B) шесть браслетов с левого предплечья. Здесь они расположены в том порядке, в каком были надеты на мумию: (A) начиная от локтя и кончая запястьем, (B) начиная от запястья и кончая локтем. Они сделаны из золота и серебра и инкрустированы разными полудрагоценными камнями и многоцветным стеклом. (См. главу VII и таблицу XXXIII.)

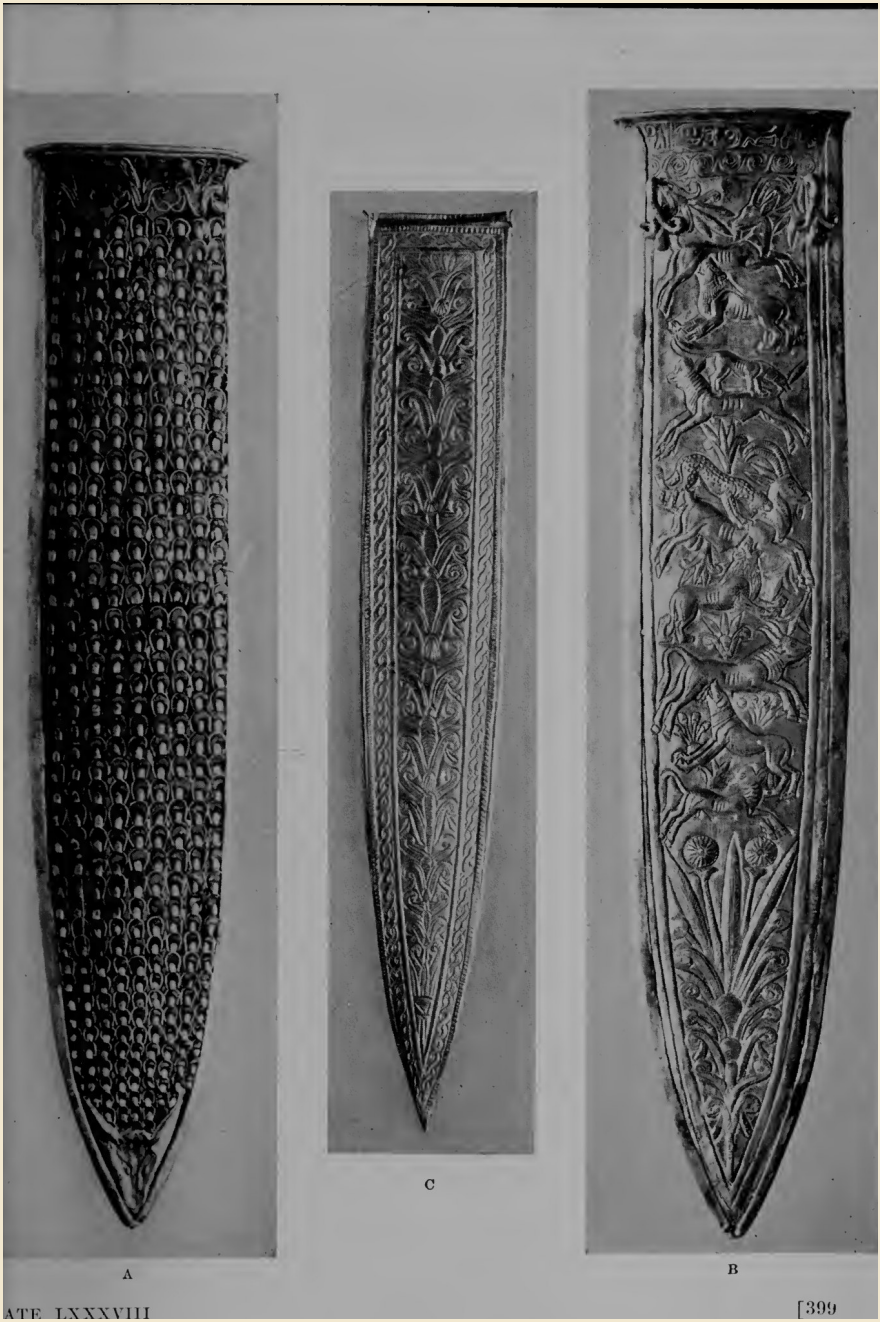
Таблица LXXXVII. Два кинжала, найденные на царе

Таблица LXXXVII

Два кинжала, найденные на царе.

(A) Золотой кинжал. Рукоять украшена золотой зернью и опоясана чередующимися полосами перегородчатой работы, а у эфеса завершается напаянным узором из золотой проволоки — цепочкой завитков и «веревочкой». Клинок из закаленного золота имеет посередине два желобка, над которыми помещены узор-«пальметта» и узкий фриз геометрического орнамента. (См. главу VII и таблицу LXXXVIII, A и B.)

(B) Железный кинжал. Золотая рукоять с навершием из горного хрусталя украшена золотой зернью и опоясана чередующимися полосами перегородчатой работы; нижняя полоса завершается напаянной золотой проволокой. Железный клинок, когда его нашли, был совсем светлым и чистым, если не считать нескольких пятнышек ржавчины. (См. главу VII и таблицы XXX, K, и LXXXVIII, C.)

A

C

B

ATE LXXXVIII [399

Таблица LXXXVIII. Ножны кинжалов

Таблица LXXXVIII

Ножны кинжалов.

(A и B) Ножны золотого кинжала.

На лицевой стороне (A) — фриз-«пальметта» и перистый узор перегородчатой работы, завершающийся головой шакала; на оборотной стороне (B) высоким рельефом вычеканено изображение диких животных — под фризом из спиралей и именем и титулами царя; внизу оно завершается пышным растительным узором. (См. главу VII и таблицу LXXXVII, A.)

(C) Золотые ножны железного кинжала.

Оборотная сторона, показанная на снимке, покрыта чеканным пышным растительным узором с каймой-«веревочкой»; лицевая — простым гребенчатым перистым узором, завершающимся головой шакала, как на A. (См. главу VII и таблицу LXXXVII, B.)